

Гурджиев Георгий

Жизнь реальна только тогда, когда 'Я есть' (фрагмент)

Г.И.Гурджиев

Жизнь реальна только тогда, когда "Я есть" (фрагмент)

Перевод с английского А. Гаспаряна

ВСЕ И ВСЯ

Десять книг в трех сериях.

ПЕРВАЯ СЕРИЯ: Три книги под общим названием "Рассказы Вельзевула своему внуку" или "Объективная беспристрастная критика человеческой жизни"

ВТОРАЯ СЕРИЯ: Три книги под общим названием "Встречи с замечательными людьми"

ТРЕТЬЯ СЕРИЯ: Четыре книги под общим названием "Жизнь реальна только тогда, когда "Я есть"

Все написано на основе совершенно новых принципов логического обоснования и направлено непосредственно на разрешение следующих трех кардинальных проблем:

ПЕРВАЯ СЕРИЯ:

Разрушить, безжалостно, без какого-либо компромисса, в мышлении и чувствах читателя взгляды и убеждения обо всем существующем в мире, за период многих столетий укоренившиеся в него.

ВТОРАЯ СЕРИЯ:

Познакомить читателя с материалом, требуемым для нового творения, и показать его разумность и доброкачественность.

ТРЕТЬЯ СЕРИЯ:

Содействовать созданию в мышлении и чувствах читателя истинного, не-фантастического представления о мире, существующем в реальности, а не о том мире, который он воспринимает теперь.

"Из всех, кто заинтересуется моими писаниями, никто никогда не должен даже пытаться читать их иначе чем в указанном порядке; другими словами, он не должен никогда читать ничего из написанного мной прежде, чем хорошо ознакомится с более ранними работами".

Г.И.ГУРДЖИЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное замечание В.Анастасьева

Предисловие Жанны Зальцман

Пролог

Вступление

Первая беседа

Вторая беседа

Третья беседа

Четвертая беседа

Пятая беседа

Внешний и внутренний мир человека

Послесловие к русскому изданию

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Хотя этот текст - не более чем фрагментарный и предварительный набросок того, что Г.И.Гурджиев собирался написать для Третьей серии "Жизнь реальна только тогда, когда "Я

есть", наша семья считает своим долгом выполнить желание нашего дяди, которое состояло в том, чтобы, как он подчеркивает во введении к этой книге, "поделиться с творениями подобными себе всем, что он узнал о внутреннем мире человека".

Мы считаем, что публикацией этой книги мы выполняем его намерение, выраженное в этом введении, и, кроме того, таким образом удовлетворяем ожидания многих людей, интересующихся его учением.

От имени семьи

ВАЛЕНТИН АНАСТАСЬЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

"Моя последняя книга, в которой я хочу поделиться с другими созданиями нашего Общего Отца, подобными себе, почти всеми прежде неизвестными тайнами внутреннего мира человека, которые мне удалось случайно узнать".

Гурджиев написал эти слова 6 ноября 1934 года и сразу же начал работу. В следующие несколько месяцев он полностью посвятил себя разработке идей для этой книги.

Затем неожиданно, 2 апреля 1935 года, он совершенно перестал писать.

Каждый вправе спросить: почему он отказался от этого начинания именно на этом этапе и больше никогда к нему не возвращался?

Почему он оставил эту Третью серию незавершенной и видимо отказался от своего намерения опубликовать ее?

На эти вопросы невозможно ответить, если человек сам не участвовал в той напряженной работе, которую Гурджиев вел в последние пятнадцать лет своей жизни с некоторым количеством учеников, создавая для них день за днем условия, необходимые для непосредственного и практического изучения его идей.

Он ясно дал понять на последней странице "Рассказов Вельзевула своему внуку", что Третья серия будет доступна только тем, кто будут отобраны как способные понять "подлинные объективные истины, которые он "осветит" в этой серии".

Гурджиев обращается к современному человеку, то есть к человеку, который уже не способен распознавать истину, открытую ему в различных формах с самых ранних времен - человеку, глубоко неудовлетворенному, чувствующему себя изолированным и ведущим бессмысленную жизнь.

Итак, если представить, что такой человек существует, как пробудить в нем разум, способный отличать реальное от иллюзорного?

Согласно Гурджиеву, к истине можно приблизиться только когда все части, составляющие человеческое существо - мышление, эмоции и тело - задействованы одной и той же силой и способом, соответствующим каждой из них. В противном случае развитие неизбежно будет односторонним и рано или поздно зайдет в тупик.

Без глубокого понимания этого принципа вся работа над собой непременно отклонится от своей цели. Самые насущные условия будут поняты ошибочно и человек получит только механическое повторение формы усилия, никогда не превышающего ординарного уровня.

Гурджиев знал, как использовать каждое обстоятельство жизни для того, чтобы дать людям почувствовать истину.

Я видела его за работой, внимательно изучающим возможности понимания и субъективные трудности каждого ученика. Я видела, как он намеренно делал акцент то на одном аспекте знания, то на другом, следуя совершенно определенному плану - работая то с какой-то мыслью, которая стимулировала интеллект и открывала совершенно новое видение, то с чувством, что требовало отказа от всего искусственного в пользу непосредственной и полной искренности, а временами с пробуждением и приведением в движение тела, которое должно было научиться

свободно выполнять все, что от него требовалось.

Итак, что же было целью написания этой Третьей серии?

Роль, которую он ей предназначал, не может быть отделена от всего его метода учения. В какой-то определенный момент, когда он находил это необходимым, он просил читать вслух в его присутствии какую-то отдельную главу или место, при этом давая ученикам какие-то подсказки или образы, которые внезапно открывали им глаза на самих себя и свои внутренние противоречия.

Это был путь, который не изолировал их от жизни, но проходил через жизнь, путь, который принимал в расчет да и нет, противоположности, все противоречивые силы, путь, который создавал у них понимание необходимости борьбы за то, чтобы подняться выше битвы жизни, в то же время принимая участие в ней.

Человек подводился к некому порогу, который ему надлежало перейти, и прежде всего он чувствовал, что от него требуется полная искренность. Это могло казаться трудным переходом, но то, что оставлялось позади, уже не имело прежней привлекательности. На фоне возникавших колебаний образ самого Гурджиева был мерой того, что необходимо давать и от чего необходимо отказаться, чтобы избежать неверного направления.

И это уже не было учением доктрины, но воплощенным действием знания.

Третья серия в том виде как она есть, неполная и незавершенная, открывает метод действия мастера - такого, который одним своим присутствием обязывает вас прийти к некому окончательному решению, обязывает вас знать, чего вы хотите.

Перед смертью Гурджиев послал за мной, чтобы сказать, как он видел положение дел, и дать мне некоторые инструкции:

"Издавай тогда, когда будешь уверена, что время пришло. Издавай Первую и Вторую серии. Но самое главное, самое первое - это подготовить ядро людей, способных отвечать возникающим требованиям.

Пока не будет такого ядра, действие идей не пойдет дальше определенного порога. Это займет время... даже много времени.

Издавать Третью серию нет необходимости. Она была написана для другой цели. Тем не менее, если однажды ты придешь к убеждению, что ты должна это сделать, издай ее". Задача была для меня ясной: как только была издана Первая серия, было необходимо работать без передышки, чтобы сформировать ядро, способное, благодаря своему уровню объективности, преданности и требованиям, предъявляемых самому себе, поддерживать то движение, начало которому было положено.

ЖАННА ДЕ ЗАЛЬЦМАНЫ

ПРОЛОГ

Я есть?.. Но куда исчезло то полное ощущение всего себя, прежде всегда бывшее во мне в такие же моменты само-исследования в процессе само-воспоминания...

Неужели эта внутренняя способность была приобретена мной -- за счет всех видов самоотрицания и частого самостимулирования--только для того, чтобы теперь, когда ее влияние на мое Бытие стало более необходимым, чем воздух, она должна исчезнуть без следа?

Нет! Этого не может быть!.. Что-то здесь неправильно

Если это правда, то тогда все в сфере разума - алогично.

Но во мне еще не атрофировалась способность к сознательной работе и намеренному страданию!..

Учитывая все прошлые события, я должен все еще быть.

Я хочу!.. и я буду!!

Кроме того, мое Бытие необходимо не только для моего личного эгоизма, но и для общего

блага всего человечества.

Мое Бытие на самом деле необходимо всем людям; даже более необходимо им, чем их нынешнее благосостояние и счастье.

Я хочу еще быть... Я еще есть!

По непостижимым законам ассоциации человеческих мыслей, теперь, перед тем, как начать писать эту книгу, которая будет моей третьей - то есть моей инструктивной - серией писаний, и вообще моей последней книгой, в которой я хочу поделиться с другими созданиями нашего Общего Отца, подобными мне самому, почти всеми теми прежде неизвестными тайнами внутреннего мира человека, которые я случайно узнал, - мне снова пришло в голову то, цитировавшееся выше, само-убеждение, которое продолжалось во мне в некоем почти бредовом состоянии, имевшем место точно семь лет назад, и даже, как мне кажется, в этот самый час.

Этот фантастический монолог происходил во мне 6 ноября 1927 года, ранним утром в одном из монмартрских ночных кафе в Париже, когда, уже устав до изнеможения от моих "черных" мыслей, я решил пойти домой и там еще раз попробовать - удастся ли мне хотя бы немного поспать.

Хотя мое здоровье было, и тогда тоже, вообще плохое - в то утро я чувствовал себя особенно скверно.

Мое жалкое состояние было усугублено в то утро тем фактом, что в последние две или три недели я спал не более одного или двух часов в сутки, а в эту последнюю ночь не смог уснуть вовсе.

Основной причиной такой бессонницы и общего расстройств, в те дни уже чрезмерного, почти всех важных функций моего организма было непрерывное течение в моем сознании "тяжелых" мыслей относительно видимо неразрешимой ситуации, которая тогда неожиданно сложилась для меня.

Чтобы суметь объяснить, по крайней мере приблизительно, что это была за неразрешимая для меня ситуация, я должен сначала сказать следующее:

На протяжении более чем трех лет до этого я писал, почти день и ночь, постоянно подгоняя себя, книги, которые решил опубликовать.

Я сказал "постоянно подгоняя себя", потому что из-за последствий автомобильной аварии, которая произошла со мной как раз перед тем, как я начал писать эти книги, я был очень болен и слаб и поэтому, конечно, не был способен ни к какому активному действию.

И все же я не жалел себя и даже в таком состоянии продолжал очень тяжело работать, главным образом благодаря факторам, сформировавшим в моем сознании, в самом начале, следующее убеждение, принявшее характер *idee fixe*:

Поскольку мне не удалось, когда я был в полноте своих сил и здоровья, на практике претворить в жизнь людей те благотворные истины, которые я осветил для них, то я должен, по крайней мере, любой ценой успеть до моей смерти сделать это в теории.

В процессе писания набросков, еще в первый год, различных фрагментов, предназначенных для публикации, я решил написать три серии книг.

Я решил содержанием первой серии книг добиться разрушения в сознании и чувствах людей глубоко укоренившихся убеждений, которые по моему мнению являются ложными и полностью противоречат реальности.

Содержанием второй серии книг доказать, что существуют другие способы восприятия реальности, и указать путь к ним.

Содержанием третьей серии книг поделиться возможностями, открытыми мною, прикосновения к реальности и, при большом желании, даже слияния с ней.

С такими намерениями я начал со второго года излагать письменно этот материал в

отдельных книгах в форме, доступной для обычного понимания.

И как раз накануне тех событий, которые я теперь описываю, я закончил писать все эти книги первой серии и уже начал работать над книгами второй серии.

Так как я намеревался издать первую серию моих писаний в следующем году, я решил поэтому, параллельно с работой над книгами второй серии, устраивать частые публичные чтения книг первой серии.

Я решил это делать для того, чтобы перед окончательной отсылкой их в печать пересмотреть их еще раз, но на этот раз в связи с впечатлениями, которые различные фрагменты производили на людей различных типов и уровней умственного развития.

И имея в виду эту цель, я начал с тех пор приглашать в мою городскую квартиру разных людей, моих знакомых с соответствующей индивидуальностью, послушать главу, предназначенную для исправления, которая читалась вслух кем-то в их присутствии.

В то время моим основным местопребыванием - как для всей моей семьи, так и для меня самого - было Фонтенбло, но из-за моих частых поездок в Париж я был вынужден иметь квартиру и там.

Во время этих публичных чтений в присутствии слушателей многих различных типов, одновременно наблюдая аудиторию и слушая свое писание, теперь готовое к публикации, я в первый раз очень определенно установил для себя и ясно, без всякого сомнения, понял следующее:

Форма изложения моих мыслей в этих писаниях могла бы быть понята исключительно теми читателями, кто, тем или иным путем, были уже знакомы с особенной формой моего мышления.

Но любой другой читатель, ради которого, говоря прямо, я изводил себя все это время почти непрерывно день и ночь, не понял бы почти ничего.

В процессе этого публичного чтения, кстати, мне стало ясно в первый раз, какой, в частности, должна быть форма, в которой нужно писать, чтобы это было приемлемо для понимания любого читателя.

Итак, когда я все это для себя выяснил, только тогда встал передо мной, во всем своем блеске и величии, вопрос моего здоровья.

Поверх всего прочего, тогда протекали в моем сознании следующие мысли:

Если все это, что было написано за три или четыре года почти непрерывного труда днем и ночью, нужно было бы переписать с самого начала в другой форме, более приемлемой для понимания каждого читателя, то потребовался бы, по крайней мере, такой же отрезок времени... Но время необходимо для написания второй и третьей серии; и время также будет необходимо для введения в практическую жизнь сути моих писаний... Но где взять столько времени?

Если бы мое время зависело исключительно от меня самого, я бы мог, конечно, переписать все это заново.

Более того, с самого начала этого нового писания я бы приобрел уверенность в счастливом конце, потому что теперь, зная как писать, я вполне мог надеяться, что по крайней мере после моей смерти основные цели моей жизни наверняка будут осуществлены.

Но из-за всякого рода накопленных последствий моей прошлой жизни выходит так, что как раз сейчас мое время зависит не от меня, но исключительно от "своевольного" Архангела Гавриила. И в действительности мне остается лишь один или два или, может быть, самое большее, еще три года жизни.

Это, то есть что я должен скоро умереть, может подтвердить теперь любой из сотен знающих меня врачей-специалистов.

Кроме того, я сам в моей прежней жизни не зря был известен как хороший, выше среднего, диагност.

Недаром я за свою жизнь имел множество бесед с тысячами кандидатов на срочное отправление на тот свет.

Говоря прямо, это было бы даже неестественно, будь это иначе... Потому что процесс инволюции моего здоровья за все время моей прошедшей жизни проходил во много раз быстрее и интенсивнее, чем процесс эволюции.

Фактически, все функции моего организма, который прежде был, как говорили мои друзья, "отлитым из стали", постепенно выродились, так что в настоящий момент из-за постоянного переутомления ни одна из них не функционирует, даже относительно, должным образом.

И это вовсе не удивительно... Даже не учитывая многих других событий, необычных для человеческого опыта, которые имели место в причудливо своеобразной форме моей прежней жизни, достаточно вспомнить лишь тот странный и необъяснимый рок, преследовавший меня, который состоял в том, что я был ранен три раза в совершенно различных обстоятельствах, каждый раз смертельно и каждый раз шальной пулей.

Если осмыслить все значение только этих трех инцидентов, которые, конечно же, оставили неизгладимые следы в моем теле, то можно понять, что каждый из них сам по себе мог бы быть достаточной причиной моего конца уже очень давно.

Первое из этих трех непостижимых фатальных событий произошло в 1896 году на острове Крит за год до начала Греко-Турецкой войны.

Оттуда, еще без сознания, я был вывезен, я не знаю почему, какими-то неизвестными греками в Иерусалим.

Вскоре, с возвратившимся сознанием, хотя с еще не вполне восстановленным здоровьем, я, в компании с другими - такими же как и я сам "искателями жемчуга в навозе", отправился из Иерусалима в Россию - не по воде, как обычно делают нормальные люди, а по земле, пешком.

От этого странствия, продолжавшегося около четырех месяцев, обычно по местам почти непроходимым, с моим здоровьем все еще в сомнительном состоянии, должны были, конечно, отложиться в моем организме на всю оставшуюся жизнь некие "хронически проявляющиеся" факторы вредного влияния на мое здоровье.

В добавление ко всему прочему, во время этого глупого путешествия меня посетили и остались погостить на довольно продолжительное время, найдя себе много удовольствий в моем теле, некоторые особые "деликатесы" местного характера, среди которых, между прочим, была благородная и знаменитая "курдистанскаяцинга", не менее известная "армянская дизентерия", и, конечно, этот вездесущий всеобщий любимец, имеющий так много имен: la grippe, или инфлюэнца.

После этого, волей-неволей, я вынужден был жить несколько месяцев, никуда не отлучаясь, дома в Закавказье, а потом снова начал, движимый, конечно, как всегда, идеей фикс моего внутреннего мира, различные путешествия через всякого рода пустыни, целинные земли и джунгли.

И в это время в моем несчастном физическом теле я снова играл роль гостеприимного хозяина, во время их долгих визитов, для многих других деликатесов местного характера.

Среди таких новых гостей были почтенная "ашхабадская бединка", "бухарская малярия", "тибетская водянка" и многие другие, которые также, погостив у меня, оставили мне свои визитные карточки навсегда.

В последующие годы мой организм, хотя приобрел уже иммунитет против всех таких местных тонкостей, тем не менее не мог, конечно, из-за все увеличивающегося в нем напряжения, искоренить последствия прежних деликатесов.

В таких условиях перенапряжения проходили годы; затем для этого несчастного моего физического тела наступил еще один роковой год, 1902, когда я был пробит второй шальной

пулей.

Это случилось в величественных горах Тибета за год до Англо-Тибетской войны.

В этот второй раз мое несчастное физическое тело сумело ускользнуть от рока благодаря тому, что рядом со мной было пять хороших врачей - трое с европейским образованием и два специалиста тибетской медицины, все пятеро, искренно преданные мне.

Через три или четыре месяца бессознательной жизни для меня начался еще один год постоянного физического напряжения и необычных психологических изысканий и новшеств - а затем настал мой третий роковой год.

Это было в конце 1904 года в Закавказье, недалеко от Чиатурского тоннеля.

Говоря об этой третьей шальной пуле, я не могу здесь не воспользоваться случаем, к удовольствию одних и неудовольствию других моих сегодняшних знакомых, сказать теперь открыто об этой третьей пуле, что она была выпущена в меня, конечно, несознательно, каким-то "очаровашкой" из тех двух групп людей, которые, попав с одной стороны под влияние революционного психоза, а с другой во власть деспотических начальников, случайных выскочек, вместе заложили тогда, тоже, конечно, несознательно, краеугольный камень в основание действительно, по крайней мере сегодня, "великой России".

Тогда там проходили боевые действия между так называемой Русской Армией, в основном казаками, и так называемыми гурийцами.

Ввиду того факта, что определенные события моей жизни, начиная с этого третьего, почти фатального ранения, и до последнего времени, имели между собой, как я недавно заметил для себя, очень странную и в то же время очень определенную связь с точки зрения одного физического закона, я поэтому опишу некоторые из этих событий как можно подробнее.

Необходимо, прежде чем идти дальше, заметить здесь также, что вечером 6 ноября 1927 года, когда, хорошо выспавшись, я начал думать о сложившейся для меня ситуации, в моем сознании вспыхнула одна идея среди прочих, которая тогда показалась мне полностью абсурдной; но сейчас, неожиданно установив и за последние семь лет объяснив для себя различные факты, прежде неизвестные мне, я убедился без всякого сомнения, что она истинна.

Так вот, в период этой третьей пули со мной рядом был только один человек, и к тому же очень слабый. Как я узнал позже, он, думая, что ситуация и окружающие условия могли вызвать для меня очень нежелательные последствия, быстро нашел где-то осла и, положив меня, бывшего абсолютно без сознания, на него, погнал его спешно далеко в горы.

Там он положил меня в какую-то пещеру, а сам ушел искать помощи.

Он нашел какого-то "цирюльника-лекаря", необходимые бинты и вернулся с ними поздно вечером.

В пещере они никого не нашли и были очень удивлены, потому что ни я сам не мог уйти, ни кто-либо другой не мог войти туда, а относительно диких зверей им было очень хорошо известно, что в этом краю, кроме оленей, коз и овец, никаких животных не было.

Они заметили следы крови, но по ним нельзя было идти, потому что уже наступила ночь.

Только на следующее утро, когда начало светать, проведя всю ночь в беспокойстве и бесплодных поисках в лесу, они нашли меня между какими-то камнями, все еще живого и по всей видимости крепко спящего.

Цирюльник сразу отыскал какие-то корни, сделал из них мне временную перевязку, и дав инструкции моему слабому другу о том, что делать, немедленно куда-то удалился.

Поздно вечером он вернулся в сопровождении двух своих друзей, "хевсуров", с двухколесной повозкой, запряженной двумя мулами.

В этот вечер они отвезли меня еще дальше в горы и снова положили меня в пещеру, но на этот раз в большую, примыкавшую к другой огромной пещере, в которой, как позже выяснилось,

сидели

и полулежали, возможно, размышляя о человеческой жизни прошлых и будущих эпох, несколько десятков мертвых хевсуров, "мумифицированных" разреженным воздухом этого возвышенного места.

В этой пещере, в которой они меня положили, в течение двух недель в присутствии вышеупомянутого слабого человека, цирюльника и одного молодого хевсура продолжалась во мне борьба между жизнью и смертью.

После этого мое здоровье стало улучшаться с такой скоростью, что спустя неделю мое сознание полностью возвратилось, и я уже мог двигаться с помощью кого-то и палки, и пару раз даже побывал на "тайной встрече" моих "бессмертных соседей".

К этому времени стало уже ясно в процессе гражданской войны, что верх, как говорится, взяла Русская Армия, и уже везде казаки выискивали и арестовывали всех "подозрительных" жителей, которые не были местными.

Поскольку я не был местным, а также знал способ мышления людей, подпавших под влияние "революционного психоза", я решил бежать из этих краев как можно скорее.

Учитывая создавшуюся обстановку в Закавказье в целом, и мои личные планы на будущее, я решил ехать в Закаспийскую область.

Продолжая испытывать невероятные физические страдания, я отправился в путь в компании вышеупомянутого слабого человека.

Я испытывал невероятные страдания главным образом потому, что я должен был везде по пути сохранять вид, не вызывающий подозрений.

Вид, не вызывающий подозрений, был необходим, чтобы не стать жертвой этого "политического психоза". Дело в том, что в местах, где проходила железная дорога, лишь недавно был, так сказать, "достигнут высший градус" этого национального психоза, в данном случае между армянами и татарами, и некоторые особенные последствия этого человеческого бедствия все еще по инерции проявлялись.

Мое несчастье в данном случае состояло в том факте, что, имея "универсальную внешность", я выглядел для армян чистокровным татаринном, а для татар чистокровным армянином.

Чтобы сделать этот длинный рассказ короче, я, всеми правдами и неправдами, в компании этого моего слабого друга и с помощью губной гармошки прибыл наконец в Закаспийскую область.

Эта губная гармошка, которую я обнаружил в кармане моего пальто, сослужила нам хорошую службу.

На этом оригинальном инструменте я тогда играл, могу признаться, неплохо - хотя я играл только две мелодии: "Сопки Маньчжурии" и вальс "Ожидание".

Прибыв в Закаспийскую область, мы решили на время пребывания остановиться в городе Ашхабаде.

Мы сняли две хорошие комнаты в частном доме с прелестным садом, и я мог наконец отдохнуть.

Однако на следующее утро мой единственный товарищ, уйдя в аптеку, чтобы достать для меня необходимые медикаменты, долго не возвращался.

Проходили часы, но он все не приходил... он не приходил.

Я начал беспокоиться главным образом потому, что знал, что он был здесь в первый раз и еще никого не знал.

Наступила ночь и у меня нет больше терпения... Я иду искать его.

Неожиданно, слушая мои вопросы, сын аптекаря говорит, что он видел, как этого самого

молодого человека, который был у них утром, арестовали полицейские на улице недалеко от них и куда-то увели.

Что было делать? Куда идти? Я никого здесь не знаю и, кроме того, я едва способен двигаться, потому что за последние несколько дней я пришел в полное истощение.

Когда я выхожу из аптеки, на улице уже почти совсем темно.

Случайно мимо проезжает свободный экипаж. Я прошу отвезти меня в центр города, куда-нибудь поближе к базару, где после закрытия магазинов все еще продолжается жизнь.

Я решаю ехать туда в надежде на встречу, может быть, в каком-нибудь кафе или чайхане, с каким-нибудь моим знакомым.

Я едва передвигаюсь по узким улочкам, и мне попадаются только маленькие ашханы, в которых сидят только текинцы.

Я все больше и больше слабею, и в моих мыслях уже мелькает подозрение, что я могу потерять сознание.

Я сажусь на террасе перед первой же чайханой, которая мне попадает, и прошу немного зеленого чая.

Сделав несколько глотков, я прихожу в себя - слава Богу! - и смотрю в пространство, тускло освещенное уличным фонарем.

Я вижу, что какой-то высокого роста человек с длинной бородой, в европейской одежде, проходит мимо чайханы.

Его лицо кажется мне знакомым, я смотрю на него, а он, приближаясь и также глядя на меня очень пристально, проходит мимо.

Проходя дальше, он оборачивается несколько раз и снова на меня смотрит.

Я решаю рискнуть и кричу ему вслед на армянском: "Либо я вас знаю, либо вы меня знаете!"

Он останавливается и, глядя на меня, вдруг восклицает: "А! Черный дьявол!", и идет ко мне.

Мне достаточно было услышать его голос, чтобы узнать, кто это.

Это был никто иной как мой дальний родственник, бывший переводчик полицейского суда.

И я также знал, что причиной его ссылки было то, что он вступил в тайную связь с любовницей шефа полиции.

Можете ли вы вообразить мое внутреннее ликование при этой встрече?

Я не буду описывать, как и о чем мы говорили, когда сидели на террасе маленькой чайханы, продолжая пить зеленый чай.

Я скажу только, что на следующее утро этот мой дальний родственник, бывший полицейский чиновник, пришел ко мне в сопровождении своего друга, лейтенанта полиции.

От них я узнал, во-первых, что с моим товарищем ничего серьезного не произошло.

Он был арестован только потому, что был здесь в первый раз и никто его никогда до этого не видел.

И поскольку везде было много опасных революционеров, он был арестован с единственной целью установления личности.

Это, они сказали, несложная вещь. Они напишут в то место, где был выдан его паспорт, и сделают запрос о его политической благонадежности; а если он должен, тем временем, развлекаться с блохами и вшами, что из этого? Испытать такое очень хорошо как подготовительное образование для дальнейшей жизни.

И во-вторых, прибавил мой дальний родственник, понижая голос, твое имя появилось в списке нарушителей спокойствия посетителей "Монмартра", мест фривольных развлечений.

Учитывая это, а также в связи с другими соображениями, я, все еще очень больной, решил покинуть также и это место, и как можно скорее. Тем более, что я никак не мог помочь моему

другу.

Теперь совершенно один, и более того, с очень ограниченными средствами, я двинулся в направлении Центральной Азии.

Преодолев с невообразимыми трудностями всякого рода великие и малые препятствия, я прибыл в город Янгихисар в бывшем китайском Туркестане, где, с помощью моих старых друзей, я запасся деньгами, а затем оказался в том самом месте, где жил несколько лет назад, когда восстанавливал свое здоровье, пошатнувшееся из-за шальной пули номер два.

Это место расположено на юго-западной окраине пустыни Гоби и является в моем представлении самым изобильным и цветущим из всех частей поверхности нашей Земли.

А относительно воздуха в этой местности и его целебного влияния на каждого, кто его вдыхает, я скажу, что он поистине очистителей.

Если рай и ад существуют в реальности, и если они испускают какое-то излучение, то воздух в пространстве между этими двумя источниками был бы Наверное именно таким.

Потому что на одной стороне - почва, которая почти буквально источает из себя, как из рога изобилия, всевозможные виды земной флоры и фауны и фоскалии, и сразу же рядом с этой изобильной почвой - пространство во много тысяч квадратных километров, представляющее в буквальном смысле ад, где не только ничего не растет, но все, что выросло в другом месте, случайно попадая в него, полностью разрушается за очень короткое время, не оставляя никакого следа.

Именно здесь, на этом маленьком, единственном в своем роде кусочке твердой поверхности нашей Земли, воздух которого, то есть наша вторая пища, берет свое начало и трансформируется между силами рая и ада, во мне происходило, в конце моего посещения этого места, а потом в другой раз в почти бредовом состоянии, точно такое же само-убеждение, в связи с которым в моем сознании, вечером 6 ноября, как я упомянул выше, промелькнула идея, которая показалась мне тогда полностью абсурдной.

В первый раз мои друзья привезли меня туда в бессознательном состоянии вскоре после того как я был ранен второй шальной пулей.

Вначале рядом со мной было много друзей, среди которых было пятеро вышеупомянутых врачей.

И когда, после возвращения сознания, я пошел на поправку, все они постепенно уехали, и я остался там с одним тибетцем и одним очень молодым кара-киргизом.

Живя там, вдали от людей всех типов и видов, в компании этих двух симпатичных людей, заботившихся обо мне почти по-матерински, и питаюсь вышеупомянутым "очистительным воздухом", я за шесть недель поправился настолько, что уже хотел и был в состоянии в любой момент покинуть это целительное место.

Все уже было собрано и упаковано, и для продолжения путешествия мы ожидали только прибытия отца молодого кара-киргиза с его тремя верблюдами.

Так как у меня были сведения, что в одной из долин горы, называвшейся тогда "пик Александра III", находились в то время несколько русских офицеров, топографов Туркестанского Топографического Управления, среди которых был один из моих очень хороших друзей, я настоял, чтобы мы сперва зашли к ним, а оттуда уже присоединились к какому-нибудь большому каравану и пошли сначала в Андижан, а затем в Закавказье, чтобы повидать моих родителей.

Я к тому времени, хотя еще и не вполне, как говорится, "твердо держался на ногах", но уже чувствовал себя довольно хорошо.

Была ночь; взошла полная луна. Следуя по пути случайных ассоциаций, мои мысли незаметно перешли снова к вопросу, который к этому времени окончательно трансформировался в *idée fixe* моего внутреннего мира.

В продолжение всех этих мыслей об этом и под влиянием, с одной стороны, далекого глухого гула, создаваемого звуками миллиардов жизней всевозможных форм, а с другой стороны - внушающей ужас тишины, во мне постепенно выросла по отношению к самому себе критическая способность беспрецедентной силы.

Вначале мне вспомнились все мои ошибки в моих прежних поисках.

В то время как, с одной стороны, я продолжал констатировать свои ошибки и вообще несовершенства методов, до этого мною применявшихся, с другой стороны, мне становилось ясно, как мне следовало действовать в том или другом случае.

Я очень хорошо помню, как моя сила убывала от этих напряженных мыслей, и, пока это продолжалось, какая-то часть меня снова и снова побуждала меня встать и встряхнуться, чтобы остановить эти мысли, но я не мог этого сделать, так сильно я был поглощен этими самыми мыслями.

Я не знаю, чем бы все это кончилось, если бы в тот самый момент когда я инстинктивно начал чувствовать, что скоро потеряю сознание, возле меня не опустились на землю те самые три верблюда.

От этого я пришел в себя и встал.

К этому времени уже начало рассветать. Не спали также и мои молодые компаньоны, уже занимавшиеся приготовлениями к утренней жизни в пустыне.

Поговорив со стариком, мы решили использовать лунный свет и выходить в путь только по вечерам. Кроме того, за день верблюды могли хорошо отдохнуть.

Вместо того, чтобы лечь и немного поспать, я взял винтовку и дорожное ведро, сделанное из брезента, и пошел к близлежащему источнику очень холодной воды, находившемуся на самом краю пустыни.

Раздевшись, я стал очень медленно поливать себя этой холодной водой.

После этого, хотя я чувствовал себя очень хорошо умственно, физически я так ослабел, что, одевшись, был вынужден лечь на землю там же около источника.

А затем, в то время как я чувствовал себя таким слабым физически и очень хорошо освеженным умственно, во мне стало продолжаться то самое само-убеждение, суть которого запечатлилась в моем сознании навсегда и в связи с которым, вечером 6 ноября, промелькнула упомянутая идея.

Это было довольно давно, и я не помню буквально слов этого са-мо-убеждения, столь непохожего на мое обычное общее состояние.

Но, сохранив в себе, так сказать, его "вкус", я могу восстановить все это теперь очень точно, хотя и другими словами. Оно состояло в следующем:

Судя по улучшению моего здоровья в последние несколько дней, кажется, что я снова вернулся к жизни и волей-неволей должен буду влачить и дальше свое существование и ишачить так же, как раньше.

Боже мой! Возможно ли, что я должен буду испытывать вновь все то, что я пережил во все вместе взятые

периоды моего активного состояния, за полгода до этого моего последнего несчастья?

Не только испытывать чувства, сменяющие друг друга почти регулярно, стыда за внутренние и внешние проявления моего обычного бодрствующего состояния, и одиночества, разочарования, пресыщенности, и других, но, главным образом, везде быть преследуемым страхом "внутренней пустоты"?

Чего я только не делал, какие только ресурсы не задействовал и не исчерпал в моем решении достичь состояния, когда функционирование моей души в моем обычном бодрствующем состоянии протекало бы в соответствии с предварительными указаниями моего

активного состояния, но все впустую!

В моей прежней жизни, будучи всегда безжалостным к своим природным слабостям, и почти все время сохраняя само-наблюдение, я смог достичь почти всего, что в пределах человеческих возможностей, а в некоторых областях достиг даже такой степени силы, какой ни один человек, возможно, даже за все прошлые эпохи, никогда не достигал.

Например, развитие силы моих мыслей было доведено до такого уровня, что всего лишь за несколько часов

само-подготовки я мог на расстоянии десятков миль убить яка; или за двадцать четыре часа мог собрать жизненные силы такой интенсивности, что мог за пять минут погрузить в сон слона.

В то же время, несмотря на все мои желания и старания, я не мог добиться успеха в "само-воспоминании" в процессе моей обычной жизни с другими людьми; так, чтобы быть способным проявлять себя не в соответствии с моей натурой, а в соответствии с предварительными указаниями моего "сосредоточенного сознания".

Я не мог достичь состояния "само-воспоминания", достаточного даже для того, чтобы остановить ассоциации, текущие во мне автоматически вследствие некоторых нежелательных наследственных факторов моей природы.

Как только накопленная энергия, позволявшая мне быть в активном состоянии, истощалась, немедленно начиналось течение ассоциаций мыслей и чувств в направлении объектов, диаметрально противоположных идеалам моего сознания.

Когда у меня не было удовлетворенности едой и сексом, ведущим фактором этих моих ассоциаций, казалось, была прежде всего месть, а в состоянии полного удовлетворения они текли на тему грядущих удовольствий еды и секса или на темы наслаждения любовью к себе, тщеславия, гордости, ревности и других страстей.

Я глубоко размышлял сам и старался узнать у других о причинах такой ужасной ситуации в моем внутреннем мире, но не мог прояснить абсолютно ничего.

С одной стороны ясно, что необходимо "помнить себя" и в процессе обычной жизни, а с другой стороны

очевидно, что необходимо иметь некую внимательность, способную контактировать с другими людьми.

Хотя в моей прошлой жизни я пробовал все, даже носил на себе напоминающие факторы всевозможных видов, ничего не помогало. Возможно, это помогало немного, пока я носил их на себе, но и то только вначале, а как только я переставал носить их или привыкал к ним, в то же мгновение все становилось как раньше.

Нет никакого выхода....

Тем не менее, он есть; есть только один выход-иметь вне себя некий, так сказать "никогда-не-спящий-уп-равляющий-фактор".

А именно фактор, который напоминал бы мне всегда, в моем любом обычном состоянии, о том, чтобы "помнить себя".

Но что это такое!!! Возможно ли это??!! Новая мысль!!!

Почему до сих пор не могла прийти в мою голову такая простая мысль?

Неужели я должен был страдать и физически, и морально до сих пор только для того, чтобы сейчас мне позволено было думать о такой возможности?

Почему я не мог, и в этом случае также, искать "универсальную аналогию"? И здесь тоже Бог!!! Снова Бог!!! Только Он везде и с Ним все связано.

Я человек, и таким я создан Им, в отличие от всех других внешних форм животной жизни,

по Его образу!!!

Он Бог, и значит я тоже имею в себе все возможности и невозможности, которые имеет Он. Разница между Ним и мной должна состоять только в масштабе.

Потому что Он Бог всего существующего во вселенной! И следовательно, я тоже должен быть Богом чего-то существующего на моей шкале.

Он Бог, и Я Бог! Какие возможности есть у Него по отношению ко всему существующему во вселенной, такие же возможности и невозможности должны быть также и у меня по отношению к миру, подчиненному мне.

Он Бог всего мира, а также Бог моего внешнего мира. Я тоже Бог, хотя только моего внутреннего мира. Он Бог, и Я Бог!

Во всем и для всего мы имеем одни и те же возможности и невозможности!

Что возможно и невозможно в сфере Его великого мира, должно быть возможно или невозможно в сфере моего маленького мира.

Это так же ясно, как то, что после ночи должен неизбежно наступить день.

Но как я мог не заметить такой поразительной аналогии?

Я так много думал о сотворении мира и поддержании существования мира, и вообще о Боге и его делах; а также разговаривал со многими людьми обо всех этих материях; но ни разу не пришла в мою голову эта простая мысль.

И тем не менее, это не может быть иначе. Все, без исключения, вся строгая логика, так же как и все исторические данные, обнаруживает и подтверждает

то, что Бог представляет абсолютную доброту; Он все-любящий и все-прощающий. Он справедливый умиротворитель всего, что существует.

В то же время зачем должен Он, будучи Тем, что Он есть, прогонять от Себя одного из своих ближайших,

им порожденных любимых сыновей, только за "путь гордости", свойственный любой молодой и еще не полностью сформированной индивидуальности, и наделять его силой равной, но противоположной Своей собственной?.. Я имею в виду "Дьявола".

Эта идея как солнце осветила весь мой внутренний мир, и сделала очевидным фактом, что в великом мире для поддержания гармонического устройства неизбежно требуется некий вид постоянного сохранения напоминающего фактора.

По этой причине наш Создатель Сам, во имя всего того, что Он создал, вынужден был поставить одного из своих любимых сыновей в такое, в объективном смысле, унижительное положение.

Поэтому я тоже должен теперь для моего маленького внутреннего мира создать вне себя, из некоего фактора, любимого мною, подобный неиссякаемый источник.

Теперь возникает такой вопрос:

Что есть в моем обычном существовании такого, что, если я удалю это от самого себя, будет всегда в моих разнообразных состояниях напоминать мне о себе?

Думая и думая, я пришел к выводу, что если бы я должен был прекратить всякое применение той

исключительной силы, которой я обладаю, которая была развита мною сознательно в моей обычной жизни с людьми, тогда и будет, вероятно, выдвинут из меня такой напоминающий источник.

А именно, власть, основанная на силе в области "хан-бледзойн", или, как это называют другие, силе телепатии и гипнотизма.

Благодаря, главным образом, этому моему качеству, развитому во мне мною самим, я в процессе обычной жизни, особенно за два последние года, был испорчен и развращен до самой

глубины, так что, вероятнее всего, оно останется во мне на всю мою жизнь.

И поэтому, если я сознательно лишу себя этой благодати моей сущности, тогда несомненно всегда и во всем ее отсутствие будет мною сильно ощущаться.

Я клянусь помнить о том, чтобы никогда не пользоваться этой своей способностью, и тем самым лишить себя удовлетворения большинства моих пороков. В процессе жизни с другими людьми это мое любимое качество будет всегда для меня напоминанием.

Никогда, сколько буду жить, я не забуду своего состояния, которое возникло у меня тогда, когда в последний день моего пребывания в этом месте произошло вышеприведенное самоубеждение, окончившееся выводом, который я также привел выше.

Как только я осознал весь смысл этой идеи, я как будто заново родился; я вскочил и стал бегать вокруг источника, не зная, что я делаю, как молодой теленок.

Все это кончилось тем, что я решил принести присягу своей собственной сущности, в состоянии ума, известном мне, никогда больше не использовать эту мою способность.

Я должен также заметить, что когда я поклялся не применять в жизни это мое качество, я сделал оговорку, что моя клятва не должна касаться случаев применения его в научных целях.

Например, я очень интересовался тогда, и даже теперь мой интерес не потерян полностью, повышением видимости удаленных космических объектов во много тысяч раз посредством использования медиума, а также лечением рака силой внушения.

Все это было примерно за два года до моего второго посещения этого места.

Ближе к концу этого второго посещения в моем бытии главная Цель почти всей моей жизни раскололась на два определенных аспекта; и на этот раз также благодаря моему беспрепятственному свободному мышлению, то есть мышлению, не подвергавшемуся воздействию автоматических влияний других людей. Беда в том, что до этого времени цель моего внутреннего мира была сконцентрирована только на одном моем непреодолимом желании исследовать со всех сторон и понять точный смысл и цель жизни человека.

До тех пор в моей жизни каждая деятельность, в которую я бросался, каждая ошибка или успех были связаны с этой единственной целью моего внутреннего мира.

Даже моя склонность в то время к постоянным путешествиям и стремлению ставить себя в процесс совместного существования людей в тех местах, где происходили резкие энергичные события, такие как гражданская война, революции, и т.д., проистекала также из этой моей единственной цели.

Прежде всего, за время этих событий я собрал материал для прояснения вопросов, связанных с моей основной целью, в более концентрированной форме, и поэтому более продуктивно.

Во-вторых, как результат памяти в моем автоматическом мышлении о всех ужасах, свойственных таким насильственным событиям, свидетелем которых я был, и наконец, из накопленных впечатлений от бесед с различными революционерами в предыдущие несколько лет вначале в Италии, а затем в Швейцарии, и еще совсем недавно в Закавказье во мне кристаллизовалась мало-помалу, помимо прежней единственной цели, еще одна неукротимая цель.

Эта другая вновь возникшая цель моего внутреннего мира состояла в общем в следующем: что я должен найти, любой ценой, некий способ или средство для того, чтобы разрушить в людях склонность к внушаемости, которая заставляет их легко подпадать под влияние "массового гипноза".

И поэтому, после этого вышеупомянутого "возрождения" цели моего внутреннего мира, в то время как продолжался процесс восстановления моего здоровья, я составил в своих мыслях предвари

тельный план своей будущей деятельности.

Итак, идея, вспыхнувшая в моем сознании вечером 6 ноября, состояла в следующем:

По всей вероятности, переживание мной за последние несколько дней ужасного отчаяния и необычно напряженной борьбы внутренних сил, выразившейся в то утро в почти бредовом самоубеждении, -- на самом деле есть ничто иное как прямой результат того самоубеждения, которое происходило во мне в почти таком же состоянии около тридцати лет назад на краю пустыни Гоби.

Поэтому, как только я более или менее поправился, я сразу же продолжил свои исследования, но теперь с двумя определенными целями вместо прежней одной.

Я не буду писать здесь о том, что я предпринял дальше, ни о том, как я удовлетворял моего внутреннего "двухголового червя любознательности", поскольку об этом я уже писал достаточно подробно в одной из книг третьей серии моих писаний.

Я скажу здесь только, что через несколько лет я счел необходимым организовать где-нибудь учреждение для подготовки "помощников-инструкторов" с той целью, чтобы ввести в жизнь людей то, чему я сам уже научился.

Когда возникла эта необходимость, тогда, после всяческих "сравнительных размышлений" я выбрал Россию как наиболее подходящую для этой цели страну.

С этой целью я оказался в 1912 году в сердце России, городе Москве, где сразу начал организовывать такое учреждение под названием "Институт гармонического развития человека".

Через два года постоянной психофизически напряженной работы этот проект быстро приближался к завершению, когда внезапно началась война, война, о которой никто не думал, что она может продлиться долго, но которая постепенно стала хронической и теперь называется "Мировой войной".

Медленно тянулись годы; годы, которые теперь уже не только непрерывно требовали напряженной деятельности от этого моего злополучного физического тела, но высасывали из него несколько раз за день все виды сил, накопленных для воли и терпения.

Я уже начинал, что может показаться странным, приспособляться к условиям, созданным этим общим злом человечества, когда внезапно, очень м-е-д-л-е-н-н-о и очень н-е-н-а-в-я-з-ч-и-в-о появилась Мадам Русская Революция.

Эта досточтимая леди, хотя еще не совсем твердо стоящая на ногах, сразу начала наносить внутри этого моего бедного физического тела такие раны и повреждения, что скоро каждый его атом сжался от страха и не мог получить ни одной минуты покоя.

Медленно проходили месяцы; казалось, что прошли века; мой внешний мир от удущья уже начал биться в конвульсиях; в то же время, тем не менее, оживление, производимое вечно противоположными факторами в моем внутреннем мире, достигло высочайшей степени.

В этом состоянии внутренней живости, не думая о будущих перспективах, я начал действовать.

Здесь начался еще раз для этого моего физического тела ряд "фокусов", необычных для человеческой психики.

Я сразу же отправился в путешествие, снова через непроходимые места, на этот раз в горах Кавказа, испытывая, конечно, как обычно происходит в таких путешествиях, частый голод и холод, в добавление к постоянному беспокойству о моих близких людях, как о тех, кто остался в этом хаосе позади, так и о тех, кто был рядом со мной. Затем, с одной стороны, у меня началась дизентерия в тяжелой форме, а с другой стороны, вернулась старая болезнь под названием "жаба" (angina pectoris), которую я считал полностью излеченной.

После этого - несколько месяцев жизни в жестоких условиях, а затем путешествия из одной

страны в другую, с, наряду с другими вещами, неизбежной необходимостью быть постоянно "настороже" - так, чтобы ни я, ни кто другой из сопровождавших меня молодых людей, которые еще не испробовали "деликатесов" человеческой жизни, не стали жертвами в то время общеевропейского "политического психоза".

Затем - два года безостановочной психофизической деятельности по организации Института, на этот раз во Франции.

И как раз в этот момент моей долгой и необычной жизни капризная и своевольная судьба сыграла со мной свою главную шутку.

К тому времени мне уже стало ясно, что, с одной стороны, все, что я имел из материальных ресурсов в бывшей России, исчезло навсегда, и, с другой стороны, если через три месяца у меня не будет по крайней мере одного "кругленького" миллиона франков, то я вылечу в трубу, тоже навсегда.

И в этом злополучном моем физическом теле, утомленном уже до предела, особенно двумя последними годами напряженной работы, из-за двух этих "сюрпризов" мое мышление усилилось до таких пропорций, что для него с трудом хватало места в моей черепной коробке.

Каким-то чудом мой череп не лопнул, и поэтому я решил предпринять рискованное путешествие в Америку вместе со множеством людей, среди которых большинство, как и я сам, не знали ни одного слова на местном языке, и ни один не имел ни гроша в кармане.

И тогда, для завершения всего этого, в качестве финального аккорда это мое изношенное физическое тело - в котором уже наличествовали из его предыдущей жизни все вышеперечисленные отметки - вместе с автомобилем, едущим на скорости 90 километров в час, врезалось в самое толстое дерево через месяц после моего возвращения в Европу из Америки.

Как выяснилось, после такого "променада" я не был еще окончательно разрушен, и несколькими месяцами позже, к моему несчастью, в мое полностью изувеченное тело вернулось в своей полной силе со всеми своими прежними атрибутами мое сознание.

После этого очень скоро возникли передо мной и стали совершенно очевидны два следующих факта:

Первый факт состоял в том, что все, что я наконец более или менее приготовил за последние три года как средство для возможности достижения второй главной цели моего внутреннего мира, должно из-за долгой паузы в моем личном участии неизбежно погибнуть.

Второй состоял в том, что если ущерб, причиненный моему физическому телу автомобильной аварией, может быть возмещен и здоровье восстановлено, то это произойдет, в любом случае, совсем не скоро.

Когда эти два несомненных факта стали совершенно ясны для меня, во мне начались, внутри окутывающей их сферы физических страданий, также и моральные страдания.

К тому времени я мог уже двигаться по дому и даже ездить на автомобиле, конечно, всегда с чьей-либо помощью.

Стараясь быть внешне спокойным во всем, чтобы не создавать лишних забот для моих близких, я, внутренне, под аккомпанемент этих двух видов страдания думал, думал и думал о своем положении.

И как раз вместе с этими мыслями во мне поднялся второй ряд моральных страданий.

А именно: я осознал и через несколько дней незаметного наблюдения с определенностью установил тот факт, что ужасная болезнь моей искренне любимой жены по причине перерыва в моем специальном лечении, а также ее полного забывания о себе в процессе ухаживания за мной во время моей болезни, была так запущена, что к этому времени уже под вопросом была сама возможность ее излечения.

И в дополнение к этому, врачи, лечившие мою мать, которые приходили ко мне как старые

друзья, часто замечали мне, что ее хроническая болезнь все больше прогрессировала.

Я намеренно отодвинул от себя все мысли о причинах этого второго ряда моральных страданий, потому что ясно понимал свою беспомощность.

Все свое внимание я намеренно сконцентрировал на причинах моего первого ряда моральных страданий и на перенесении на себе их последствий, с той целью, чтобы не испытывать страданий второго ряда.

Только тогда после многих дней очень активного и серьезного размышления я решил использовать для своей цели единственное средство, доступное мне в моем положении.

Я решил посвятить все функции своего внутреннего мира одной цели - как бы то ни было, суметь изложить саму суть всего того материала, на который я пролил свет для блага человечества, в какой-либо описательной форме.

С этим решением, в тот же самый день я начал диктовать. Это было 1 января 1925 года.

Я сказал "диктовать", потому что вначале я был еще настолько слаб, что не мог писать сам, а только диктовать.

С этого самого момента с физическими страданиями, а также ча-сто с моральными страданиями второго ряда, все еще продолжавшимися, я писал и писал, делал изменения и снова писал.

С самого начала, с целью сделать для себя более ясными логическую связь и последовательное развитие идей моего изложения, я установил обычай по вечерам, как дома, так и в поездках, слушать в присутствии других людей чтение вслух того отрывка, над которым я тогда работал.

Этими другими людьми были всегда либо бывшие студенты основанного мной Института, которые по-прежнему оставались со мной, или просто давние последователи моих идей из разных стран, которых я случайно встретил в своих путешествиях, или те, кто, следуя старой привычке, продолжали периодически меня навещать.

Мое положение в то время, как прежде было описано, я констатировал и полностью прояснил для себя уже в сентябре и с тех пор часто думал и думал о нем с тем результатом, что наконец, 6 ноября я пришел к категорическому решению, которое будет описано ниже.

Поэтому теперь после всех моих объяснений, я думаю, уже любой читатель может легко представить себе, какая дилемма встала передо мной, когда, проработав почти три года с невообразимыми трудностями и собираясь уже умереть спокойно, я определенно и ясно понял, без всякого сомнения, что из этих моих писаний люди, которые не знали меня лично, не смогут понять абсолютно ничего.

Мое категорическое решение, к которому я пришел 6 ноября 1927 года, состояло в следующем:

Мобилизовать все способности и возможности всего моего существа, как приобретенные мной самим, так и наследственные, и до момента прихода следующего нового года, а это момент моего появления на Земле Бога, открыть какое-либо возможное средство к удовлетворительному выходу из этой ситуации.

В случае неспособности найти такое средство, вечером последнего дня старого года, начать уничтожение всех моих писаний, рассчитав время так, чтобы в полночь вместе с последней страницей уничтожить и себя самого.

Начиная с этого дня, стараясь внешне жить и работать так же, как и прежде, так чтобы мое необычное состояние не было замечено окружающими меня людьми, я направил свои мысли единственно на этот вопрос -- как выбраться из моей отчаянной ситуации.

Поскольку мое намеренное мышление об этом было очень напряженным, через день или два все мысли, возникавшие во мне автоматически, также начинали течь исключительно в связи

с этим вопросом.

Время шло... Приближались Рождественские каникулы.

Поглощенный внутренне все время этими мыслями, я стал заметно хуже и слабее, и что еще хуже, в дополнение к этому, вновь почему-то начали проявляться во мне последствия моих прежних болезней, подцепленных за много лет до этого.

Я очень хорошо помню, как однажды в этот период, будучи физически изнуренным до изнеможения, только что окончив опасный спуск в автомобиле по обледеневшему перевалу в Пиренеях, сидя в каком-то провинциальном убогом кафе, я укоризненно задал себе следующий вопрос:

"Что сейчас, конкретно, было бы необходимо мне сделать, чтобы, во-первых, я сам мог быть полностью удовлетворен моим писанием и, во-вторых, чтобы создать полностью соответствующие условия для его распространения?"

На этот конкретный вопрос я, осушив огромное количество рюмок местной "прелести" под названием арманьяк, и после достаточно Долгого и серьезного размышления, сформулировал для себя следующий ответ: Оба эти полностью удовлетворяющих меня желания могли быть исполнены, если бы были осуществлены три весьма определенные условия.

Первое, чтобы я переписал заново все мои писания, но в новой форме, которую я теперь понимал.

Второе, и параллельно с этим, чтобы я изучил и со всех сторон прояснил для себя детали некоторых все еще для меня неизвестных и очень глубоких вопросов общей психики человека и использовал эту информацию в моих писаниях.

И третье, чтобы была возможность во время этого периода, пока я выполняю все это, обновления моего физического тела и моего духа до такой степени, чтобы, когда мои писания будут закончены, я мог бы управлять распространением их сам, с той энергией и настойчивостью, которые были свойственны мне в моей юности.

В тот же самый день, продолжив свою поездку и поглощенный своими фантастическими мыслями, я рассчитал, между прочим, что для изучения упомянутых неизвестных данных об обычной душе человека и для изложения моих писаний в новой форме потребовалось бы примерно не менее семи лет.

Кстати, можно заметить здесь, что в связи с этим моим вычислением этого периода в семь лет во мне даже возникло по отношению к самому себе ироническое чувство, и с этим чувством я подумал следующее:

Разве не любопытно было бы, если бы я действительно прожил еще семь лет и закончил за этот период все, что наметил?

Если это на самом деле произойдет, тогда, в дополнение ко всему, что будет завершено, я буду обладать по крайней мере одним превосходным и экстраординарным примером для детального практического доказательства закономерности появления следствий, происходящих из космического закона "семеричности", который

теоретически объяснен мною достаточно подробно в моих писаниях.

За день до Рождества я, уже очень усталый и измотанный до последней степени - как постоянным активным мышлением, так и непрерывной ездой в автомобиле, вернулся в свой дом в Фонтенбло.

Выйдя из автомобиля, я не пошел сразу лечь в постель, как уже привык делать, но вместо этого пошел в сад в надежде, что, может быть, там в тишине под влиянием знакомого и уютного окружения, я смогу немного расслабиться.

Пройдя, пошатываясь, небольшое расстояние по дорожке, я, будучи очень уставшим, сел на первую же скамейку, до которой дошел.

Случилось так, что я сел на ту самую скамейку, на которой, в первый год моего писания у меня была привычка часто сидеть и работать.

В то время часто приходили ко мне и садились рядом со мной на эту скамейку по обеим сторонам от меня два моих близких существа, единственно близких моему внутреннему миру.

Одна из них, всегда обожаемая мной, была моя старая мать, а другая, моя единственно и искренно любимая жена.

В настоящее время обе эти женщины, единственно близкие моему внутреннему миру, мирно покоятся рядом друг с другом на кладбище, которое для них, так же как и для меня, находится в совершенно чужой стране.

Первой умерла, от продолжительной болезни печени, моя мать; несколько месяцев спустя, от самого ужасного современного бедствия, болезни рака, ушла моя жена.

Эта страна Франция, между прочим, которая явилась последним местом успокоения для этих двух существ, единственно близких мне, но которая в действительности совершенно чужая моей природе, остается в моих чувствах, только по этой причине, как бы моей родной землей.

И вот, когда я сидел на этой скамейке и почти механически наблюдал знакомое окружение, во мне, по ассоциации идей, стали всплывать различные переживания, которые я имел в этом самом месте.

Вдруг я вспомнил и представил себе, как будто наяву, картину, которую часто видел в короткие периоды отдыха от моего активного размышления.

А именно, картину того, как с левой стороны от меня в компании двух павлинов, кота и собаки медленно шла по тропинке моя незабвенная старая мать.

Здесь невозможно не рассказать об отношении между моей матерью и упомянутыми животными, поскольку оно было на самом деле необычным в жизни современных людей.

Эти четыре столь разных по характеру животных всегда заранее точно знали, когда выходила моя мать, и, собравшись около двери ее дома, ожидали ее появления, а после этого, куда бы она ни шла, чрезвычайно "степенно" сопровождали ее.

Всегда кот шел впереди, два павлина по бокам и собака сзади.

Обычно, когда моя мать выходила из дома, который был назван "Le Paradou", и следовала в направлении меня, из своего дома, называвшегося "Le Prieure", выходила и шла ко мне моя жена.

Обе шли, опираясь на трости, и обе были сгорблены.

Я должен признаться, что согбенная фигура первой не трогала меня так сильно, потому что я считал это и принимал как нормальный удел каждого человека в почтенном возрасте.

Но с искривленной позой второй я был совершенно не способен примириться; каждый раз, когда я замечал ее, во мне поднималось чувство протеста и мое сердце колотилось, как у резко остановленной лошади.

Потому что только каких-то восемнадцать лет назад из-за этой, теперь сгорбленной и с пожелтевшим лицом женщины и ее случайного присутствия на происходившем в Санкт-Петербурге конкурсе красоты знаменитая Лена Кавальери, тогда в расцвете своей юности, лишилась своего первого приза.

Продолжая сидеть на скамейке, а также продолжая не мешать автоматическому течению мыслей об этих дорогих для меня женщинах в связи с этим местом, я вспомнил и очень сильно пережил в себе снова в точности то чувство глубокой растроганности, которое я не раз испытывал, когда они говорили друг с другом.

Я вспомнил, как часто случалось, что они сидели рядом со мной, одна справа от меня, другая слева, почти касаясь меня, и сидели так, что, хотя очень тихо, чтобы не мешать мне, они иногда, когда я наклонялся вперед, сосредоточившись на своей работе, могли шептаться друг с другом у меня за спиной.

И это их перешептывание и их полное понимание друг друга всегда производило во мне это чувство глубокой тронутости.

Дело в том, что моя мать не знала ни слова на том языке, на котором говорила моя жена, а моя жена в свою очередь не понимала ни слова на языке, на котором говорила моя мать.

Несмотря на это они не только очень свободно обменивались мнениями, но они сообщили друг другу в очень короткое время весь своеобразный опыт и всю историю своих жизней.

Из-за общего объекта этой центростремительной любви, очень скоро они сочинили очень своеобразный самостоятельный диалект, состоявший из многих разных языков.

Мои мысли, в то время, как все еще продолжалось во мне переживание упомянутого чувства, незаметно перешли вновь к теме, мучившей меня во все дни этого моего само-вопросения.

Начав думать об этом вновь, я поднялся, чтобы идти домой, так как уже становилось довольно холодно.

Через несколько шагов, в моих мыслях внезапно появилось, и после небольшого сравнения стало для меня совершенно ясным, следующее:

За все время моей величайшей занятости писанием качество моей работоспособности и ее продуктивность всегда была результатом и зависела от долготы и тяжести констатации моим активным мышлением автоматических - то есть пассивных - переживаний страдания, происходившего во мне, об этих двух, для меня ближайших женщинах.

Потому что уже с самого начала, когда я был физически совершенно беспомощен, я занялся своим писанием, уверенный, без тени сомнения, в безнадежном состоянии их здоровья и в их надвигающихся смертях.

С тех пор начало происходить вот что: как только мое активное мышление относительно вопросов писания слабело хотя бы немного, немедленно все духовные части моего существа начинали ассоциироваться во мне вокруг них.

И так как любая ассоциация, связанная с ними, влекла за собой процесс страдания - то я, чтобы не испытывать этого неприятного процесса, немедленно зарывался в вопросы писания.

Необходимо признаться здесь, что страдания мои были в основном о моей жене.

В этом, как я теперь понимаю, играл большую роль мой, так сказать, "непримиримый протест" против несправедливости случайной и своевольной судьбы.

Горе было в том, что, считаясь многими людьми в то время (и может быть, даже сейчас, я не знаю) единственным человеком на Земле, который мог бы полностью излечить ее от этой болезни, тем не менее, в то время из-за моей собственной болезни я не мог этого сделать.

Самоуверенность, которую я выразил сейчас, может быть, при желании, оправдана и адекватно понята каждым читателем, если он прочтет только одну главу из моих писаний на тему "закона вибраций".

Итак, с бурными чувствами и дикими мыслями выйдя из сада, качаясь как вдребезги пьяный, я каким-то образом добрался до своей комнаты.

Здесь, не раздеваясь, я лег на свою постель и, против всех моих привычек, заснул сразу же и проспал всю ночь.

На следующее утро, как только я проснулся, мне сразу вспомнилось то открытие, которое я констатировал прошлым вечером.

Я начал еще раз вспоминать эти вещи и сравнивать их.

И на этот раз, без всякого сомнения, я снова установил, что за время первых трех лет моего авторства моя работоспособность, так же как и моя продуктивность, в действительности все время напрямую соответствовала долготе и глубине этого, так сказать, "контакта" моего сознания с страданием, происходившим во мне о моей матери и моей жене.

Моя работоспособность в то время была на самом деле феноменальной, потому что я исписал по крайней мере 10 000 килограммов бумаги и затронул почти все вопросы, которые вообще могут возникнуть в человеческом уме.

Установление теперь еще раз, на свежую голову, этого факта смутило меня очень серьезно.

Это серьезно смутило меня потому, что я уже знал и был убежден до этого без всякого сомнения, благодаря моему собственному многообразному опыту, что хотя возможно достичь любой цели, которую ставишь сам себе, это можно сделать исключительно через сознательное страдание.

Объяснить мой случай, однако, такой объективной возможностью было совершенно невозможно.

И это было невозможно объяснить, потому что в этом частном случае я страдал несознательно, когда этот процесс происходил во мне автоматически в соответствии с моим типом и случайной кристаллизацией в нем соответствующих психических факторов.

Интерес, возникший в моем существе в то утро, был такой силы, что "Бытие-жажда", до этого владевшая мной - найти любой ценой выход из моей тяжелой ситуации - полностью исчезла, а ее место заняло непреодолимое желание узнать причину этого факта.

А именно, узнать, почему и каким образом мое страдание в этом случае могло содействовать увеличению моей работоспособности.

Благотворный результат для меня этой "Революции Внутреннего Мира", произошедшей во мне, был тот, что с этого момента я мог свободно, не отдаваясь пристрастным чувствам, снова думать моим привычным образом.

Вся совокупность такого моего мышления привела к тому, что в тот самый вечер, когда я смотрел на детей вокруг Рождественской елки и на их безудержное веселье, вдруг, как бы само собой, во мне возникло убеждение в полной возможности исполнения всех трех задач, необходимых для меня, посредством тех сил, которые появляются от борьбы во внутреннем мире.

А именно, тех сил, которые появляются у каждого человека от непрерывного трения между его сознанием и автоматическими переживаниями его природы.

Я очень хорошо помню, что с появлением этого убеждения все мое существо наполнилось как бы единым, никогда до этого не испытанным, чувством радости.

Одновременно с этим во мне само по себе и без какой-либо манипуляции с моей стороны появилось ощущение, так сказать, "самовоспоминания", также никогда-прежде-не-испытанной силы.

Когда детский праздник закончился, я сразу же вернулся в свою комнату и заперся, конечно, сделав предварительно приготовления к тому, чтобы кофе имелся в достаточном количестве, и начал думать о том, что нужно было делать дальше.

В эту самую ночь после продолжительного сопоставления мыслей я решил следующее:

С самого начала, с 1-го января, начать заново работать над всем тем, что я задумал изложить, посвящая этому только одну половину моего бодрствующего состояния.

И посвящать вторую половину всего времени моего бодрствующего состояния до 23 апреля, моих именин, исключительно исследованию возможных способов работы и формулированию приблизительного плана для дальнейшего последовательного выполнения.

Начиная с 1-го января, я начал работать не весь день, как раньше, но только в определенные часы утра и вечера, посвящая остальное время либо писанию запросов кому-либо из моих друзей, уважаемых мной, или обдумыванию и разрабатыванию в уме различных Деталей общей программы на основе всего, что я уже разъяснил, а также в понятиях физиологических и психологических законов, которые мне известны.

Различные выводы, к которым я пришел во время этих размышлений в последующие две недели, привели меня к тому, что я решил не делать детальной программы для всей моей будущей внешней жизни, но делать такую программу на каждые три месяца.

Один раз в три месяца я должен привести себя в состояние "равновесия-всех-центров", как оно называется, и в этом состоянии, в соответствии с окружающими условиями жизни, существующими на то время, а также теми, которые могли возникнуть в соответствии с теорией вероятностей, составить программу со всеми подробностями на последующие три месяца.

Накануне моих именин, в соответствии со всеми выводами, сделанными мной за это время, а также благодаря одному мудрому совету одного из моих старых друзей, очень уважаемого человека, я наконец решил следующее:

Параллельно с завершением детальной программы, которую я должен составлять каждые три месяца, начиная со дня моих именин, проводить в жизнь неизменно, до окончательного выполнения, три следующих задачи:

Первая: всегда в начале выполнения, а также несколько раз в процессе, стимулировать искусственно в самом себе три следующих импульса:

Для первой цели, то есть для писания, вызывать в самом себе импульс "настойчивости"; для второй, то есть для изучения глубоко-вкоренившихся мелочей общей психики человека -- импульс "терпения"; а для третьего, то есть для обновления моего организма - "страдание", происходящее из автоматических переживаний.

Вторая: с кем бы я ни встречался, по делам коммерции или с любой иной целью, с давним или новым знакомым, и с каким бы то ни было его социальным статусом, я должен был немедленно обнаружить его "самую чувствительную мозоль" и "надавить" на нее довольно сильно.

И третья: ни в чем не отказывать моему физическому телу, особенно в отношении еды; и в то же время всегда после удовлетворения себя и во время переваривания стимулировать внутри себя на время не менее пятнадцати минут чувство жалости, думая о других людях, у которых нет средств на то, чтобы иметь такую еду.

Эти три только что перечисленные "волевые задачи", которые, уместно заметить, служили руководящими началами всей моей намеренной деятельности, были объединены мной для достижения одновременно нескольких абсолютно разных целей.

Хотя эти три различные цели также будут разъяснены вместе с другими в последующем тексте этой книги, я хотел бы сказать уже здесь, что в их объединении большую роль играла констатация одного небольшого факта.

А именно, однажды во время моих размышлений о строении и функционировании нервной системы человека я, между прочим, вспомнил и, думая дальше, очень определенно установил следующее:

Во все время второго периода моей, так сказать, "Великой болезни" после автомобильной аварии, то есть когда мое сознание возвратилось, тогда как мое тело было все еще беспомощным, и когда меня навещали мои различные друзья, тогда, независимо от того, говорили ли они со мной или просто находились рядом, в течение нескольких часов после их ухода я чувствовал себя очень плохо.

Их искреннее сочувствие в действительно порождало во мне каждый раз мысли, которые можно выразить следующим образом: "пришли, высосали меня как вампиры, и ушли". И поэтому, решив следовать своей программе, я перед началом осуществления на практике всего задуманного мной для обязательного выполнения принес клятву моей собственной сущности.

Это было в ночь на 6 мая 1928 года, по новому календарю.

После, так сказать, "одновременного успокоения многочисленных паразитов", обычных в

моем доме в то время, я снова заперся в комнате и на этот раз, приведя себя в нужное состояние, дал в этот раз мою первую торжественную клятву.

Было бы разумно заметить здесь, между прочим, что в эти свои именины из-за некоторых действий по отношению ко мне со стороны одного из людей, бывших рядом со мной, я решил сделать следующее:

В будущем под различными серьезными предложениями удалять прочь от своих глаз всех тех, кто так или иначе делает мою жизнь слишком комфортабельной.

В эти семь лет я, чтобы сделать возможным достижение моих тогда поставленных целей, неизменно выполнял в сфере моего внутреннего и внешнего мира огромное количество особых "волевых задач" различной длительности.

Я ставил их перед собой, менял, вновь менял или бросал их вовсе, всегда в соответствии, с одной стороны, с уже возникшими или ожидавшимися обстоятельствами моей обычной жизни, а с другой стороны с возникновением во мне, в связи с писанием, новых идей и новых желаний на будущее.

Сегодня 2 апреля 1935 года по новому календарю; а последний срок для намеренного введения мною в жизнь всех поставленных перед собой целей и "волевых задач" для возможности достижения трех указанных фундаментальных целей наступит 23 апреля этого же года, по старому календарю.

За этот период, благодаря моему "легкомысленному трюку", в самом деле необычному в жизни людей, я выполнил, более чем удовлетворительно, следующее:

Первое, "раздул" три маленькие брошюры в десять толстых томов.

Второе, не только исследовал со всех сторон и понял различные глубоко-вкоренившиеся мелочи обычной психики человека, подозревавшиеся мной и интриговавшие меня всю мою жизнь, но установил неожиданно много таких "тонкостей", которые, если бы они были известны господину Вельзевулу, могли бы, осмелюсь сказать, заставить вырасти те рога, которые упомянуты мной в предпоследней главе первой серии моих писаний, даже на его копытах.

Третье, мое здоровье теперь в таком состоянии, что я не только, как вы можете видеть, живу и пишу такую уже ультра-фантастическую книгу, но намерен пережить всех моих прошлых, настоящих и будущих сознательных врагов.

Все три эти цели, поставленные мною перед самим собой семь лет назад, я полагаю, уже осуществил в прошлом году, но я решил продолжать выполнение различных "волевых задач" до истечения семилетнего периода по трем следующим причинам:

Первое, в прошлом году я не был полностью удовлетворен уровнем достижения моей третьей фундаментальной цели, а именно, при изменениях погоды я все еще чувствовал довольно серьезные ревматические боли.

Вторая причина состояла в том, что из-за появления в эти нынешние годы периодического максимального действия по отношению к Земле космического закона "солиооненсиус" я нашел публикацию моих писаний все еще несвоевременным.

Я считаю необходимым здесь относительно только что упомянутого космического закона сказать следующее:

Само название этого закона мне случилось узнать в первый раз еще будучи очень молодым, из одного очень древнего армянского папируса, а детали этого закона я случайно выяснил для себя многие годы спустя, изучая, так называемую, "карту до-песочного Египта", обладателем которой я стал тоже совершенно случайно.

Некоторые отрывки из всей совокупности того, что я выяснил об этом законе "солиооненсиус", я приводил, кажется, во второй книге первой серии моих писаний, в главе "Россия".

А что касается третьей причины, то необходимо для ее освещения сказать сначала следующее:

Эта книга, которую я сейчас пишу, [первоначально задумывалась как] последняя книга третьей серии моих писаний, которая будет опубликована. Первая была начата и окончена в форме, полностью удовлетворяющей меня, уже давно.

К работе над этой книгой я приступил в конце третьего года моей литературной деятельности и, работая над ней только в интервалах, окончил ее в три года.

Несмотря на тот факт, что в написание такой, как ее можно назвать, "суммирующей-заключительной" книги я должен был вложить огромное количество труда, неприятных переживаний, денег, и т.д., я тем не менее был вынужден почти в тот самый день, когда я наконец окончил ее, уничтожить весь полностью этот плод моей изнурительной работы за многие годы.

Я был вынужден уничтожить не только саму эту книгу, но также все приготовленное для укрепления духа ее сущности.

Как раз в этот период, когда я заканчивал написание этой "заключительной" книги, функционирование обоих моих мышлений, то есть активного и пассивного, протекало очень напряженно, с необычной силой.

Я занимался моим активным мышлением, так сказать, "последней полировкой" содержания этой книги, столь важной для всей совокупности моих писаний, а пассивное было занято трансформацией того самого материала, который более чем что-либо другое помогал мне в достижении, на настоящий момент, идеального здоровья.

И вот именно в то время, выполняя в постоянном напряжении мышления мои различные волевые задачи, я начал замечать в моем собственном внутреннем мире, а также и у других многие особенности, до тех пор неизвестные мне.

И когда я начал, для того чтобы убедиться самому, статистически проверять эти неожиданно замеченные особенности и устанавливать факт их реального существования, то нашел все написанное мной в этой последней книге абсолютно бесполезным для той цели, которая была мной поставлена в самом начале.

И вследствие этого третья причина, таким образом, состояла в том, что необходимо было для той заранее определенной цели написать заново новую книгу с полностью новым содержанием.

Написав только что о публикации этой книги, я должен теперь, волей-неволей, рассказать об одной мере, примененной мной к возможности осуществления целей, мною поставленных, что потребует для более ясного понимания, приведения здесь следующего:

Я должен был бы привести все словесные формулировки для особенностей и законов, которые в недавнее время стали известны современным людям посредством, как они называются, "радиографии", "телепатии", "телепеси", и привести здесь, во всей ее полноте, всю науку белой и черной магии.

И поскольку сделать это совершенно невозможно, я поэтому ограничусь лишь тем, что скажу следующее: Три года назад, когда одновременно возникли три очень серьезных факта, мешавших моей работе и не преодолимых обычными средствами, я тогда, среди других мер, необычных в жизни людей, чтобы победить этих "непрошенных гостей", написал также одну маленькую брошюру под названием "Вестник грядущего добра".

Я написал это специально для некоторых людей, которые уже давно считались последователями моих идей или в период существования основанного мной Института были учениками в одном из его ответвлений.

Эта брошюра была напечатана на девяти языках, по тысяче экземпляров на каждом языке.

Хотя были приняты все меры к тому, чтобы предотвратить их попадание в руки людей, которые до этого не знали меня, это не было полностью достигнуто, и теперь в количестве нескольких сотен экземпляров она, к сожалению, как говорится, "переходит из рук в руки".

И поэтому, помня об этом, я считаю своим долгом для возможности достижения моей третьей фундаментальной цели также до полного удовлетворения дать здесь следующий совет:

Если вы до сих пор еще не читали книги под названием "Вестник грядущего добра", тогда благодарите обстоятельства и не читайте ее.

Здесь как раз не будет лишним сказать, что для возможности осуществления моей третьей фундаментальной цели, также до полного удовлетворения, я на весь прошлый год даже перестал писать.

Не только намеренно прекратил писание, но даже в течение всего прошлого года всегда старался, насколько возможно, конечно, с очень большой внутренней борьбой не допускать проявления во мне какого-либо активного мышления.

Я прибег к такой поистине "варварской" мере для того, чтобы продолжавшиеся во мне автоматически переживаемые страдания, посредством которых я достиг этой своей цели, осуществлялись бы во мне более продуктивно.

Даже моя последняя поездка в Америку была совершена мной главным образом с целью обретения такой продуктивности.

И это было вследствие того факта, что после ужасной автомобильной аварии, происшедшей со мной, я общался только с американцами, и поэтому почти все мои знакомые последних десяти лет находятся там, и ввиду этого я мог, не прибегая к каким-либо специальным мерам, всегда очень легко иметь в своем распоряжении плодородную почву всех типов и степеней жизненности для сеяния Божественных семян для возвращения благотворных факторов для моего бытия.

Хотя все те странные и оригинальные принципы, которые я применял к жизни в течение последних семи лет, освещены, как уже было сказано, в дальнейшем тексте этой книги, однако чувства восхищения и благодарности, переполняющие меня, заставляют меня здесь, в начальной главе, прокомментировать тот мой принцип моей внешней жизни, который неожиданно стал для меня, так сказать, "неисчерпаемым источником".

Я имею в виду тот уже упоминавшийся принцип, который я охарактеризовал словами "наступать на самые чувствительные мозоли каждого, с кем я встречаюсь".

Благодаря этому принципу, который оказался для меня поистине Чудотворным, я, помимо того, что имел всегда и везде изобилие материала для моей основной цели, то есть для моего перерождения, также, благодаря только этому, настолько воздействовал на каждого, кто со мной встречался, что он сам, без какого-либо усилия с моей стороны, а напротив, как будто с большим удовлетворением и полной готовностью, снимал свою маску, подаренную ему с большой торжественностью его папой и мамой; и благодаря

этому я сразу приобрел беспрецедентно легкую возможность неспешного и спокойного наслаждения своими собственными глазами тем, из чего состоял его внутренний мир, причем не только тех случайных данных, необходимых каждому человеку для выживания, но также всей тошнотворной мерзости, накопившейся в нем вследствие его абсолютно ненормального, так называемого, "образования".

Этот, и только этот, для меня Божественный принцип позволил мне разглядеть и понять наконец те глубоко скрытые нюансы человеческой души, которые интриговали меня всю мою жизнь.

Ему, и только ему одному, я обязан всем, чем я теперь обладаю.

А я обладаю таким "внутренним богатством", что в объективном смысле оно стоит во много

раз больше, чем все деньги, которые может представить человеческий ум, такие как, например, все состояние наследницы "New York five-and-ten" (сеть магазинов, в которых цена на любой товар -- пять или десять центов. -- Прим, перев.) плюс все деньги, которые тайно в наличной валюте хранят французские крестьяне.

Однако все значение и ценность этого внутреннего богатства, приобретенного мной, я подробно объясню также в конце этой последней книги.

А пока, чтобы воздать должные почести этому принципу, я скажу, что за счет него я потерял без остатка все, чем я обладал из того, что люди называют богатством.

Из-за него я потерял не только богатство, которым я обладал, но также всех, так называемых, "друзей" и даже, так сказать, "привилегию быть предметом зависти" - словом, все то, из-за чего я несколько лет назад считался очень многими людьми не каким-нибудь "собачьим хвостом", но одним из первоклассных "асов" современной жизни.

Несмотря на все это, я сегодня, когда я пишу эти строки и когда окружающие условия моей обычной жизни -- становящиеся закономерно все хуже и хуже благодаря неизменному проведению в жизнь целей, поставленных мной самим, и среди них этого моего принципа - уже так далеко зашли, что я не могу даже представить, как я из них выберусь, благословляю этот принцип всем моим существом.

Обстоятельства обычной жизни, теперь сложившиеся для меня по причине всего этого, я также непременно осветю в конце этой книги, если, конечно, мне удастся протянуть еще хотя бы месяц.

И я тогда объясню также, почему я употребил выражение "становятся закономерно все хуже".

Я непременно объясню это, потому что во всем этом есть не только очень много назидательного, но также такая комичность, что если бы остряки всего мира собрались вместе специально, чтобы выдумать это, они не смогли бы выдумать и десятой доли.

Выразив свою благодарность этому принципу за приобретение внутренних богатств, я должен теперь быть совершенно беспристрастным и поставить вопрос прямо... Так ли это на самом деле?

Мог бы этот изобретенный мной принцип быть также и во всех других окружающих условиях обычной жизни таким оживляющим фактором?

Откровенно говоря, согласно убеждению моего подсознания, я должен сказать... нет.

Это могло случиться только по причине общего материального кризиса.

Я должен поэтому выразить свою благодарность такому общечеловеческому несчастью. Но поскольку делать это было бы довольно неуклюже, я сохраню поэтому свое прежнее мнение.

Сейчас, выражая полу-издевательски свою благодарность этому ненадежному фактору за внутренние богатства, которыми я теперь обладаю, я вспомнил многих людей, живших рядом со мной, которые, из-за этих моих вышеупомянутых эгоистических идей должны были иметь много разочарований.

Среди таких людей, которые вольно или невольно имели не очень "сладкую" жизнь, было много на самом деле близких мне как по крови, так и по духу.

В заключение этой главы третьей серии моих писаний я почти накануне запланированного осуществления моих эгоистических целей, обращая ко всем, кто рядом со мной, буду говорить только о двух "существенных факторах", сформировавшихся в моем внутреннем мире.

Первый, который сформировался в моем бытии еще в детстве и является наивысшим из всех моих убеждений, можно сформулировать следующим образом: "Только тогда может человек быть хорошим альтруистом по отношению к своим близким, если временами он может быть полным эгоистом".

А второй был сформирован во мне два года спустя после того, как я начал осуществлять эти три цели моей семилетней задачи.

Работая интенсивно над книгами, предназначенными для публикации, в условиях закономерно возникающих несчастий я, заметив, что по причине моего следования моим эгоистическим идеям люди рядом со мной становились хуже и хуже, однажды привел себя в особое состояние ума по технике, перенятой у моего отца, и посредством само-внушения кристаллизовал в своем бытии этот психический фактор, в форме следующей гипотезы:

Если я добьюсь осуществления поставленных мной целей, и при этом останусь жив, тогда я должен буду жить с определенной программой, примерно следующей: одну треть моего бодрствующего состояния я буду посвящать удовольствиям моего собственного тела; вторую треть исключительно тем, кто к тому времени останется из близких мне людей, как по крови, так и по духу; и третью часть науке, то есть всему человечеству.

И вот теперь, после всего того, что было объяснено в этой вступительной статье, я советую, и причем очень искренно, всем моим читателям, как тем, кто знает меня, так и тем, кто не знает, а также моим дорогим друзьям и не менее дорогим "врагам", постараться понять правильно сущность текста этой моей последней книги и особенно сущность заключительной главы.

Заключительную главу моей последней книги я намереваюсь назвать "Внутренний и внешний мир человека" и объяснить в ней один вопрос, необычный для мышления людей, но тем не менее самый насущный из всех вопросов, из всей целостности которого происходят почти все недоразумения в нашей обычной жизни.

Очень искренно я советую вам понять это потому, что благодаря этому каждый для своего обычного бытия безусловно приобретет, по крайней мере, если не сможет приобрести ничего другого, один, действующий даже, возможно, подсознательно, "фактор-умиротворитель" для большей части бесполезных волнений и моральных страданий, возникающих в его жизни.

Выше я употребил слово "враги" не случайно, а потому, первое, что самые лучшие друзья моего реального меня, то есть моего внутреннего мира, оказываются, что может показаться странным, некоторыми из огромного числа моих "непримиримых врагов", в настоящее время рассыпанных по всему миру; а также потому, второе, что это может идеально послужить мне как хороший пример для заключительной главы настоящей книги, так что я буду употреблять это слово по-прежнему.

Вспоминая теперь по ассоциации некоторых из этих "врагов", особенно дорогих моему внутреннему миру, я, чувствуя себя искренно тронутым, хотел бы уже здесь, в этой вступительной главе моей последней книги, к их удовольствию или неудовольствию процитировать несколько известных мне изречений - изречений народной мудрости, которые из древних времен дошли до нас посредством "легоминизмов".

Я сказал "к их удовольствию или неудовольствию", потому что я не знаю, по какому течению реки жизни они теперь следуют.

С тех пор протекло много времени... Остались ли они в том течении реки жизни, в которое я, безжалостный к самому себе, направил их - а именно в то течение, которое рано или поздно должно вывести их в безграничный океан - я не знаю; или, может быть, соблазны жизни также закономерно толкнули их в течение, которое рано или поздно должно унести их в бездну, для последующей эволюции.

Итак, первое из этих изречений народной мудрости звучит так:

"Человек не свинья, чтобы забывать добро, и он не кот, чтобы помнить зло".

"Первый отказ человеку, лишенному совести или благодарности, уничтожит результаты даже тысячи добрых дел, прежде сделанных ему тобой".

"Только тот человек достоин быть последователем какой-либо религии, кто, хотя и помнит зло, причиненное ему кем-либо, не будет проявлять по отношению к нему никакого зла".

"Ты будешь разумным только тогда, когда ты научишься различать добро и зло своего будущего от добра и зла своего настоящего".

"Такова природа человека, что за первый твой подарок - он падает ниц перед тобой;
за второй -- целует твою руку;
за третий - подлизывается;
за четвертый -- лишь кивает головой один раз;
за пятый -- становится слишком фамильярным;
за шестой - оскорбляет тебя;
а за седьмой - судится с тобой за то,
что ты дал недостаточно".

ВСТУПЛЕНИЕ

6 ноября 1934

Ресторан Чайльдс

Колумбус Серкл

Нью-Йорк

В то время, когда я, можно сказать, "вздыхал" и "охал" в последней главе третьей книги второй серии моих писаний, в процессе моего, так сказать, "подсознательного мышления", в моих автоматически текущих мыслях центр тяжести интереса сам собой сконцентрировался на вопросе: как мне нужно начать третью серию книг, запланированную для написания, а именно, ту серию книг, назначение которой, по моему убеждению, было в том, чтобы стать в очень короткий срок, так сказать, "назидательно -инструктивной" для всех созданий Нашего Общего Отца, подобных мне самому; но здесь я должен искренне признаться, что вскоре после того, как я выбрал для себя профессию писателя, как наиболее соответствующую моему неожиданно возникшему физическому состоянию, и когда, параллельно с улучшением моего физического состояния, я ясно понял, что мои личные письменные объяснения принесут огромную пользу большинству современных людей, так же как и будущим поколениям, я решил этой самой серией книг сознательно отплатить Великой Природе за мое появление на свет и существование, главным образом за существование не просто как "обычная жизнь", автоматически выполняющая некое назначение, необходимое для общих надобностей Великой Природы, но больше за существование особенное и сознательное, беспристрастно оценивающее себя и, в дополнение, одаренное способностью всестороннего совершенствования и независимого единства.

Вывод из этих недавних размышлений, в соединении с моими Сегодняшними сознательными мыслями об окончании этой последней книги, привели меня к категорическому решению начать эту "назидательно-инструктивную" серию книг описанием событий, связанных с моими последними двумя поездками в Северную Америку, и привести в сжатом виде те беседы, которые я провел с одной группой последователей моих идей, которая уже была организована за десять лет до этого во время моей первой поездки в Нью-Йорк.

Я хотел бы начать с этого описания главным образом потому, что на основе этих бесед, как я и планировал их в своих мыслях, может быть построен необходимый фундамент для всего, что я решил ввести в сознательную жизнь людей посредством этой третьей и последней серии моих писаний; и, кроме того, потому, что публикация этих лекций, в соединении с описанием событий и причин, которые их вызвали и на которые я как раз и отреагировал этими самыми беседами в определенной форме и последовательности, сформирует, у меня почти нет сомнений, в своей совокупности некий, так сказать, "автоматически действующий фактор" для

возможного спасения от полной гибели многих тысяч людей обоого пола в разных странах Европы, Азии и Америки.

В этой вступительной книге третьей серии я изложу "квинтэссенцию" пяти бесед, четыре из которых были проведены мной в конце 1930 и начале 1931 годов, и одна в конце 1931 или начале 1932 года.

Для читателей этой серии моих писаний, независимо от того, к какому уровню сознания они себя относят, не будет, по моему Мнению, излишним узнать, помимо всего прочего, из каких моих представлений и инстинктивных предположений произошла фраза, которую я использовал: "сознательно отплатить Великой Природе".

Эта фраза вырвалась у меня почти неволью и приняла форму, проистекающую из всей совокупности моего инстинктивного и сознательного убеждения, что этим актом обнаружения третьей серии моих писаний я мог бы рассчитывать на выполнение того, что, по моему мнению, является самым важным долгом человека, достигшего ответственного возраста, и состоит в приготовлении для потомства, в соответствии со своей собственной индивидуальностью, некоторых полезных инструкций; более того, я мог бы этим самым актом, хотя бы даже совершенно субъективно, придать смысл всем моим прежним намеренным трудам и сознательному отказу от всех видов благ, которые обычно кристаллизованы в жизни современных людей, и которые для меня всегда было очень легко приобрести; и наконец, я надеюсь, в момент моего последнего вздоха испытать без какого-либо умственного, эмоционального или инстинктивного сомнения тот импульс, священный для человека, который древние эссеи называли "беспристрастная удовлетворенность собой".

С той целью, чтобы возникло в мышлении читателей этой книги для лучшей ориентации и более легкого логического сопоставления с тем, что последует дальше, "нечто", что существовало на Востоке до Вавилонской цивилизации в отрасли знания, называвшейся "Теоматос", и носило название "оживляющий фактор для объективного предположения" -- я имею в виду, конечно, мышление тех читателей, кто, как только они познакомятся с моими писаниями, будут руководиться моим советом и близко следовать ему, - я бы хотел прежде всего постараться, для их внутреннего зрения, передать им посредством словесного описания разнообразную информацию, совокупность которой могла бы помочь им представить в истинном виде и ясно понять две ситуации, которые сложились в процессе моей обычной жизни во время моей писательской деятельности.

Первая ситуация возникла в самом начале моей писательской деятельности, после автомобильной аварии, огромного несчастья, постигшего меня, когда я ликвидировал все связанное с моими прежними формами сознательной деятельности для блага всех окружающих меня и начал писать. С этого времени я стал всячески избегать любых встреч и разговоров с людьми, которые каким-то образом были осведомлены о моих идеях и естественно хотели поговорить со мной, чтобы поближе познакомиться с ними.

Я принял эту меру с самого начала моей писательской деятельности с той целью, чтобы не получать - или, по крайней мере, получать в меньшей степени - шоков, затрагивающих мои мыслительные ассоциации, от тех "утонченных" абстрактных вопросов, в связи с которыми, в последние годы, я был обязан в моих беседах с различными людьми приспособляться к их различным уровням понимания, привыкая таким образом давать на эти вопросы почти автоматический ответ. Я хотел вообще не вбирать в себя впечатлений обычной жизни, которые не были необходимыми для меня и могли помешать установленному темпу моего мышления в связи с этой задачей, которую я сам себе добровольно поставил.

Чтобы охарактеризовать мою намеренную "внутреннюю изоляцию" от тех внешних впечатлений, которые препятствовали моей писательской деятельности, будет достаточно

сказать, что за это время я ни разу не прочел ни одной газеты и даже не держал их в руках, и почти то же самое с письмами и телеграммами. Я сказал "почти", потому что за это время я все-таки прочел тринадцать или пятнадцать писем и написал около шести или семи, несмотря на то, что получал, особенно в первый год, сотни ежедневно.

Так как, рассказывая о таком свободном отношении к своей корреспонденции, я в некотором роде выдал один из моих секретов, что произошло совершенно ненамеренно, я чувствую потребность признаться еще кое в чем касательно корреспонденции, адресовавшейся мне в то время. Это будет совершенно гармонировать с тем моим фундаментальным принципом, всегда применявшимся мной в обычной жизни, который выражается словами: "Если кутишь, то кути на всю катушку, включая и почтовые расходы". (Смотрите главу "Пробуждение мысли", Рассказы Вельзевула своему внуку).

После моей автомобильной аварии, уже упоминавшейся, делая исключение только для представителей французского правительства, я закрыл двери своего дома для всех, как для тех, кто уже знал меня, так и для тех, кто только слышал обо мне и любопытствовал меня увидеть - вероятно с целью, как большинство из них считали, понять для себя, что я был такое и что такое были мои идеи. Когда во второй год меня особенно "бомбардировали" огромными пачками писем, я поручил одному из близких мне людей открывать эти письма, не давая их мне, и если там не было ни того, что называется "вложениями", ни какого-либо указания на их немедленную отправку, уничтожать их таким способом, чтобы даже их "астрального запаха" не осталось в моем доме, но если там были вложения, тогда, как я обычно выражался, в соответствии с числом английских, или, на худой конец, американских "нулей", украшавших их, поступать с ними следующим образом:

Если вложение украшал один нуль, тогда письмо должно было быть уничтожено без остатка, а вложение отдано детям, живущим в моем доме, на покупку игрушек; если вложение имело два нуля, письмо должно было быть передано моему секретарю, а вложение управляющему кухней, дежурившему в Priere; и только те письма должны были передаваться мне лично, которые были украшены тремя или более вышеупомянутыми нулями.

Этот заведенный мной порядок, кстати, действует по сей день, но в ближайшем будущем, то есть в момент, когда я закончу эту первую книгу третьей серии моих писаний, я предполагаю изменить этот порядок таким образом, чтобы все письма и телеграммы без исключения уничтожались, а вложения с числом нулей не менее четырех передавались мне, с тремя - моему секретарю, с двумя - детям, живущим в моем доме, а все вложения с одним нулем отправлялись бедным детям Фонтенбло и Авона.

Теперь, когда я публично признался в таком бесцеремонном отношении не только к моей корреспонденции, но также к людям, некоторые из которых в то время считались и, может быть, до сих пор считаются в различных европейских странах могущественными и даже "прославленными", будет правильным сказать, что если мое сознание позволяло моей особенной натуре проявлять такую "дерзость" и даже выражать ее в письменной форме, делая ее открытой для восприятия каждого двуногого дышащего создания, независимо от того, какую он представляет собой, в смысле границ своего понимания, геометрическую фигуру, - "куб", "квадрат" или "зигзаг", это потому, что я уже добился успеха в выполнении большей части задачи, которую себе поставил, несмотря на всяческие препятствующие этому факторы - как возникающие закономерно, так и порождаемые различными типами среди нас, которые, к сожалению, также носят название "человека" и которые, как объясняется в очень древней легенде, появляясь на свет и существуя среди нас, обычных людей, создаются Природой таким образом, чтобы произвести два результата: первое, чтобы космические вещества, трансформируемые посредством их в период их роста, а не, как они сами считают, всей их

жизни, служили "катодными элементами" для поддержания на Земле "объективного Добра" в жизни всего человечества, и чтобы, второе, элементы, составляющие их общее бытие, трансформировались после их смерти для пополнения запаса продуктов, использованных для нужд Ада.

Короче говоря, такое мое отношение к встречам и разговорам со всякого рода людьми твердо установилось в ходе моей внешней автоматической жизни с первого года моей писательской деятельности, и я старался не менять его до того времени, пока не начал готовиться к моей последней поездке в Америку: а именно, когда я окончил в первом наброске изложение всего материала, который я планировал написать, первую серию в ее окончательной форме, вторую в ее первой версии и третью частично.

Второй из упомянутых фактов был тот, что когда моя память относительно вопросов писания обострилась в процессе моей писательской деятельности до необычайной степени, так что, например, я всегда мог и даже теперь еще могу вспомнить, где, в какой из многих тысяч тетрадей, которые я заполнил, и в какой связи с другими мыслями выражена какая-либо мысль и должна быть повторена в другой форме и в каком именно другом месте, и мог и даже теперь еще могу вспомнить, на какой из уже десятков тысяч страниц этих тетрадей, заполненных мной, в каком предложении и в каком слове были буквы, которые я автоматически написал как-то необычно неправильно, однако в то же самое время, в этот период, когда я неизбежно должен был встречать новых людей, едва ли была одна встреча или даже один разговор - который прежде непременно произвел бы на меня впечатление - который оставил хоть какое-то впечатление в моей памяти; и даже на следующий день, когда иногда было просто необходимо для меня его вспомнить, я не мог при всем желании и напряжении вспомнить вообще что-либо из встреч и разговоров, происходивших вчера.

Но когда, в связи с приближением завершения моего писания, напряжение моей внутренней занятости вопросами писания уменьшилось, моя натура приобрела способность, которая, как иногда случается, формируется особым образом, уметь, не испытывая чувства вроде "угрызений совести", интересоваться другими вопросами жизни, ничем не связанными с задачей, поставленной мной самому себе на данный период под специальной присягой, принесенной в определенном состоянии, которое с детства было показано мне и воспитано во мне моим отцом. В этом "психическом состоянии" я предпринял окончательные правки второй серии, продолжая работать, конечно, как раньше, то есть большей частью путешествуя по различным странам Европы, в основном во Франции, и занимаясь писанием исключительно в различных публичных местах, таких как рестораны, кафе, "танцзалы" и другие близкие им по духу "храмы" современной морали.

Когда с этого времени мои отношения с людьми самого разного рода стали восстанавливаться, и я начал наблюдать их снова, благодаря моему наполовину освобожденному вниманию, с особой способностью, намеренно развитой в моей ранней юности и состоявшей в "умении не отождествляться с внешними проявлениями других", я начал замечать и по мере повторения встреч стал все более убеждаться, что в психике всех их, как мужчин, так и женщин, имевших какое-то знание и интерес к моим идеям, особенно в психике тех, кто уже пытались на практике проводить некоторые эксперименты над самими собой, якобы соответствующие моим идеям, происходило что-то "не то", настолько определенно "все не то", что это было заметно -- конечно с определенным умением наблюдать - даже любому обычному человеку.

Эти повторявшиеся констатации не только начали тревожить меня, но постепенно возбудили в моей психике "неутолимую жажду знания", с целью понять причины этого факта.

Результатом этого было то, что в последующие встречи с такими людьми я начал, с исследовательской целью, наблюдать их особенно внимательно и с помощью наводящих

вопросов извлекать из них как можно больше материала, который позволил бы мне понять происхождение этого странного и, для меня лично, печального факта.

Каждая новая встреча с такими людьми, и даже ассоциации, вызываемые воспоминанием об этом все еще необъяснимом факте, с одной стороны, начали усиливать мой интерес и жажду знания до такой степени, что это стало почти моей *idee fixe*; а с другой стороны, автоматические мысли об этом начали серьезно мешать мне в моей обычной внутренней борьбе с законным отказом моей натуры повиноваться моему сознанию и лишали таким образом меня возможности полной концентрации на продолжении моей работы, которая требовала величайшего внимания.

Но когда наконец, в конце 1930 года, я приехал в Нью-Йорк и в первый же день оказался среди большого числа американцев, последователей моих идей, и когда я увидел то же самое явление и среди них, то это произвело на меня такое глубокое впечатление, и сила реакции была такой сильной, что меня охватила холодная дрожь, наподобие той, что бывает у людей, пораженных так называемой "кушкской желтой малярией".

Я тогда даже, чтобы "пустить им пыль в глаза", усилил проявление моей обычной манеры шутить в разговоре, чтобы скрыть это свое внутреннее состояние.

Спустя довольно долгое время, когда я немного успокоился и осознал после краткого размышления, что осуществить цель моей нынешней поездки в Америку, которая, помимо всего прочего, была связана с финансовым вопросом, было возможно для меня и без использования этой группы людей, я решил, пока я был там, и после выяснения для себя в личных контактах с людьми, составлявшими эту группу, всех деталей и условий постепенного формирования в их индивидуальности этой оригинальной психической особенности, сделать все возможное, чтобы искоренить, если не у всех, то по крайней мере у большинства из них это зло, происшедшее из-за неправильного понимания моих идей, так же как по другим причинам, природу которых я уже наполовину разгадал.

Я должен честно признаться, что если возникла во мне такая сильная реакция, под воздействием которой я сразу же решил во что бы то ни стало понять и осветить со всех сторон причины этой психической особенности и по возможности принять все соответствующие меры, то это было в основном потому, что по отношению к людям, составлявшим именно эту группу, задолго до этого, вследствие их хорошего отношения ко мне в те трудные годы, которые последовали за моим несчастьем, уже давно постепенно сформировалось во мне "нечто", заставлявшее меня считать себя, в определенном смысле, в долгу пред ними, всеми вместе.

И тогда, поскольку из описания событий, последовавших за этим моим решением, каждому читателю из тех, кто стал последователем моих идей, могут объясниться причины возникновения этого факта, преступного в объективном смысле, а для меня лично мучительного и горького, и с той целью, чтобы, может быть, некоторые из них, воспринявшие ложно сущность моих идей и продолжающие применять их к самим себе, так сказать, для своего "блага", я имею в виду тех, в ком способность мышления из здравого смысла еще не полностью атрофировалась - способность, которая формируется в психике человека в подготовительном возрасте - смогли бы, возможно, прекратить свое, так сказать, "са-мо-разрушение"; и кроме того, поскольку знакомство с содержанием этих упомянутых пяти бесед, проведенных мною среди людей, принадлежавших к этой самой группе, во время моих двух поездок в Нью-Йорк которые, между прочим, были одними из мер, предпринятых мной для исправления этих пагубных результатов, "возникших из-за неправильного понимания моих идей" - может оказаться, по моему мнению, вообще для каждого читателя "первым проблеском истины", я нахожу наиболее приемлемым, как я уже говорил, взять описание этих событий за основу всей темы этой первой книги "назидательной серии" моих писаний.

В первый же вечер моего приезда в Нью-Йорк, 13 ноября 1930 года, была устроена по

инициативе некоторых членов этой группы предположительно "чистокровных" американцев, судя по их умению находить способы экономить время - общая встреча, что бы дать возможность им всем увидеть и поприветствовать меня, в одной из студий известного театра, Карнеги Холл, куда я был приглашен мистером С. уже на пароходе по самом прибытии его в Нью-Йорк.

Мистер С. был в то время официальным заместителем мистера Орджа, который, ввиду некоторых обстоятельств обычной жизни, сложившихся в основном вследствие несчастья, постигшего меня, стал первым и главным представителем моих идей в Америке, а также основным руководителем этой самой группы американцев и который временно был в отъезде в Англии.

Большинство собравшихся там в тот вечер были, как оказалось, лично знакомы мне, то есть я уже встречал их либо в мои прежние приезды в Америку, либо в их приезды во Францию, когда они приходили в Chateau du Prieure, который в последние годы был моей постоянной резиденцией.

Я пошел на эту специально созванную общую встречу в сопровождении нескольких из моих "переводчиков-секретарей", прибывших вместе со мной. В ходе первых приветствий и знаменитой "манипуляции", называемой "пожатием рук", я заметил на их лицах и в их взглядах то самое "нечто", которое я замечал в Германии, Англии, Турции и других европейских странах у людей, ставших тем или иным образом последователями моих идей. Тогда во мне появились данные, уже упоминавшиеся, которые еще до этого сформировались по отношению к этим американцам и которые некоторое время спустя привели меня внутренне к категорическому решению, если это не было уже слишком поздно, принять все необходимые меры для их блага.

По окончании "рукопожатий" и обмена всеми обычными бессмысленными словами, называемыми "любезностями", особенно употребляемыми среди американцев, я попросил своего секретаря прочесть вслух последнюю главу первой серии моих писаний, которую я недавно окончил и которая была у него с собой по установившемуся обычаю всегда носить в своем портфеле все то, над чем я в то время работал. Я сделал это главным образом для того, чтобы таким образом создать необходимые условия для беспрепятственного наблюдения за присутствующими.

Сам же я, сидя отдельно от всех в углу, начал внимательно наблюдать за каждым присутствующим и в то же время составил в своих мыслях план дальнейших действий по отношению ко всем им вместе, а также и к каждому в отдельности.

В тот первый вечер, поскольку было поздно, я прервал читавшего на середине главы, которую он читал, и, обращаясь ко всем присутствующим, прежде всего пообещал устроить общее чтение в ближайшие несколько дней, чтобы закончить эту главу, а затем предложил им выбрать трех или четырех человек из числа присутствовавших в тот вечер и попросил их прийти ко мне через три дня вместе с мистером С., чтобы коллективно решить все вопросы, связанные с моим пребыванием в Нью-Йорке.

Сказать по правде, я сделал это приглашение с обдуманной целью - в интимной беседе с этими четырьмя или пятью людьми разузнать у них, конечно, непрямо, различные детали, которые не были еще ясны мне в связи с подозрениями, возникшими во мне в тот вечер во время чтения, подозрениями в данном случае относительно этих американских "горе-последователей" моих идей.

Ожидая с несомненной уверенностью, что этот ряд моих писаний, как я уже сказал, будет на самом деле "назидательно инструктивным", то есть послужит пусть хотя бы только автоматическому формированию в созданиях Нашего Общего Отца, подобных мне, всех видов данных, которые должны, согласно моему пониманию, присутствовать в реальном человеке, а не

только тех данных, которые обычно формируются в общем бытии людей, особенно современных, делая их совершенно безвольными, проявляющими себя во всех случаях просто как животные, исключительно через рефлексы функционирования их организма, я хочу, с самого начала этой серии, поговорить также о таких внешних фактах, описание которых для наивного читателя может показаться на первый взгляд почти бессмысленным, просто набором слов; тогда как для человека, имеющего привычку думать и искать смысл, содержащийся в так называемых "аллегорических описаниях", при условии хотя бы немного усиленного мышления, они будут полны внутреннего значения, и, если он сделает хотя бы малейшее усилие "не быть марионеткой своих автоматических мыслей", он увидит и узнает очень многое.

Прекрасным "наглядным примером" для поиска и понимания внутреннего смысла в описании похожих друг на друга, на первый взгляд кажущихся бессмысленными, внешних фактов, может служить то, что я сказал тогда в конце встречи, покидая студию, в которой была устроена эта встреча с американцами, собравшимися там, чтобы лично поприветствовать меня и сказать "добро пожаловать".

Выходя наружу и задержавшись на пороге, я обернулся и обращаясь к ним тем полушутливым-полусерьезным тоном, иногда свойственным мне, и сказал:

"На три четверти могучие джентльмены и в высшей степени могучие леди этого "долларо-урожайного континента"... Я был очень, очень рад видеть вас и, хотя сидя так долго среди вас в этот вечер в блаженной атмосфере ваших "расконсервированных" излучений, я все-таки получил достаточно энергии может быть, даже больше, чем нужно -- для осуществления моей цели, ради которой в этот раз я к вам сюда приехал; но в то же время к большому сожалению - хотя я не знаю, вашему или моему -- во мне снова был пробужден тот импульс, который был у меня всегда, но который ни разу не давал о себе знать во время моей писательской деятельности, а именно, импульс жалости к некоторым людям, количество которых достигло огромной цифры, чьи тщеславные родители или учителя, пользуясь отсутствием в этих будущих "отщепенцах" в их подготовительном возрасте их собственной мудрости, убедили их, помогая им деньгами, конечно, способом, известным в итальянской "бухгалтерии", стать в их ответственном возрасте "докторами-психиатрами", в данном случае для вполне взрослых несчастных людей, обитающих в организованных в американском масштабе психиатрических больницах.

Говоря откровенно, я еще не знаю точно причины пробуждения во мне этого прежде существовавшего нежелательного импульса; но я знаю только, что реакция на эти данные начала проявляться во мне постепенно вследствие того факта, что во время чтения последней главы первой серии моих писаний, сидя в углу и наблюдая от скуки выражения ваших лиц, мне было ясно видно, как на лбу то у одного, то у другого из вас выступала надпись "кандидат в сумасшедший дом".

Я сказал "от скуки", потому что содержание этой главы, над каждым предложением которой мне приходилось думать снова и снова на протяжении трех месяцев почти день и ночь, наскучило мне больше, чем ваша рыба под названием "макрель", которую в мой первый приезд сюда я был вынужден есть в течении шести месяцев утром и вечером, так как это была единственная свежая пища, которая нашлась у вас в городе".

После этого, придав моему голосу тон, которому учат в монастырях и который называется "тоном смущенной скромности", я добавил:

"Я еще не уверен, на самом ли деле это так или это только мне так кажется, что довольно часто случается в психике человека, испытавшего очень много "неприятностей". Из-за шестидневной непрерывной качки на волнах безграничного океана, и частому введению в себя благородного французского арманьяка и постоянного регулирования его вибраций введением в себя не менее благородных немецких "hors d'oeuvres" (закусок - фр.), что-то во мне сегодня, как

говорится, "fishy" (сомнительно, слабо - англ.).

По истечении трех дней после этой только что описанной важной американской встречи, дней, которые местные жители охарактеризовали бы по-разному - те, что имели много долларов в карманах, независимо от способов их добывания, как "прошедшие не монотонно", тогда как те, для кого отсутствие этих долларов является хроническим, сказав - "еще на один день ближе к нашему последнему вздоху", - ко мне пришли пятеро вышеупомянутых американцев во главе с мистером С.

Поговорив с ними обо всех естественно текущих ассоциациях и в то же время выяснив для себя все детали, которые требовались мне в связи с подозрениями, возникшими у меня во время чтения в первый вечер моего приезда, я начал рисовать перед ними весьма рельефно все уже описанные мной констатации относительно появления в психике людей, последователей моих идей, этого странного свойства, а также перспектив, вытекающих из этого, а затем, рассказав кратко о причинах моего нынешнего приезда в Америку и невозможности для меня уделять очень много своего времени членам их группы, я попросил их больше не допускать того, что происходило в эти дни, когда из-за визитов того или другого члена группы и их иногда совершенно идиотских вопросов, у меня не было возможности написать ни единого слова.

Поэтому я предложил им сформировать нечто вроде комитета и взять на себя работу по организации дважды в неделю общих встреч для членов их группы, на которых я постараюсь всегда сам присутствовать; а также смотреть за тем, чтобы в другие дни никто не беспокоил меня личными визитами, письмами или даже по телефону.

После этого мы вместе решили, чтобы сэкономить мое время а также ввиду многих других соображений, проводить эти общие встречи в моей квартире и, ввиду ограниченного размера самой большой из ее комнат, которая была чем-то вроде зала, не допускать на эти встречи более пятидесяти человек, а для остальных членов группы организовать встречи в студии Карнеги Холла или на других частных квартирах, где, не обязательно с моим участием, читалась бы вслух одним из моих переводчиков-секретарей стенографическая запись всех вопросов, которые мне задавались и мои ответы на них.

И в заключение я настоятельно попросил их не говорить пока ничего из того, что я сказал им в тот день, никому из членов их группы и добавил:

"Согласно выводам после наблюдений и исследований, проведенных мною в эти дни, к моему большому сожалению, я буду вынужден во время моего нынешнего пребывания в Нью-Йорке принять разнообразные меры к многим из ваших товарищей с той целью, чтобы они либо полностью разочаровались в моих идеях, либо полностью утратили веру, кристаллизовавшуюся в их индивидуальности за эти годы, по отношению к мистеру Ориджу и его авторитету".

ПЕРВАЯ БЕСЕДА

проведенная мной 28 ноября 1930 года с свободным входом в собрании всех без исключения последователей моих идей, принадлежащих к упомянутой группе

Я начал так:

Сегодня и вчера я серьезно размышлял о том, как мне найти такой способ для моих объяснений, всей совокупностью которых я намереваюсь сегодня и на двух или трех последующих встречах донести до вас некоторую информацию, тесно связанную с вашей жизнью, и придать форму и последовательность моему изложению такие, чтобы они могли, в условиях созданных вами, североамериканцами - в смысле большей ненормальности в сравнении с механизмом мышления других людей -- помочь нормальному и беспристрастному пониманию вами этой информации.

Мне пришлось долго обдумывать это главным образом по причине моего искреннего желания, теперь, когда у меня есть возможность, оказать вам какую-то помощь моими

объяснениями, вам, американцам, составляющим именно эту группу моих последователей, как людям, по отношению к которым за время моего общения с вами, вследствие вашего доброго отношения ко мне лично и моей работе в трудные годы после случившегося со мной несчастья, сформировались и до сих пор постоянно действуют, так сказать, "стимулирующие данные" для благожелательности; кроме того, в этот же период во мне сформировалось твердое убеждение, что у всех вас, очевидно, вследствие ненормально чрезмерного чтения газет, развился, более чем в других людях, тот ненормальный психический фактор, который в последние века стал вообще неотъемлемым свойством современных людей и который очень определенно, как это может быть легко подтверждено экспериментально, действует на общую психику людей таким образом, чтобы их бытие довольствовалось поверхностным восприятием всех видов впечатлений, прочитанных или услышанных, не вызывая в них никаких предчувствий каких-либо возможных вредных последствий этого.

В результате этих размышлений, я думаю, мне удалось наконец разработать в своих мыслях форму изложения, примерно соответствующую моей цели.

Согласно этой, так сказать, "схеме изложения", я сейчас прежде всего вызову у вас и разъясню несколько таких вопросов, которые, как я предполагаю, покажутся на первый взгляд совершенно несоответствующими тому, что вы ожидаете услышать от меня в смысле того, что я обещал сказать для вашего блага, тогда как на самом деле только такая схема последовательного развития этих обещанных объяснений может, по моему мнению, кристаллизировать в вашем ненормально устроенном "мыслительном аппарате" те понятия, постижение которых я считаю не только очень полезным для вас, но абсолютно необходимым.

Прежде всего я хочу познакомить вас с двумя основными пунктами той детальной программы, разработанной мной, которую предполагалось постепенно осуществлять в жизни людей посредством основанного мной Института гармонического развития человека.

Этот институт, между прочим, впервые был мной основан еще в России за два года до начала, как ее называют, "Мировой войны", но мне не удалось твердо поставить это свое "детище", как говорится, "на его собственные ноги" - несмотря на многократные попытки основать его в разных других странах, которые кончались каждый раз из-за всякого рода последствий этой войны "крахом", сопровождавшимся для меня огромными материальными потерями и пустой тратой усилий, которые требовали почти сверхчеловеческого напряжения моей физической и моральной силы - пока, наконец, как я уже говорил, мне не удалось это восемь лет назад, в благородной Франции.

Один из параграфов этой обстоятельной программы содержал детальную разработку осуществления моего плана, а именно, что как только в главном отделении Института, а также в других секциях, уже организованных к тому времени, экономический вопрос будет более или менее урегулирован, и будет также более или менее налажен процесс приобретения, так называемого, "понимания" в натуре людей, работающих над собой и живущих в этих упомянутых секциях, я сразу же начну организовывать с помощью людей, уже достигших в этих секциях определенного уровня, как это называлось во всех прежде существовавших эзотерических школах, "бытия и понимания", во всех больших городах Азии, Европы и Северной Америки, в которых концентрируются интересы больших скоплений людей данной особой группы, публичные заведения нового типа, подобные "клубам", существующим в наши дни почти везде в обычной жизни людей, и вводить во внутреннюю >^изнь таких публичных заведений нового типа - вместо того, что обычно установлено в таких особых местах для какой-то определенной группы людей, то есть их собственных правил, принципов, религиозных и экономических взглядов, и т.д., и вместо обычно установленных способов времяпрепровождения, то есть чтения газет и журналов, игры в карты, устройства балов, маскарадов и различных концертов, которые

часто, особенно в наши дни, происходят с "мягким участием" тех, кто во мнении большинства современных людей являются "известными" и "знаменитыми", а по моему мнению, с участием в основном тех людей, кто, из-за ненормальной жизни своих предков, так же как и своей собственной, представляют собой ничто иное как типы, которые в период Вавилонской цивилизации обозначались как "передвигающиеся источники вредного излучения" - и вот, вместо всего этого, обычно происходящего в таких клубах, не дающего абсолютно ничего для блага своих членов и реального развития их индивидуальности, ввести обычай знакомиться постепенно и в строгой последовательности, посредством коллективного чтения, лекций и объяснений, даваемых людьми, специально подготовленными для этой цели и посланными из вышеупомянутых секций, с различными фрагментами из той совокупности теоретической информации, на принципах которой базируется основанный мной Институт, а именно, той совокупности информации, доступной пониманию каждого современного человека, после изучения которой каждый должен признать, что, даже если все это еще неизвестно в жизни людей, тем не менее по своей истинности это так же аксиоматично, как, например, то, что "когда идет дождь, тротуары мокрые", так чтобы это могло стать из всего, что человеку требуется постичь для того, чтобы вести жизнь, достойную человека, а не дикого животного, поистине самым важным, даже более незаменимым, чем воздух, которым мы дышим, а затем, после этого, на основе и в соответствии с убежденностью, приобретенной благодаря такой теоретической информации о возможности, а также о самих средствах, достижения требуемых данных для своего собственного блага, сообща предпринять осуществление всего этого на практике.

Второй из этих пунктов, который, по моему мнению, абсолютно необходимо вам узнать, содержал детальную разработку и форму осуществления моего намерения немедленно, с установлением более или менее сбалансированного "темпа" жизни в главной секции Института, разделить всех учеников в соответствии с результатами, полученными в их субъективной внутренней работе над собой, на три независимых группы: первую экзотерическую, внешнюю группу; вторую - мезотерическую, промежуточную группу; и третью - эзотерическую, внутреннюю группу.

К первой, экзотерической группе должны были принадлежать все вновь вступившие, а также те, кто еще не приобрел по своим субъективным качествам права принадлежать ко второй, мезотерической группе.

Ученики, принадлежавшие к этой второй, мезотерической группе, согласно основной программы, должны были быть посвящены лишь теоретически во все вопросы, не доступные для среднего человека, которые были выяснены мной лично благодаря моим полувековым специальным исследованиям как в одиночку, так и вместе со специально организованной группой людей высшей современной культуры, посвятивших себя поискам объективной истины.

Члены третьей группы, эзотерической, согласно той же подробной программе, должны были быть посвящены не только теоретически во все эти вопросы, но так же практически, и быть ознакомлены со всеми средствами для реальной возможности самосовершенствования, но, конечно, после того, как в течение долгого времени они будут экспериментально испытаны и проверены в совершенно необычно искусственно созданных обстоятельствах.

С членами этой третьей группы, здесь будет уместно сказать, я намеревался посвятить себя исследованию средств, уже теперь доступных каждому человеку, и применению всего, что было бы открыто таким образом и скрупулезно проверено, для блага всего человечества.

Сейчас я хочу еще, главным образом с целью формирования в вашем, как я уже говорил, "никогда прежде на Земле настолько полностью не механизированном мышлении" относительной, как называли ее древние ученые психологи, "связующей основы для логического

сопоставления" моих последующих разъяснений, а также для того, чтобы вы могли уже, хотя бы приблизительно, как говорится, "угадать", почему я упомянул именно эти два пункта и какое отношение они могут иметь к моим последующим задуманным разъяснениям для вашего блага, и я даже нахожу необходимым, в соответствии с той же схемой последовательных разъяснений, ранее составленной в моих мыслях, прежде чем говорить о том, что имеет непосредственное значение для вас, рассказать, или, лучше признаться, что среди нескольких очень определенных, так называемых, "мотивирующих факторов", постепенно кристаллизовавшихся в моем "субъективизме" вследствие интенсивных, не очень приятных переживаний, повторявшихся много раз во время разработки и применения в жизни упомянутой программы, есть два таких фактора, которые всегда, действуя как результат законных причин, почти каждый раз вызывают в мыслительных и эмоциональных ассоциациях чувство, с которым мне очень трудно примириться, "горечи".

Первый из этих "мотивирующих психических факторов", который даже до нынешнего времени подрывает мои силы, сформировался во мне как раз во время разработки этой программы вследствие непрекращающейся борьбы между моим сознанием и моей натурой.

Я должен сказать вам, что много лет назад, перед организацией Института, когда я планировал и разрабатывал эту программу в деталях, мне приходилось не только обращаться за советом и направлением относительно некоторых вопросов к уважаемым и беспристрастным людям из тех, которых я иногда имел счастье встречать в ходе моей жизни, и которые, кстати, в противоположность существующему мнению о закономерности установленного предела человеческой жизни, уже перевалили за два века своего существования, а некоторые из которых были столь дерзки, что надеялись перевалить и за третий, но также по нескольким специальным вопросам мне приходилось часто консультироваться с различными вовсе не замечательными людьми, которые, хотя принадлежали к числу авторитетов в некоторых областях современной жизни, в этих вопросах были тем не менее, как это обычно для этого рода современных людей, до отказа "нафаршированы" всеми видами таких "прелестных качеств" как "тщеславие", "самоуверенность", "амбиция", "самообольщение" и так далее.

Этот факт, который в то время мне приходилось с очень большим внутренним усилием, как говорят, "переживать" и в своих внешних отношениях учитывать, заложил первоначальные данные для формирования во мне первого из упомянутых "мотивирующих факторов".

Второй из упомянутых "психических факторов" образовался уже в Европе на второй год после того, как я окончательно обосновался во Франции в условиях, как я уже сказал, более или менее благоприятных, и начал работать в соответствии с ранее упоминавшейся разработанной программой; и формирование этого фактора произошло в результате "самодовольства" нескольких человек, бывших в контакте со мной в следующих условиях моей деятельности в то время.

Несмотря на насущную необходимость с самого первого дня моего приезда в Европу посвящать не менее половины моих физических и психических сил урегулированию крупного финансового кризиса, создавшегося ранее по причине "постыдной тупости" российских властей имущих, и несмотря на то, что мне нужно было посвящать другую половину времени теоретическому и практическому обучению семидесяти учеников, которые были специально подготовлены для демонстраций, так сказать, иллюстративного материала, которые предполагалось устраивать по всей Европе и Америке в следующем году с целью показать результаты применения в жизни моих новых идей, тем не менее мне удалось направить свою работу так, что уже к началу второго года существования Института во Франции, во мне, так же как во всех людях, бывших в контакте со мной и бывших более или менее в курсе моих инструкций, сформировались данные для сильной уверенности, что очень скоро будет возможно

осуществить также на практике оба только что объясненные мной пункта упомянутой подробной программы, то есть: классифицировать всех учеников, живущих в Институте, на три отдельные группы, и начать с каждой группой ранее предусмотренные "теоретические" и "практические" занятия и, в то же время, организовывать в местах, где сконцентрированы интересы больших скоплений людей, упомянутые "клубы" нового типа.

К сожалению, ничего из тех конкретных результатов для блага человечества, ожидавшихся от этой программы, которая была разработана до мельчайших деталей, осуществить не удалось, из-за события, известного вам всем, которое произошло со мной шесть лет назад, и которое многие ученые и обычные люди и все, кто знали меня и слышали о нем, приписали с своим обычным поверхностным пониманием просто "дорожному происшествию", хотя в реальности - как я предположил с самого начала, как только пришел в себя, и в чем я теперь совершенно убежден - это был последний аккорд проявления по отношению ко мне того "нечто", обычно накапливающегося в общей жизни людей, что, как уже было сказано мной в "Вестнике грядущего добра", было впервые замечено Великим, действительно Великим Царем Иудейским, Соломоном, и названо "Цварнохарно".

Возвращаясь к более детальному описанию фактов того периода, что необходимо для понимания вами моих нынешних объяснений, нужно сказать, что с самого начала, когда все уже было более или менее налажено для обычного существования большого количества людей в двух домах, приобретенных мной во Франции, названных Chateau du Priere и Le Paradu, и постройка специального большого здания, которое позже стало известно вам под названием "Дом для занятий", была на скорую руку завершена, я начал почти ежедневные серии лекций для учеников Института, как вновь вступивших в Европе, так и приехавших со мной из России, а также присоединившихся ко мне во время моего странствия с Кавказа в Европу, когда из-за различных политических сложностей не было возможности ни осуществить хотя бы один параграф упомянутой программы, ни обосноваться где-то постоянно, чтобы осветить параллельно с ранним, поверхностным очерком, детали, которые в своей совокупности иллюстрировали сущность моих идей, и объяснить наиболее глубоко только ту часть из двадцати четырех подразделений общего материала изложения моих идей, усвоение которой абсолютно обязательно для каждого, чтобы начать продуктивную работу над собой.

Для лучшего понимания вами дальнейших объяснений, данных мною тогда, я считаю необходимым повторить некоторые из них сейчас.

Помимо всего прочего я сказал тогда, что наиболее важной работой для человека, который уже постиг своим Разумом свое реальное значение - то есть кто постиг свою ошибку преувеличенной важности, которую он придавал своей индивидуальности, представляющей собой, согласно его собственной беспристрастной оценке в спокойном состоянии, почти полное "ничтожество" это приобрести способность направлять в течение определенного времени все свои возможности и всю свою силу только на то, чтобы констатировать настолько много, насколько возможно, физических, а также психических, ненормальных фактов, происходящих в его различных функциях, то есть практиковать то, что называется "само-наблюдением".

Это обязательно и необходимо делать главным образом для того, чтобы такие нежелательные факты, замечаемые сначала только его умом и по-прежнему ничего не значащие для его общего бытия, накапливаясь постепенно в его натуре, начали кристаллизовывать твердую уверенность во всем таким способом узанном, и за счет этого, как это должно закономерно последовать должна появиться в его общем бытии, для возможности дальнейшей работы над собой, энергия огромной силы, с помощью которой только и возможна дальнейшая работа над собой и которая проявляется, между прочим, в постоянном стремлении приобрести "силу" в дневное время в своем, так сказать, "бодрствующем состоянии", на определенное время

"помнить себя".

Это необходимо в свою очередь для того, чтобы такой человек, который постиг только в своем уме ничтожество своей индивидуальности и который решил бороться сознательно с констатированными им ненормальностями, которые кристаллизировались в его индивидуальности вследствие неблагоприятных окружающих условий его подготовительного возраста и которые проявляются во всевозможных слабостях, которые в своей совокупности порождают безволие, бесхарактерность, инертность и так далее, мог бы научиться насколько только возможно не отождествляться с окружающими условиями и, продолжая наблюдать свои внутренние и внешние проявления при своей подверженности одновременно самым различным пристрастным чувствам, которые уже стали неотъемлемыми для него, таким образом констатировать еще глубже различные факторы, ненормальные даже с точки зрения его собственного сознания и существующие в огромном количестве в его физическом теле - и все это для того, чтобы убедиться всем своим существом в своих отрицательных качествах, которые даже по его собственной оценке недостойны человека, а не только своим, в данном случае ничего не значащим "умом"; так чтобы таким образом он мог снова стать человеком, желающим работать над собой всем своим существом, а не только, как я только что сказал, своим ничего не стоящим сознанием.

По причине огромной важности этого вопроса я повторяю и подчеркиваю, что все это необходимо для того, чтобы в человеке, работающем над собой, возникала и накапливалась, как это закономерно происходит, необходимая энергия для возможности продолжения, с силой желания и властью действия, работы над собой, которая одна позволяет человеку осуществить трансмутацию этого "ничтожества" в то "нечто", которым он должен был бы быть согласно даже его собственному "здравому смыслу", то есть быть таким, каким должен быть человек, так сказать, "венцом Творения", а не тем, чем он стал в реальности, особенно в последнее время, а именно, как в моменты искренности с собой он сам о себе знает - автоматически воспринимающим и во всем проявляющимся домашним животным.

Теперь я расскажу вам в обзорной форме о событиях, послуживших причиной моей первой поездки к вам в Америку.

Когда в разгар моей уже описанной деятельности неприятности стали расти и увеличиваться уже в большом масштабе на той "плодородной почве для роста всевозможных скандалов", носящей название России, неприятности, которые связаны были со мной лично только потому, что со мной жили многие из тех несчастных двуногих созданий, по отношению к которым Волей Судьбы было сформировано во мне "нечто", постоянно напоминающее и обязывающее меня содействовать возможному продолжению дыхания таких неизбежно существующих космических возникновений, которых Великая Природа, учитывая сложность аппарата для легкого усвоения воздуха организмом, и, очевидно, из-за недостатка времени лишила этого аппарата с тем результатом, что мой бедный "министр финансов" не мог уже сдерживать себя и снова и снова кричал "Помогите, помогите!", я был вынужден принять решение, не ожидая полной готовности материала, который я планировал закончить, ехать немедленно к вам, американцам - людям, защищенным в то время так называемым "долларовым депозитом" (Закон, гарантирующий возмещение государством банковских вкладов в случае несостоятельности банка.- Прим.перев) - с одним тем материалом, который уже более или менее был готов.

В тот мой первый приезд в Америку, за время шестимесячного пребывания здесь среди вас, я не только достаточно успешно урегулировал "материальный вопрос" Института, но также подготовил все необходимое для того, чтобы основать здесь в Америке несколько постоянных секций.

Вполне убедившись тогда в возможности в будущем в Северной Америке реализации широких планов, связанных с моими идеями, я сразу не теряя времени открыл, между прочим, здесь в Нью-Йорке, временно, классы обучения ритмическим движениям и музыке с намерением в свой следующий визит, который должен был состояться шесть месяцев спустя, трансформировать эти классы в первую основную ветвь Института в Америке.

Именно на этой стадии моей деятельности по введению в жизнь для блага всего человечества программы, которая была разработана со всеми деталями, случилась, почти сразу после моего возвращения в Европу, та "неудача", которая, кроме того, что помешала среди всего прочего моей запланированной поездке сюда, стала, так сказать, зародышем всех последовавших недоразумений как в отношении моих идей, так и меня лично.

Начало умножения и пышного расцвета этих недоразумений, уже прежде существовавших в большом количестве по отношению ко мне и процессу осуществления моих намерений, так же как появление новых как будто из рога изобилия, было обязано главным образом тому факту, что после той "неудачи" на несколько месяцев я полностью потерял память, а затем еще несколько месяцев лежал в полусознательном состоянии.

Почва для пышного расцвета всевозможных недоразумений в связи с моими идеями стала исключительно плодородной потому, что после упомянутой неудачи, когда я начал постепенно восстанавливать мою обычную способность владения телом и память и вследствие причин, уже описанных мной в последней главе первой серии моих писаний, начал ликвидировать главную секцию, а также все другие секции основанного мной Института, реорганизованного на новых принципах в соответствии со Статутом Института, жившие там люди всех уровней "бытия и понимания", большинство из которых принадлежали к различным независимым национальностям, составляющим население бывшей Российской Империи, не имея возможности вернуться на родину, так как во всех этих местах продолжался массовый психоз, начавшийся несколькими годами раньше, были вынуждены, ввиду неожиданных обстоятельств, рассеяться по разным странам Европы, а также в Англии и даже в Америке, смотря где они имели друзей или родственников, и большинство из этих бывших учеников моего Института, оказавшись рассыпанными по миру и попав в трудные условия, что по-прежнему остается обычным почти для всех "беженцев" из этой прежде богатой России, не имея данных, необходимых для нормального зарабатывания на жизнь в местных условиях, вдруг, вероятно, вспомнили какие-то крохи из общей массы информации, которую они слышали в Институте, и пользуясь, сознательно или несознательно - это в данном случае неважно - общей разбалансированностью ума, возникшей как закономерное следствие Мировой войны, решили "проповедовать" мои идеи.

Так как каждый из этих учеников основанного мной Института, в смысле своего "субъективного бытия", принадлежал только лишь к упомянутой экзотерической группе, то есть все еще имел бытие обычного среднего человека и, следовательно, вполне обладал всеми свойствами, присущими современному человеку, среди которых, обязательно и неизбежно, есть то, что он может интересоваться и вбирать в себя из всего нового для него только то, что соотносится с его собственной уже установившейся субъективностью и делать это центром тяжести своего мышления, они, взяв это за основу, начали среди людей-жертв упомянутой "разбалансированности ума" проповедовать односторонним образом, словесно, а так же в литературе, информацию, усвоенную ими "кусочек здесь, кусочек там", которую они слышали от меня лично или от моих старых учеников, которые были подготовлены мной для будущего распространения моих идей на большой шкале.

Здесь интересно заметить, что к тому времени сам я почти перестал, так сказать, "беспокоить" внимание этих людей, которые были более или менее знакомы с моими

инструкциями.

Из множества вполне определенных фактов, выясненных за время моих недавних специальных наблюдений относительно причин появления некоего специфического свойства в психике людей, ставших последователями моих идей, я думаю, что сейчас достаточно будет лишь заметить, между прочим, что на данный момент, у существующих в различных странах людей, ставших тем или иным образом последователями моих идей, совокупность Данных для их психического функционирования, которая обычно кристаллизуется в людях вследствие различных окружающих механических влияний, впоследствии становится автоматически стимулирующим фактором для проявления их субъективности, в результате чего эти люди в процессе их автоматически протекающих ассоциаций, так же как и во время их полусознательного обмена мнениями между собой, движимы необходимостью спорить с энтузиазмом и упорством, создавая таким образом реально воспринимаемую и очень сильно проявляющуюся *idee fixe* в отношении только некоторой, иногда совершенно неважной информации, которая объясняет только один частный вопрос из бесчисленного количества вопросов, которые исключительно во всей своей совокупности составляют и освещают сущность моих идей.

Например, в так называемом "сознании" людей, существующих в одной части России, из общей массы информации, которая была им дана и которую они восприняли, конечно, "кусочек здесь, кусочек там", твердо кристаллизовалась в них только та часть, которая из всех остальных вещей объясняет теоретически посредством аналогий и примеров тот факт, что общее бытие человека состоит из трех независимо сформированных и воспитанных частей, и на одном этом они основали предполагаемую истину моих идей; у некоторого числа людей, существующих в другой части России, вследствие каких-то фрагментов объясненной и подтвержденной информации, в их сознании кристаллизовалась одна идея о том, что человек, никогда не работавший намеренно над своим совершенствованием, лишен не только души, но также и духа.

Люди из Германии, особенно те, что из Баварии, вследствие усвоенной ими информации о возможности эффективного питания не только обычной пищей, но также воздухом, больше всего полюбили идею придания составу своей крови способности удовлетворять все потребности физического тела, и одновременно с этим содействовать кристаллизации и совершенствованию астрального тела.

Люди из английской столицы "помешались", или, лучше сказать, "это нравилось их английской душе" и стало *idee fixe* их психики, на том обобщающем выводе из всей совокупности моей теоретической информации, который сформулирован выражением "помнить себя" и на который указывалось как на необходимость.

Люди, живущие в современной северной Греции, предпочли, и сделали центром тяжести своего интереса к моим идеям, так называемый, "закон семи" и "три аспекта" каждого явления, и так далее.

А что касается вас, американцев, составляющих именно эту группу, ваша *idee fixe* основана на отдельных фрагментах, воспринятых вами также "кусочек здесь, кусочек там", той единственной главной части из двадцати четырех, уже упоминавшихся мной частей, составляющих всю совокупность информации, теоретически объясняющей все мои идеи, о которой я сказал недавно, что эта часть касается вопроса "само-наблюдения", и подчеркнул, что эта информация является насущно необходимой с самого начала работы над собой.

ВТОРАЯ БЕСЕДА

проведенная мной в том же месте при намного увеличившемся количестве собравшихся

В прошлый раз, во второй части моей беседы, я говорил о предположении, кристаллизовавшемся во мне относительно возможных причин возникновения, в результате

ложного истолкования моих идей, весьма нежелательной особенности в общей психике людей в различных не связанных друг с другом группах; сегодня я начну свои объяснения на ту же тему, но исключительно в отношении вас, американцев, прежде составлявших и ныне принадлежащих к этой группе людей, также ставших последователями моих идей.

Итак, я хочу представить по этому поводу, после специальных наблюдений и исследований за последние дни, уже вполне определенное мнение относительно того, как и в какой последовательности сформировались также и среди вас здесь условия для кристаллизации в вашей психике того пагубного фактора, вследствие которого теперь, у большинства из вас, к моему искреннему сожалению, вместо наличия, в сравнении с другими людьми, данных "высшего уровня" - которые обязательно должны были сформироваться в вас за это время, как в людях, уже давно вошедших в контакт с истинами, которые я узнал посредством моих полувековых добросовестных трудов, почти непостижимых для современных людей, которые дают возможность и средство каждому человеку получить Бытие реального человека - сформировалось, как я могу теперь беспристрастно констатировать, нечто совершенно противоположное.

Откровенно говоря, почти каждый из вас производит впечатление, и на самом деле таковым является, человека, имеющего все данные для того, чтобы в любой момент стать пациентом одного из тех в американском масштабе организованных домов в Нью-Йорке, которые называются "сумасшедшими домами" и которые находятся здесь под опекой последовательниц английских суффражисток.

Для вас, американцев, возникновение этого зла, сформировавшегося в связи с моими идеями, началось и постепенно приняло определенную форму по причине следующих событий:

Когда, как я уже сказал, в начале второго года существования Института во Франции, я был вынужден принять решение, не дожидаясь окончательного завершения подготовки материала для демонстраций, ехать немедленно к вам, американцам, с целью чтобы здесь, среди вас, типов, все еще незнакомых для меня, я не был бы вынужден "жить на бобах, смешанных с чертежными кнопками" с таким огромным количеством людей, незаменимых для осуществления целей, которые я имел в виду, каждый из которых к моему несчастью - так же как, впоследствии, к несчастью многих из ваших соотечественников, ставших из-за них объектами моей постоянной и основной специальности, которая состоит в "состригании половины шерсти с каждого, кто ко мне приближается" - был в то время подвержен расстройству, которое в психике пациента вызывает, помимо прочего, привычку иметь в своих карманах исключительно только "вошь на аркане" в одном и "блоху на цепи" в другом, я тогда посчитал необходимой предварительной мерой, с целью, чтобы по крайней мере что-то было подготовлено здесь в Нью-Йорке к приезду такого большого количества людей, послать сюда, на корабле, отплывающем как раз перед нашим, кого-нибудь из моих надежных и испытанных людей.

Вследствие того факта, что как раз незадолго перед этим большинство моих "учеников первого разряда", как они сами себя называли, годившиеся для этого, были посланы мной в общих интересах различных стран Европы и Азии со специальными миссиями, мой выбор из тех, кто оставался рядом со мной, наиболее подходящего человека для этой предварительной отправки пал на одного давнего последователя моих идей, который был тогда главным врачом Института, доктора Стернвалля, но так как в то время он совершенно не знал английского языка, я решил послать вместе с ним, как ассистента и переводчика, одного из вновь вступивших английских учеников.

Исследуя в своем уме и учитывая полезность каждого из них в отдельности для такой поездки, я решил послать именно этого английского ученика из большого числа вновь

вступивших в Институт, который, согласно так называемым "индивидуальным регистрационным данным", обычно составлявшимся в Институте на каждого ученика, был ранее английским журналистом и, я думал, как журналист наверняка должен был очень хорошо знать английский язык.

Этот бывший английский журналист - назначенный мной в самом начале переводчиком и ассистентом того первого человека, который был послан мной в Америку как, можно сказать, "вестник моих новых идей", доктора Стернвалля, а позже стал помощником моего личного переводчика г-на Ферапонтова, ученика Института и участника демонстраций "ритмических движений", который к концу моего пребывания здесь стал одним из трех, как они тогда назывались, "менеджеров", то есть организаторов демонстраций, лекций и деловых интервью с различными людьми, с которыми я должен был встречаться - был никто иной как тот человек, который вследствие случайных обстоятельств, возникших частично из -за катастрофы, происшедшей со мной, а частично вследствие той ненормальности в основе семейной жизни, кристаллизованной в жизни современных людей, особенно в вас, американцах, которая состоит в факте, что ведущая роль в доме принадлежит женщине, впоследствии стал вашим главным лидером; я говорю, как вы сами наверно уже догадались, о мистере Орид-же.

Все последующее, что привело к известным результатам, которые являются предметом нашего разговора сегодня, возникло в следующей последовательности:

Когда, в конце моего первого визита в Америку, после довольно успешного осуществления всех моих планов я был готов ехать обратно в Европу с намерением, как я сказал тогда, вернуться через шесть месяцев с целью открытия уже постоянных ответвлений Института в нескольких ваших самых крупных городах, и, за несколько дней до моего отъезда, я обсуждал открыто с людьми, приехавшими со мной, кого можно было бы оставить здесь для продолжения начатого, а также для различных других приготовлений к моему следующему предполагавшемуся приезду, мистер Орид, также присутствовавший там, неожиданно предложил свои услуги и с большим воодушевлением начал доказывать свою способность выполнить все это блестяще.

Так как я нашел его вполне пригодным для всех необходимых приготовлений, главным образом за счет его проверенного знания английского языка, в котором я убедился уже здесь в Нью-Йорке, а также за счет его элегантной внешности, которая, как легко можно понять, имеет огромное значение во всех деловых отношениях, особенно среди вас, американцев, я принял его предложение и начал объяснять ему сразу некоторые детали требуемых приготовлений.

Как я узнал впоследствии, истинной причиной его предложения и его энтузиазма было то, что за время нашего пребывания в Нью-Йорке у него начался роман, который к тому моменту достиг своего апогея, с продавщицей того книжного магазина с очень оригинальным названием "Поворот по часовой стрелке", в котором я начал в Нью-Йорке среди очень малого числа ваших соотечественников, как я обычно делаю, устраивать встречи в форме лекций и бесед, отвечая среди прочих вещей на различные вопросы, которые задавались мне о моих идеях.

И вот затем, как я уже сказал, по моем возвращении в Европу после моего пребывания среди вас, в конце первой недели со мной произошло то автомобильное происшествие, в результате которого более чем на три месяца я полностью потерял память и способность владеть своим телом, а затем более шести месяцев лежал в полусознательном состоянии, лишь наполовину контролируя эти две основных способности, на которых основана и которые обычно накладывают ответственность на индивидуальность человека, и когда, как следствие всего этого, во всех моих делах наступил величайший кризис, постепенно принимая пропорции, которые предвещали полную катастрофу, тогда я, как раз в начале этого упомянутого второго периода моего физического состояния, все еще совершенно беспомощный телом и прикованный

к постели, ясно понимая в светлых интервалах моего сознания создавшуюся ситуацию, начал, с одной стороны, давать указания и принимать всевозможные меры для скорейшей ликвидации всего связанного с Институтом по причине постоянно требующихся огромных расходов при полном отсутствии доходов, а также отсутствия среди людей рядом со мной хотя бы одного "бизнесмена", и, с другой стороны, изобретать всевозможные комбинации для урегулирования бесчисленных недоразумений, возникавших вследствие упомянутой ликвидации, а также вредоносных проявлений различных типов, обычно имеющих место, как я уже говорил, среди выродившихся людей нашего класса.

Затем, между прочим, однажды, как раз в тот период, когда функционирование моей обычной способности владения своим телом начало изредка восстанавливаться, и я мог ясно осознать, что произошло, и представить себе различные возможности выхода из сложившейся ситуации, один из людей, бывших рядом со мной, который в то время исполнял роль министра финансов, обратившись ко мне по поводу какого-то финансового затруднения, разрешить которое было выше его возможностей, сказал мне, что как раз в этот день он получил из Америки, от мистера Ориджа, 1 000 долларов, прибавив, что уже в третий раз он получает такую сумму и что она всегда приходит в самый подходящий момент.

В последующие месяцы, поскольку мое состояние было все еще почти без изменений, а во время упомянутых светлых периодов я с трудом мог обсуждать даже те дела, которые были связаны с ликвидацией, или изобретать какие-то другие комбинации, чтобы выйти из этой сложившейся для меня отчаянной ситуации, я совершенно забыл о мистере Оридже и его добросердечной заботливости по отношению ко мне и моей работе.

Только через год после упомянутого разговора о деньгах, посылавшихся мистером Ориджем из Америки, когда я более или менее ликвидировал все опасности развивающейся катастрофы, и состояние моего здоровья улучшилось, я обнаружил, что эти "посылки" от мистера Ориджа, хотя и уменьшившиеся, все еще продолжались, и что некоторые из ваших соотечественников участвовали в них. Именно тогда я сразу же изменил свое первоначальное решение захлопнуть двери своего дома для всех и сделал исключение только для вас, американцев, составляющих именно эту группу, так же как и всех американцев, проявивших интерес к моим идеям, и с тех пор не только двери моего дома всегда были открыты для вас, но с некоторыми из вас, о реальном интересе которых к моим идеям я был заранее информирован кем-либо, кто уже доказал свою верность в смысле реального интереса к моим идеям, я, настолько, насколько позволяла моя глубокая занятость серьезными вопросами моих писаний, всегда охотно общался.

Что касается непосредственной причины формирования в вашем мышлении упомянутой *idée fixe*, которая послужила, в свою очередь, фактором для постепенной кристаллизации в вашей психике упомянутой специфической особенности, все это, как я представляю это себе сейчас, после детального сопоставления и, так сказать, "статистических выводов", основанных на личном изучении нескольких членов этой самой группы, а также других, близких им, вероятно, произошло следующим образом:

Мистер Оридж, оставленный мной в Америке и занимавшийся вначале только выполнением моих поручений в связи с моим запланированным вторым визитом, после катастрофы, происшедшей со мной, будучи очень увлеченным моими идеями, но все еще не полностью находясь под влиянием своего "Ангела на левом плече", узнав обо всем случившемся со мной, сразу начал пользоваться тем сильным впечатлением, все еще делящимся по инерции, произведенным мной на ваших соотечественников, и в течение нескольких месяцев собирал деньги и посылал часть их мне в Priere.

В это самое время, очевидно с целью какого-то внешнего оправдания этих сборов он начал, без моего разрешения на это,

вести классы по "ритмическим движениям", организованным мной здесь в Нью-Йорке; кроме того, осознав необходимость и в то же время все трудности добывания средств, с одной стороны, для отправки мне, а с другой стороны для покрытия чрезмерных затрат на свою новую семейную жизнь -- поскольку к этому времени его роман окончился женитьбой на этой продавщице из "Поворота по часовой стрелке", молодой американке, для ее положения избалованной сверх всякой меры, - он начал, с целью увеличения своих ресурсов, проводить, как обычно в жизни Института, беседы на темы, которые он изучал во время своего пребывания в Институте.

Когда весь этот материал был им отработан, и не получая никакого нового материала или никаких определенных указаний от меня относительно того, что делать и как продолжать дальше, он должен был волей-неволей продвигаться вперед все это время лишь с тем материалом, который был усвоен им за время его пребывания в Институте, еще только в качестве обычного ученика, и, так сказать, "всячески манипулировать" этим очень ограниченным знанием.

Как я только недавно выяснил в этот нынешний приезд сюда, расспрашивая некоторых из ваших товарищей, которые были членами, с самого начала, группы, руководимой мистером Орид-жем, он, как хороший "жонглер", манипулировал только первоначальной информацией из всей совокупности информации, проливающей свет на мои идеи, которая касалась того вопроса, о котором я говорил на последней лекции, то есть вопроса так называемого "само -наблюдения", а именно обобщенным объяснением этой информации, знание которой на самом деле совершенно незаменимо в начале для каждого, кто стремится узнать истину, но которая, если она становится центром тяжести мышления людей, несомненно приведет, как уже давно было установлено и проверено мной, как раз к тому результату, который, к моему великому сожалению, я наблюдаю сейчас почти в каждом из вас.

Эта ситуация, создавшаяся в начале моей писательской деятельности из-за происшедшей со мной катастрофы, продолжалась до настоящего времени.

Теперь, после семилетнего перерыва в применении- в жизни последовательными стадиями указанной детальной программы, которая стала целью и смыслом моей жизни, закончив наконец эту главную и наиболее трудную задачу, которая постоянно требовала всего моего внимания и всех назначенных мне самим собой усилий в течение этих лет, я хочу, одновременно с выполнением наиболее легкой части моей задачи, начать вновь осуществление этой моей цели, но на этот раз, с помощью результатов, полученных в эти прошедшие годы моих постоянных напряженных трудов, реализованных в десяти больших томах; а именно, я намерен продолжить окончательную полировку моих писаний, чтобы сделать их доступными для понимания каждого среднего человека, и, работая в тех же условиях, как и раньше, то есть в различных кафе, ресторанах и других публичных местах, всегда путешествуя, начать одновременно с этим делать эти случайные или намеренные остановки в различных центрах современной цивилизации, которые удовлетворяют требуемым условиям, подготовку почвы для организации клубов, в прошлый раз упомянутых мной.

Так как мой нынешний визит сюда совпадает с моментом создания условий, которые дают мне возможность предпринять осуществление моих планов, я поэтому решил, в период моего пребывания здесь среди вас, посвятить все время, остающееся после выполнения моей основной задачи, организации и открытию здесь первого клуба такого рода.

Открытие здесь в Нью-Йорке, с участием людей, составляющих эту вашу группу, первого филиала не только в Северной Америке, но вообще на Земле главного клуба, который будет находиться во Франции в Chateau du Prieurie, будет по моему мнению во всех отношениях правильным и объективно справедливым.

Это будет правильно и справедливо потому, что американцы, главным образом вы, составляющие эту группу, кроме того, что были долгое время в контакте с моими идеями, были единственными, кто доказал свою благодарность мне в трудные годы кризиса, и вы были также единственными, с кем я имел личные отношения после случившейся со мной неудачи, когда я полностью посвятил себя своей новой профессии писателя и разорвал все отношения, которые я ранее имел с людьми всех категорий и классов в различных европейских государствах, - исключая, конечно, мои отношения с персоналом различных кафе и ресторанов.

И вот, мои дорогие друзья, дарованные мне Судьбой! Несмотря на мое совершенно естественное искреннее желание, которое должно быть вам известно, чтобы первое ответвление "основного ствола" этой первой организации, связанной с моими идеями, было основано именно здесь среди вас, я, беспристрастно проанализировав своим сознанием все прошедшее и сопоставив некоторые очевидные факты, не могу позволить себе выполнить это желание, дорогое моей натуре.

Причина такого противоречия в моем общем внутреннем состоянии - мое ясное понимание того факта, что некоторые из вас, может быть, из-за того, что всегда были такими, или по причине различных недоразумений, имевших место в прошлые годы внутренней жизни вашей группы, совершенно не отвечают требованиям, предъявляемым к членам этой первой организации, которую предполагается основать здесь, а именно, такой организации, которая, по моему мнению, должна иметь в будущем очень важное значение общечеловеческого характера.

За время моего пребывания здесь среди вас я не однажды очень серьезно задумывался о сложившейся ситуации, но так и не нашел какого-то определенного выхода из нее и только сегодня, когда стало ясно, что мне нужно будет приехать сюда снова в будущем году по некоторым делам, не имеющим к вам никакого отношения, и я понял, кроме того, что мне придется по крайней мере год или даже больше заниматься вопросами, касающимися моих писаний, я принял категорическое решение: отложить организацию этих клубов до следующего года и полностью посвятить все время, остающееся до конца этого моего нынешнего визита к вам, полной реорганизации вашей группы в том смысле, чтобы ввести в ее внутреннюю жизнь принципы, соответствующие моим идеям, которые непременно должны быть реализованы и которые могут содействовать, в общей психике некоторых из вас, ускоренной кристаллизации соответствующих данных для возможности считаться достойным стать, ко времени моего визита в следующем году, полноправными "ядро-составляющими" членами этой первой организации; а также принципы, которые будут содействовать в общей психике всех остальных появлению данных для искреннего признания своей непригодности к тому, чтобы быть членами этой первой модели организации, с тем результатом, чтобы они, поняв это, удалились. Иными словами, посвятить все мое свободное время, первое, установлению лично в необходимом темпе всего необходимого для правильной работы с тем человеком, которого я намереваюсь послать к вам для того, чтобы руководить всем, что требуется для достижения в строгом соответствии с моими идеями поставленных мной целей; и, второе, очищению вашей группы от тех элементов, которые в существующих условиях не только не могут получить никакой пользы для себя, но могут, как для формирования, так и для реализации общей цели в этой вновь сформированной группе, быть очень и очень вредными.

Вторая часть этого задуманного мною плана, то есть очистка вашей группы от нежелательных элементов, будет проявляться с самого начала формирования этой новой группы, так как перед ее членами будут поставлены, среди всех прочих вещей, несколько условий, не допускающих какого бы то ни было компромисса, с которыми, вероятно, не все из вас будут способны согласиться, и таким образом некоторые из членов бывшей группы естественно отпадут.

Мной будут установлены тринадцать таких непременно требуемых обязательных условий на право быть членом этой новой группы в первые месяцы ее существования; семь из них будут иметь "объективный характер", то есть будут касаться каждого и должны будут выполняться всеми без исключения, а шесть других будут "субъективного характера", то есть будут касаться лично тех из бывших членов прежней группы, кому они будут персонально поставлены.

Относительно этих субъективных условий необходимо сказать, что их характер будет проистекать из объяснений, которые я уже сделал или намерен сделать сам или чрез тех, кого я назначу, о специфической субъективности каждого из вас, сформированной вследствие определенного рода психических данных, возникших на основе типа, наследственности, а также приобретенных в период равноправного членства в прежней группе.

Подробное объяснение значения всех тринадцати условий и объяснение мотивов, логически оправдывающих необходимость этих условий, будет дано мной заранее исключительно тем членам прежней группы, кто согласится и свяжет себя специальной присягой, форму которой я укажу частично сейчас же, а частично позднее, выполнять в точности первые ранее упомянутые семь объективных условий.

Сказав это, я позвал своего секретаря и продиктовал ему следующее:

"Я, нижеподписавшийся, по зрелом и глубоком размышлении, не под воздействием чьего бы то ни было влияния, но только по своей собственной воле, обещаю под присягой не иметь, без инструкций мистера Гурджиева или человека, официально представляющего его, каких бы то ни было отношений, устных или письменных, с кем-либо из членов прежней группы, существовавшей до сих пор под названием "Ориджевской группы" последователей идей мистера Гурджиева, а также не иметь никаких отношений, без специального разрешения мистера Гурджиева или его заместителя, с самим мистером Ориджем.

Я могу иметь отношения исключительно с теми членами прежней группы, список чьих имен будет дан мне на общей встрече вновь сформированной экзотерической группы".

Прочитав вслух текст этого обязательства, я сказал:

"Заканчивая сегодня этим нашу встречу, я просто добавлю следующее:

Те из вас, кто, как сказано в тексте документа, который я только что прочел, "после зрелого и глубокого размышления" согласны подписать этот документ, должны сделать это не позднее двенадцати часов дня послезавтра в присутствии моего секретаря-переводчика.

Относительно того, когда и где будет устроена первая встреча этой новой экзотерической группы, все те, кто подписали документ в установленный срок, будут своевременно информированы".

ТРЕТЬЯ БЕСЕДА

проведенная мной при довольно сильно поредевшем числе собравшихся

Я начал так:

С той целью, чтобы все мои объяснения, так же как лекции и сообщения различных инструкторов, специально подготовленных для применения моих идей практически в жизни, которых я намереваюсь также с этого года время от времени прикреплять к вашей группе, были продуктивны и давали реальные результаты во время ваших будущих общих собраний и ваших частных встреч и обменов мнениями, другими словами, с той целью, чтобы все ваши разговоры, имеющие отношение к моим идеям, не принимали того характера, какой они принимали до сих пор, а именно, как я недавно назвал их, "встречи для взаимного приятного щекотания", я хочу сегодня, уже на этой, как она может быть названа, "первой встрече на новых принципах", дать вам в качестве, можно сказать, наставления, один совет, который имеет отношение только к вам, американцам, вообще и особенно к тем, кто составляет данную группу, непременное выполнение которого может само по себе, по моему мнению, во вновь созданных условиях,

остановить развитие пагубных последствий причин, вызванных ошибками в прошлом.

Этот мой добрый совет вам, американцам, составляющим в данном случае эту группу и ставшим, благодаря ряду случайно сложившихся обстоятельств жизни, моими ближайшими истинными друзьями, состоит в указании категорической необходимости того, чтобы каждый из вас полностью прекратил, по крайней мере на три месяца, чтение газет и журналов и за это время познакомился как можно лучше с содержанием всех трех книг первой серии моих писаний, озаглавленных "Объективная и беспристрастная критика жизни человека".

Знакомство с содержанием этих книг совершенно необходимо каждому из вас, главным образом для того, чтобы получить прямо или косвенно информацию, освещающую со всех сторон некоторые понятия и представления, на которых будут основаны и из которых будут логически следовать все проблемы, которые необходимо будет разрешать на практике. Именно для этой цели была организована ваша группа, а теперь реорганизована, чтобы состоять из людей, которые более или менее осознали абсурдность нашей обычной жизни и которые, хотя вы еще не почувствовали этого всем своим бытием, но серьезно желают усвоить то, что уже узнали, продолжают узнавать по возможности больше аспектов объективной истины, чтобы определить в соответствии с этим, свою собственную реальную индивидуальность для того, чтобы впоследствии во всем проявлять себя образом, присущим Богоподобному творению.

Необходимо сказать, что все, что я изложил в трех книгах первой серии, в своей совокупности охватывает почти все вопросы, которые по моему мнению, сформированному на основе долгих лет экспериментальных исследований, могут возникнуть в условиях современной жизни в обычном мышлении человека, и объяснение всех этих вопросов было дано мной в такой логической последовательности и в такой сопоставительной форме, чтобы, приучая читателя автоматически к активному мышлению и содействуя легкому и одновременному теоретическому усвоению самой сути вопросов, о которых идет речь, дать возможность понять, прежде всего не только своим автоматическим сознанием, которое в данном случае не имеет ценности, но всем своим бытием, которое наиболее важно и насуточно необходимо для возможности дальнейшей работы над собой, эфемерную природу своих прежних понятий и убеждений.

Всестороннее знакомство с этими тремя книгами необходимо также для того, чтобы когда я лично или упомянутые инструкторы, будем говорить на общих встречах о каком-то вопросе, который в данный момент будет находиться в центре тяжести вашей работы, и говорить о его деталях, -- мы могли бы, с целью экономии времени, просто обратиться к соответствующей главе в этой первой серии, и вы, уже имея предварительную информацию об этом, могли бы легко воспринимать то, что мы последовательно будем развивать в деталях.

Например, при намерении говорить на сегодняшней встрече о вопросе, основанном на данных, которые я уже более или менее объяснил в последней главе третьей книги, а именно в главе "От автора", обсуждение этого предложенного вопроса должно быть продолжением этой главы.

И тогда, если бы вы были все хорошо информированы о ее содержании, я мог бы для экономии времени обращаться к нужным пассажирам, но теперь я буду вынужден терять время на чтение для вас определенных выдержек.

В данном же случае, требуется главным образом знание той части последней главы под названием "Дополнение", которую я написал после того, как очень ясно показал в этой главе полный автоматизм современного человека и его полное ничтожество в отношении "независимого проявления его индивидуальности".

Сказав это, я попросил моего секретаря прочесть отрывки, которые я имел в виду.

Дословно содержание этих отрывков следующее:

"Таков обычный средний человек - несознательный раб всей службы целям Вселенной, которые чужды его личной индивидуальности.

Он может жить всю свою жизнь так, как он вырос и был кристаллизован вследствие всевозможных влияний, в итоге формирующих условия жизни вокруг него, и так же после смерти быть уничтоженным навсегда.

И хотя это удел каждой жизни, но в то же время Великая Природа дала некоторым жизням, как в данном случае, человеку, соответствующие возможности быть не просто слепым орудием всей службы целям Вселенной, но в то же время, служа Природе и осуществляя сознательно то, что ему назначено, производить требуемое в избытке, и употреблять этот избыток для своего "эгоизма", то есть для определения и проявления его собственной индивидуальности.

Эта возможность тоже дается для служения общей цели, потому что для равновесия этих объективных законов такие относительно свободные, само-построенные, независимые жизни, и в особенности человеческого происхождения, также необходимы.

Говоря об этом таким образом, я считаю своим моральным долгом прибавить здесь и особо подчеркнуть, что, хотя указанное освобождение для человека возможно, не у каждого человека есть шанс достичь его. Существует огромное множество причин, которые не позволяют этому случиться и которые в большинстве случаев не зависят ни от нас лично, ни от великих космических законов, но только от различных случайных условий нашего возникновения и формирования, среди которых главными, конечно, являются наследственность и условия, в которых протекает процесс нашего "подготовительного возраста". Это как раз те неконтролируемые условия, которые могут не позволить произойти этому освобождению"...

Остановив читавшего в этом месте, я объяснил, что из содержания следующих нескольких страниц, пропущенных ради экономии времени, необходимо для темы этого вечера знать только о сравнении, которое я сделал там между человеческой жизнью в целом и течением большой реки, разветвляющимся - в определенном месте, соответствующем, согласно моему определению, времени достижения человеком ответственного возраста, то есть того возраста, когда становится ясным в человеке, удалось ли ему к тому времени приобрести данные для обладания своим собственным Я - на два потока, один из которых течет в безграничный океан для последующего движения, эволюционного самого по себе, а другой - в низшие области для последующего, но инволюционного движения, в этом случае только для нужд природы. Затем я указал место, с которого чтение должно было в данном случае быть продолжено.

"Для нас, современных людей,- продолжал читать секретарь главное зло в том, что по достижении ответственного возраста мы приобретаем - вследствие различных условий нашего обычного существования, устроенного нами самими, главным образом из-за ненормального, что называется, "образования" - общее бытие, соответствующее только тому потоку реки жизни, который в конце концов впадает в "низшие области", и попадая в него, мы остаемся пассивными и, не думая о последствиях этого состояния, подчиняемся течению и относимся им дальше и дальше.

Пока мы будем оставаться пассивными, нам придется в ходе своего дальнейшего существования рабски покоряться каждому капризу всякого рода слепых событий и в результате неизбежно служить единственно лишь средством для "инволюционных и эволюционных построений" Природы.

Поскольку большинство из вас, присутствующих здесь и слушающих мои объяснения, уже, как было сказано, "перевалили" черту ответственного возраста и после моих объяснений искренно поняли, что до сих пор не имеете своего истинного Я, и в то же время, в связи с сущностью всего, что я сказал здесь, вы не нарисовали для себя никаких особенно приятных перспектив, тогда, с той целью чтобы вы -- именно вы, которые поняли это - не были бы очень

сильно, как говорится, "обескуражены" и не впали в так называемый "пессимизм", преобладающий везде в современной ненормальной жизни людей, я говорю совершенно искренно, без всякой "задней мысли", что, согласно моим убеждениям, которые сформировались за многие годы исследований, усиленных множеством совершенно исключительно проведенных экспериментов, на результатах которых был основан мной "Институт гармонического развития человека" -- даже для вас еще не все потеряно.

Мои специальные исследования и экспериментально-статистические данные по этому предмету показали мне ясно и очень определенно, что Великая Вее-заботливая Мать Природа предусмотрела возможность также и того, чтобы существа могли приобрести зерно своей сущности, так сказать, свое собственное Я, даже после вступления в ответственный возраст.

"Предусмотрительность Справедливой Природы состоит в данном случае в том, что эта возможность дастся нам после нашей полной сформированности в ответственную жизнь, по нашему

собственному желанию, возникающему благодаря определенным внутренним переживаниям и определенным внешним условиям, кристаллизующим в нашем общем бытии данные для обретения такого ядра - конечно с большими трудностями, чем в подготовительном возрасте.

Этот процесс намеренного формирования в бытии человека таких данных обусловлен трудностями перехода из одного потока реки жизни в другой.

Интересно заметить здесь, что выражение, часто применяемое современными людьми, конечно, совершенно автоматически, без всякого понимания его скрытого смысла -- "первое освобождение человека" - несет в себе, согласно толкованию посвященных одной школы, существующей сейчас в Центральной Азии, именно тот метафорический смысл, понимание которого я в своих писаниях сформулировал как возможность для каждой капли воды первичной общей реки перейти из потока, которому предназначено исчезнуть в "низших областях", в поток, который впадает в огромное пространство безграничного океана.

Что касается возможности этого перехода для человека, который в своем ответственном возрасте уже вступил в поток "низшей области", хотя он и создан Великой Природой, я должен предупредить вас, чтобы не вызывать в вас, так сказать, "легкомысленных иллюзий" относительно этой возможности перейти из одного потока в другой, что это не так легко - просто захотеть и перейти.

Для этого необходимо с постоянно активным сознанием, прежде всего с величайшим напряжением сил обрести намеренную кристаллизацию в самом себе данных, порождающих в бытии человека неиссякаемый импульс желания такого перехода, и тогда за этим последует долгая внутренняя борьба, требующая великого напряжения всех внутренних сил, с явными ненормальностями, кристаллизованными в его индивидуальности и очевидными даже его собственному уму, то есть борьба с кристаллизованными привычками, недостойными человека даже с точки зрения его собственного понимания в спокойные моменты, которая будет способствовать, первое, возникновению в нас нашего внутреннего "Зла-Добра", и второе, поддержанию и усилению в нас его мощи и силы всегда и во всем, а именно того "Зла-Добра", присутствие

которого создает идеальные условия, особенно в современных людях, для наслаждения состоянием "неизменного покоя" - короче говоря, потребуются все виды соответствующих, очень сложных и трудных приготовлений..."

В этом месте, вновь прервав читавшего, я продолжал так:

Из содержания отрывка, который был только что прочитан, каждый из вас уже должен понять по крайней мере то, что необходимым условием, прежде всего требуемым от человека

для его все еще возможного становления на новый путь, а именно путь "эволюционного движения", является то, чтобы иметь по крайней мере некоторые данные для обретения своего собственного Я.

В случае человека, в котором, из-за условий его приготовительного возраста, время, предопределенное Природой для естественной кристаллизации в его общем бытии данных для обладания в ответственном возрасте его собственным Я, не было употреблено с пользой, тогда, если в ответственном возрасте, что иногда в здравом рассуждении может закономерно происходить в человеке, он случайно замечает этот факт и решает достичь возможности быть таким, каким он должен быть в реальности, а именно, иметь свою собственную индивидуальность, обусловленную несомненным обладанием своим собственным Я, он должен для этой цели прежде всего непременно и сознательно начать кристаллизовывать в себе семь данных - как было установлено истинно мудрыми людьми всех древних эпох - особо присущих только человеку, данных, которые имеют одним из основных свойств своих проявлений взаимодействие друг с другом в полном соответствии с фундаментальным законом Мира, священным Гептапарапаршинок.

Сегодня я буду говорить только о трех из этих семи психических факторов, присущих только человеку.

В общем психическом функционировании человека, в некоторых автоматически формирующихся или намеренно созданных условиях, зависящих от умственных ассоциаций и эмоциональных переживаний, эти три фактора порождают в общем бытии человека три определенных импульса.

Перед тем как продолжать объяснять, что необходимо и как нужно сознательно, как внутренне, так и внешне, проявлять себя с целью обрести в самом себе такие данные, присущие только человеку, которые также должны быть законными аспектами индивидуальности реального человека, я буду вынужден, ввиду отсутствия в английском языке какого-либо точного словесного обозначения для этих трех импульсов и, как следствие, отсутствия хотя бы приблизительного их понимания, потратить свое время, чтобы дать вам хотя бы приблизительное их понимание и выбрать для них некоторые более или менее соответствующие условные названия, которые мы будем использовать в наших последующих разговорах.

Для примерного определения первого из этих трех человеческих импульсов, которые должны возникать и проявляться в реальном человеке, можно было бы использовать английское слово "cap", но не в том смысле, в котором это слово употребляется в современном английском языке, а в смысле, в котором англичане употребляли его до так называемой "Шекспировской эпохи".

Хотя для точного определения второго из этих человеческих импульсов в современном английском языке есть одно слово, а именно "wish", оно тем не менее используется вами, американцами, так же как и самими англичанами, только чтобы различать, конечно несознательно, степени выражения того, так сказать, "рабского импульса", для которого существует, особенно в этом языке, множество слов, таких как, например, "like", "want", "need", "desire", и так далее.

А что касается слова для выражения и понимания третьего определенного вышеупомянутого человеческого импульса, то во всем словаре английского языка нельзя найти ни одного даже приблизительно соответствующего.

Этот импульс, присущий исключительно человеку, можно определить на английском языке только описательно, то есть с помощью многих слов. Я бы определил его сейчас следующими словами: "полное ощущение всего целого самого себя".

Этот третий импульс, который должен иногда появляться в бодрствующем состоянии

человека, одно из естественно присущих проявлений в общем бытии каждого нормального человека является из всех семи исключительно-присущих-только-челове-ку импульсов самым важным, потому что его соединение с первыми двумя, а именно, теми, которые, как я уже сказал, могут быть приблизительно выражены по-английски словами "can" и "wish", почти составляет и представляет подлинное Я человека, который достиг ответственного возраста.

Только в человеке с таким Я эти три импульса, два из которых приблизительно определяются по-английски словами "I can" (Я могу) и "I wish"(Я хочу), получают, в свою очередь, то значение, которое я подразумеваю; то значение и соответствующую силу действия из их проявления, которое приобретается только человеком, который своими намеренными усилиями добивается появления в себе данных для порождения этих импульсов, священных для человека.

Только такой человек, когда он сознательно говорит "Я есть"- он на самом деле есть, "Я могу" - он на самом деле может, "Я хочу" - он на самом деле хочет.

Когда "Я хочу" - я чувствую всем моим существом, что я хочу и могу хотеть. Это не значит, что мне хочется, что я нуждаюсь, что мне нравится или, наконец, что я желаю. Нет. "Я хочу". Мне никогда ничего не хочется, мне ничего не нравится, я не желаю ничего и я не нуждаюсь ни в чем - все это рабство; если "Я хочу" что-то, мне должно это нравится, даже если мне это не нравится. Я могу хотеть, чтобы это нравилось мне, потому что "Я могу".

Я хочу - я чувствую всем своим телом, что я хочу. Я хочу -потому что я могу хотеть. Основываясь на своем собственном опыте, я считаю абсолютно необходимым заметить здесь, что трудность ясного понимания всего этого без долгого и глубокого размышления и, вообще, сложность процесса становления на правильный путь для обретения в своем собственном бытии факторов для порождения только этих первых трех, из числа семи, импульсов, характеризующих подлинного человека, происходит, с самых первых попыток, от того факта, что, с одной стороны, эти импульсы могут существовать почти исключительно только тогда, когда человек обладает своим собственным подлинным Я, а с другой стороны, это Я может быть в человеке почти исключительно только тогда, когда он имеет в себе эти три импульса.

Для сознательного развития в себе данных импульсов, присущих только человеку, я намерен рекомендовать вам некоторые из тех простых упражнений, которые также были ранее подробно представлены в программе основанного мной Института и должны были объясняться ученикам, достигшим мезотерической группы.

Я сказал "простые", потому что в различных серьезных школах, существующих даже в нынешние времена для само-совершенствования человека, есть для той же самой цели очень сложные упражнения.

Для реального влияния на общее бытие тех, кто делает все эти специальные упражнения, и более легкого усвоения того, что требуется и необходимо, вы должны знать прежде всего, что получаемая совокупность результатов различных функций, действующих в психической жизни людей, которая называется "внимание", сама по себе расщепляется автоматически за счет случайных окружающих условий, так же как за счет намеренной силы воли, на несколько отдельных частей, и каждая из этих частей может быть, конечно, тоже как сама по себе, так и намеренно, сосредоточена на чем-то отдельном с определенной интенсивностью.

В данном случае совершенно необходимо прежде всего научиться разделять все свое внимание на три примерно равные части и концентрировать каждую отдельную часть одновременно, в течение определенного времени, на трех различных внутренних или внешних "объектах".

Для возможности практического достижения этой цели в той же самой упомянутой детальной программе был указан ряд упражнений под названием "подготовка почвы".

Хотя упражнения, указанные в этой обстоятельной программе, были намеренно составлены в определенной последовательности, и требовалось начинать с номера первого, однако для вас, американцев, вообще, вследствие нескольких недоразумений в прошлом, я считаю наиболее полезным начать с номера четвертого.

Это упражнение номер четыре, из серии подготовки почвы, выполняется так:

Первое, все свое внимание нужно разделить примерно на три равные части; каждую из этих частей сконцентрировать на одном из трех пальцев правой или левой руки, например, на указательном, среднем и безымянном, констатируя в одном пальце - результат проходящего в нем органического процесса, называемого "ощущение", в другом - результат процесса, называемого "чувство", а третьим - делая какие-либо ритмические движения и в то же время отсчитывая их автоматически вместе с течением мыслительных ассоциаций последовательным или любым иным способом счета.

Здесь вновь встает вопрос о бедности английского языка, на этот раз в том смысле, что современные люди, принадлежащие к английской расе, и вы, американцы, также, которые заимствовали свой язык и используете его в своей обычной жизни, полностью лишены какого-либо понимания разницы между двумя совершенно различными импульсами обычного человека, а именно, между импульсами "чувства" и "ощущения".

Поскольку понимание этой разницы между этими двумя импульсами очень важно для моих последующих указаний относительно всех упражнений, требующихся для вас, так же как относительно истинной природы человеческой психики, я буду вынужден еще раз прервать логическую последовательность освещения темы, которую я начал, и вновь потратить свое время на разъяснение, сейчас хотя бы только приблизительное, этого неожиданно возникшего филолого-психического вопроса.

Для того чтобы объяснить вам этот очень важный вопрос, разницу между "ощущением" и "чувством", я дам вам соответствующие определения.

Человек "чувствует" - когда то, что называется "мотивирующими факторами", исходит из одной из рассредоточенных локализаций его общего бытия, которые современная наука называет "симпатические нервные узлы", главное скопление которых известно под именем "солнечного сплетения" и вся совокупность функционирования которого, по терминологии уже давно мной установленной, называется "эмоциональным центром"; и он "ощущает" - когда основой его "мотивирующих факторов" является совокупность того, что называется "моторными нервными узлами" спинного и частично головного мозга, названная в моей терминологии "двигательным центром".

Именно эта разница в природе этих двух неизвестных-вам независимых источников составляет разницу в функциях, которые вы не отличаете одну от другой.

Для этого четвертого подготовительного упражнения, объясненного мной сегодня, прежде всего необходимо научиться посредством того, что существует в вас только как замена, или, так сказать, "исполняющий обязанности" того, что должно, в реальном человеке, быть "своей волей направляемым вниманием", а в вас является просто "само-напряжением", одновременно наблюдать три разнородных результата, идущих в вас, каждый из которых происходит из различных источников общего функционирования всего вашего существа: а именно, одна часть этого вашего внимания должна быть занята констатацией проходящего-в-од-ном-пальце процесса "ощущения", другая констатацией проходящего-в-другом-пальце процесса "чувства", а третья часть должна следовать за счетом автоматических движений третьего пальца.

Хотя это четвертое упражнение является наиболее трудным из всего числа упражнений, составляющих эту серию, однако в данном случае, как я сказал, вследствие различных недоразумений, вам, по моему мнению, только это упражнение может помочь, с одной стороны,

исправить ваши прошлые ошибки, а с другой стороны, подготовить все необходимое для будущего.

И для понимания его важности и незаменимости для вас, так же как его реальной трудности, необходимо делать его много, много раз. Вначале вы должны все время стараться только понять смысл и значение этого упражнения, не ожидая каких-либо конкретных результатов.

Поскольку только всестороннее понимание смысла и значения этого четвертого - а для вас, первого - упражнения, так же как способность выполнять его, само по себе облегчит для вас понимание смысла и значения, так же как и выполнение всех последующих упражнений, требуемых для обретения своей собственной индивидуальности, я поэтому советую вам, так сказать, "мобилизовать" все ваши силы и возможности для того, чтобы вы "БЫЛИ СПОСОБНЫ" на определенное время не быть ленивыми и в то же время быть, по отношению к самим себе, то есть по отношению к своей слабости, совершенно безжалостными, потому что от этого первого упражнения зависит вся ваша последующая нормальная жизнь и все ваши будущие возможности, присущие только человеку, согласно закону.

Итак, если вы на самом деле хотите иметь в самих себе то, что только и отличает человека от обычного животного, то есть если вы хотите на самом деле быть тем, кому Великая Природа дала возможность с желанием, то есть с желанием, исходящим из всех трех отдельных одухотворенных частей, и с сознательным стремлением трансформировать себя в, так сказать, "возделанную почву" для зарождения и роста того, в чем состоят надежды и ожидания СОЗДАТЕЛЯ ВСЕГО СУЩЕСТВУЮЩЕГО, тогда вы должны всегда и во всем, борясь со слабостями, которые закономерно есть в вас, достигать любой ценой, прежде всего, всестороннего понимания, а затем практического осуществления в своем существе, этого упражнения, только что разъясненного мной, чтобы иметь шанс для сознательной кристаллизации в самих себе данных, постоянно порождающих те три упомянутых импульса, которые должны обязательно присутствовать в общем бытии каждого человека, имеющего право называть себя БОГОПОДОБНЫМ ТВОРЕНИЕМ.

ЧЕТВЕРТАЯ БЕСЕДА

проведенная мной 12 декабря 1930 года, на встрече вновь сформированной группы, на которую снова были допущены члены так называемой группы Ориджа. Зал был заполнен до отказа.

Я хочу перед тем, как начать излагать суть этой моей четвертой беседы, описать, и даже, по возможности, изобразить, несколько событий, которые имели место среди членов этой группы Ориджа после того, как я предложил им подписать ту самую "обязательственную расписку", упомянутую в предыдущей главе.

Я хочу описать эти события и разнообразные последствия, вытекающие из них, которые неожиданно породили даже для меня самого весьма благоприятно сложившиеся обстоятельства, главным образом потому, освещая это истинным, а не рекламным, как принято в Америке, светом, что благодаря им можно было бы дать внутреннему зрению каждого читателя очень хорошую картину для понимания того, как сильно развито в этих американцах, считающихся по всей Земле среди современных людей наиболее культурными, чувство, которое называется "стадным инстинктом", которое стало неотъемлемым свойством современных людей вообще и проявляется в том факте, что человек не руководится в своих действиях своим собственным разумом, но слепо следует примеру других, и что уровень развития его мышления - в смысле его способности делать логические сопоставления - в действительности очень низок. Я хотел бы также показать, что, благодаря этим моим описаниям, будет освещена и станет очевидной каждому читателю моих писаний по крайней мере одна сторона того обычая, существующего в

процессе нашей общей жизни, который распространен везде, особенно среди американцев, и состоит в том, что люди, в своем стремлении достичь одной и той же цели, разделяются на различные так называемые "партии", которые, по моему мнению, особенно в эти последние годы, приняли характер наибольшей, так сказать, "чумы" нашей современной общей жизни.

Эти события, которые своим содержанием могут также служить цели, которую я поставил себе в изложении этой серии -- то есть они могли бы также носить инструктивный характер -- происходили в следующем порядке:

После того, как я объявил на общей встрече о необходимости подписать упомянутое обязательство и установил определенный срок, в который оно должно быть подписано, они почти в тот самый вечер, как я узнал впоследствии, разделившись на отдельные группы, сначала ходили по улицам, а затем, отправившись в различные ночные "Чайльдсы", как они их называют, или на квартиры тех, чьи так называемые "домашние тираны", обычные в каждом современном доме, в тот день отсутствовали, почти до самого утра возбужденно рассуждали и спорили о том, что им делать.

На следующий день с самого раннего утра, встречаясь и разговаривая по телефону также с теми из своих товарищей, которые не присутствовали на этой общей встрече, они продолжали свой обмен мыслями и мнениями, и в результате всех этих их дискуссий и обсуждений в тот же самый вечер среди них образовалось три независимых партии с разными отношениями ко всему происшедшему.

Первая партия состояла из тех, кто решил не только подписать требуемое мной обязательство, но также в будущем безусловно выполнять все виды распоряжений и указаний, исходящих исключительно от меня лично.

Вторая состояла из тех, в психике которых по непостижимым, по крайней мере для моего ума, причинам сформировался в это короткое время некий странный фактор, принуждающий всю их индивидуальность не признавать абсолютно ничего исходящего от меня, но оставаться верными тому, кто в течение нескольких лет был для них, как один из них сам это выразил, "не только учителем и воспитателем, но даже как бы их "любящим отцом", то есть мистеру Ориджу.

Третья часть состояла из тех, кто отложил свое решение, ожидая ответа на телеграмму, посланную ими мистеру Ориджу с вопросом, что им делать.

Присоединившиеся к первой партии, все до последнего человека, подписали обязательство до окончания назначенного срока.

В психике тех, кто составлял вторую партию, как впоследствии выяснилось, этот упомянутый странный фактор, по мере того, как истекал срок, назначенный для подписания обязательства, прогрессивно усиливался и достиг такой степени, что каждый из них, по своему, так сказать, "воинственному воодушевлению" и накалу противоборства со мной мог бы "стоять дюжины" знаменитых древних балшакариан, защищавших свой идол "Тантсат-рата" от дьяволов, специально посланных к ним из ада.

А что касается тех моих прелестных "деликатных" американских последователей моих идей, которые составили третью партию, то это именно они всей своей группой показали и доказали тот современный уровень развития логического мышления, который считается в современной жизни на Земле одним из наиболее цивилизованных.

Различные нюансы сложных, тонких и умных результатов проявления этого их "логического мышления" стали тогда очевидны всем окружающим, и особенно мне, из того факта, что, получив известия о скором прибытии к месту действия самого мистера Ориджа, так как он был уже в пути, они начали изобретать все виды "коварных" обстоятельств, якобы не зависящих от них, и начали доводить эти "идеально хорошо" придуманные ими обстоятельства до сведения моего бедного секретаря, и делали это большей частью не сами, а через других по телефону.

Все это они делали с целью отложить свое окончательное решение до прибытия мистера Ориджа, готовя таким образом на всякий случай уважительную причину неподписания обязательства в назначенный срок.

За два дня до четвертой общей встречи этой группы, реорганизованной мной на новых принципах, в Нью-Йорк наконец прибыл сам мистер Оридж, уже информированный обо всем, что происходило здесь в его отсутствие.

В самый день своего приезда он через моего секретаря попросил о личной встрече со мной.

Признаюсь, я не ожидал этого, потому что, как было мне известно, многие члены группы писали ему обо всем случившемся здесь и в частности, конечно, о моем не раз повторенном не очень лестном мнении о нем.

Вначале на его просьбу я хотел ответить, что могу с удовольствием встретиться с ним как со старым другом, но при одном определенном условии, что не должно быть никаких разговоров ни о каких недоразумениях, а также о различных моих новых заявлениях, которые я сделал за время его отсутствия в присутствии людей, бывших членами его группы, но вместе с тем, помня тревожные новости, полученные мной час назад о плохом обороте моих материальных дел, связанных со сбытом товаров, привезенных моими компаньонами, я решил отложить ответ, чтобы подумать о нем получше, потому что в это время во мне зародилась мысль: нельзя ли использовать такую просьбу для моих собственных целей, учитывая, что мое первоначальное решение не использовать членов этой группы для осуществления цели этой моей поездки к этому времени уже изменилось вследствие проявлений некоторых из них, проявлений совершенно недопустимых и недостойных людей, которые уже несколько лет были в контакте с моими идеями, и особенно потому, что, как казалось, они много думали о них и хорошо усвоили.

Обдумывая и сопоставляя всевозможные результаты, которые могли возникнуть в различных случаях, я решил ответить ему через того же моего секретаря следующим образом:

"Самый спокойный, уравновешенный, самый многообещающий и особенно ценимый мной Мистер Оридж!

После всего, что произошло здесь, как Вы, зная меня, понимаете, я больше не имею права встречаться с Вами на прежних условиях, даже просто как со старым другом.

Теперь, не нарушая моих принципов, большинство из которых Вам известны, я могу встретиться с Вами и даже, как раньше, заняться процессом "переливания из пустого в порожнее", исключительно если Вы также, Мистер Оридж, подпишете то обязательство, которое было предложено мною всем членам группы, которой Вы руководили".

Получив этот ответ, мистер Оридж, к великому изумлению близких мне людей, приехавших со мной, немедленно пришел на ту мою квартиру, где жили некоторые из этих людей, среди которых был мой секретарь, и прежде всего, без возражений, подписал обязательство; затем, очевидно копируя - как мне потом рассказывали -- мою обычную позу, когда я сижу, он начал очень спокойно говорить следующее:

"Хорошо зная, - сказал он, - конечно, благодаря мистеру Гур-джиеву, разницу между проявлениями человека, порожденными его реальной природой, которая есть чистый результат его наследственности, и проявлениями, порожденными его "автоматическим мышлением", которое, как он сам определяет его, является просто результатом всех видов случайных впечатлений, усвоенных без всякого порядка, и, будучи в то же время хорошо информированным из писем, посылавшихся мне различными членами здешней группы, обо всем, имевшем место здесь в мое отсутствие, я сразу понял, безо всякого сомнения, что скрывается за предложением, сделанным мне мистером Гурджиевым, которое на первый взгляд казалось совершенно абсурдным - предложение мне подписать также, как другим, это обязательство, которое должно лишить меня права иметь какие-либо отношения не только с членами этой группы, которой я

руководил так долго, но, как бы странно это ни звучало, даже с самим собой.

Я понял это сразу, очевидно потому, что в течение этих последних дней я очень много размышлял об отсутствии согласия между моей внутренней убежденностью и тем, что мистер Гурд-жиев называет "исполнением здесь моей роли", и тяжелое, неприятное чувство, вызванное во мне искренним осознанием этого несоответствия, все более и более усиливалось.

В моменты моего спокойного состояния, особенно в течение прошлого года, я внутренне часто с искренностью признавал это противоречие моих внешних проявлений с идеями мистера Гурд-жиева и, следовательно, вред моего словесного влияния на людей, которыми я руководил, так сказать, согласно его идей.

Говоря откровенно, почти все впечатления, полученные от того, что мистер Гурджиев говорил здесь на общих встречах и отдельным членам нашей группы обо мне и моей деятельности, в точности соответствует моему собственному внутреннему убеждению.

Много раз- я сам намеревался положить конец таким своим двойственным проявлениям, но различные обстоятельства жизни постоянно препятствовали мне начать делать это с требуемой решительностью.

Получив от него теперь, -- продолжал он, - на первый взгляд абсурдное предложение, но зная привычку моего Учителя "всегда иметь глубокие мысли под обычными, так сказать, бессмысленными внешними проявлениями" я, раздумывая не больше минуты, ясно понял, что если я не воспользуюсь этой возможностью избавиться раз и навсегда от моего такого, я должен сказать, "двуличия", я не смогу этого сделать никогда.

Я решил поэтому начать с подписания обязательства, требуемого мистером Гурджиевым, и в то же время я даю свое слово в присутствии всех вас, что с этого момента я не буду иметь никакой связи ни с кем-либо из членов прежней группы, ни даже с прежним самим собой, на основе прежних взаимных отношений и влияний.

Я очень хочу, конечно, если мистер Гурджиев позволит, стать с этого дня обычным членом этой теперь реорганизованной новой группы".

Это философствование мистера Ориджа произвело на меня такое сильное впечатление и вызвало такую странную реакцию в моей своеобразной психике, что теперь, даже при очень сильном желании, я не могу удержаться от того, чтобы не рассказать об этом и не описать в стиле моего бывшего учителя, теперь почти Святого, Муллы Наср Эддина, окружающие условия, в которых происходил процесс усвоения в мое Бытие так сказать "цимеса" вышеупомянутого философствования моего дорогого "англо-американского delicatessen", мистера Ориджа, который был многие годы в Америке почти главным представителем и толкователем моих идей.

Когда они рассказали мне о том, что он приходил и о его философствовании о том предложении, которое я ему сделал, и его решении также подписать это обязательство, я был на кухне, готовя, так сказать, "блюдо центра тяжести", как его называют мои "тунеядцы", которое я готовил каждый день во все время пребывания моего в Нью-Йорке с целью, главным образом, иметь какое-то физическое упражнение, при этом посвящая каждый день приготовлению какого-то нового национального блюда одного из народов, населяющих все континенты.

В тот день я готовил любимое блюдо народов, населяющих пространство между Китаем и Российским Туркестаном.

В тот момент, когда мне пересказывали подробности прихода мистера Ориджа и его тонкие философские рассуждения, я взбивал желтки яиц с корицей и помпадором.

И когда внешнее звучание некоторых из говорившихся им предложений начало восприниматься мной - никто не знает почему -- как раз в центре между двумя полушариями моего мозга, во всей той совокупности функционирования моего организма, которая вообще порождает в человеке "чувство", постепенно начался процесс подобный переживанию чувства,

называемого "эмоцией растроганности", и я вдруг, без всякого соображения, вместо щепотки имбиря, вывалил в кастрюлю левой рукой весь имевшийся в кухне запас молотого каиеннского перца, действие, которое совсем не свойственно мне во время такого, для меня, священного ритуала как приготовление композиции для получения необходимого гармонического вкуса какого-то блюда, существовавшего на земле с давних времен; и, ритмически и со всей силой размахивая правой рукой, "нанес удар по спине" моему бедному секретарю по музыке, в то время на кухне мывшему посуду, а затем бросился в свою комнату, упал на диван и, зарывшись с головой в диванные подушки, которые, кстати, были наполовину изъедены моллю, зарыдал горькими слезами.

Я продолжал рыдать, конечно, без всякого разумного основания, но лишь охваченный полностью-овладевшим-мною и поинерции-продолжающимся переживанием упомянутой эмоции, пока мой друг доктор, который сопровождал меня в Америку, заметив случайно начало психического состояния, до тех пор неизвестного ему, вошел в комнату с большой бутылкой шотландского виски, специально приготовленного для американцев. После того, как я глотнул немного этого его медицинского средства, хотя физически я немного успокоился, но судорога, начавшаяся в левой половине моего тела, продолжалась до самого ужина, а именно до момента, когда я и все бывшие со мной люди были вынуждены, за отсутствием какой-либо другой пищи, есть это блюдо, которое я так неумеренно поперчил.

Какое переживание началось во мне и какие результаты были установлены в моем сознании от ассоциаций, происходивших в моем мышлении из-за этого неумеренно поперченного блюда, я не буду описывать в этом месте моих писаний, потому что только что ко мне пришла идея сделать эту информацию исходной базой для некоторого в высокой степени назидательно-инструктивного вопроса о психике современного человека, рожденного и воспитанного на европейском континенте, который я предполагаю осветить со всех сторон в одной из следующих книг этой третьей серии моих писаний.

То, как я использовал для своих, в объективном смысле, справедливых целей проявления в данном случае мышления, развитого до высочайшей степени современной цивилизации, этих, так сказать, представителей американцев, будет видно из следующего:

Когда на следующий день после визита мистера Ориджа, я начал получать с ранних часов утра многочисленные просьбы от его адептов, почти умоляющие меня внести их в список членов этой новой группы, я дал распоряжение отвечать всем им следующее:

"На следующую общую встречу вновь организованной группы любой из бывших членов группы Ориджа может быть допущен лишь при двух следующих условиях:

Первое условие - это заплатить штраф за неподписание обязательства в назначенный срок в размере суммы долларов, соответствующей материальным возможностям данного человека, которая будет установлена комитетом, специально выбранным для этой цели, из нескольких членов прежней группы.

Второе условие в том, что все те, кто выполнил первое условие, то есть немедленную уплату наложенного на них штрафа, который ни при каких обстоятельствах не будет им возвращен, будут записаны на время только как кандидаты в новую группу, и только после определенного установленного срока будет решено, в зависимости от выполнения или невыполнения ими последующих условий, кто достоин остаться в группе как полноправный член, а кто должен будет безусловно оставить группу".

В тот же самый день был сформирован комитет из четырех членов группы по моему выбору, которые вместе со мной установили семь степеней штрафов.

Первый и самый высокий штраф был назначен в сумме 3648 долларов, второй в 1824, третий в 912, четвертый в 456, пятый в 228, шестой в 114, и последний и самый низкий в 57.

К общей сумме всех штрафов были добавлена цена, которую я установил на стенографические копии бесед, проведенных мной на первых трех встречах новой экзотерической группы - необходимые тем, кто отсутствовал на них, для понимания моих последующих бесед: с первой группы, то есть тех, кто безусловно подписал обязательство - 10 долларов; с тех, кто принадлежал ко второй группе, то есть кто не признавал ничего исходящего от меня - 40 долларов; а с тех, кто принадлежал к третьей группе, то есть тех, кто решил ожидать прибытия мистера Ориджа -- 20 долларов.

Все это составило сумму в 113 000 долларов, которую я разделил на две равные части, одну из которых взял себе, а другой положил начало формированию фонда взаимопомощи для материально нуждающихся членов этой первой организованной мной экзотерической группы, группы для коллективного само-совершенствования с программой, уже построенной в точном соответствии с моими идеями.

И вот, эта упомянутая моя четвертая беседа, общее содержание которой я хочу сейчас привести, имела место на этот раз в присутствии самого мистера Ориджа и нескольких из его бывших так сказать, "первостепенных" защитников, теперь сидевших, конечно, "с хвостами, зажатыми между ног", и выражениями лиц неизменно "маслеными".

В тот вечер, после демонстрации музыки, как обычно, сочиненной за день до этого, и после исполнения по установившемуся обычаю моим секретарем по музыке и по выбору и желанию большинства присутствующих двух произведений из моей ранней музыки, я начал так:

"Согласно всем историческим данным и здравому логическому размышлению человек, в сравнении с другими внешними формами жизни, появляющимися и существующими на земле, как по телесной организации, так и по уровню сложности формы функционирования его психики во всех видах восприятия и проявления, должен быть, среди этих других внешних форм жизни, на самом деле превосходящим и так сказать "ведущим" в регулировании правильности обычной жизни, а также в проявлении признаков достойного оправдания смысла и цели своего существования в процессе осуществления того, что предопределено нашим ОБЩИМ ОТЦОМ.

В общем процессе многообразной жизни на Земле, как показывают нам эти самые исторические данные, это так и было вначале, и только впоследствии, когда возникло в психике людей -главным образом из-за их порока под названием лень - и с каждым поколением начало увеличивать силу своего действия на их общее бытие то "нечто", которое автоматически принуждает это их общее бытие постоянно желать и стремиться достичь покоя, и с тех пор, с усилением в человеке действия этого их фундаментального зла, в той же пропорции стало возрастать их отдаление от общей жизни, идущей на Земле.

Так же как правильность функционирования каждого из наших относительно независимых органов зависит от правильности ритма общего функционирования всего организма, так и правильность нашей жизни зависит от правильности автоматической жизни всех внешних форм жизни, возникающих и существующих вместе с нами на нашей планете.

Поскольку общий ритм жизни на Земле, порожденный космическими законами, состоит из совокупности всех ритмов как человеческой жизни, так и всех других внешних форм жизни, то ненормальности ритма любой одной формы жизни, или даже только дисгармония, должны неизбежно вызывать ненормальность и дисгармонию в другой форме жизни.

Я начал говорить на такую абстрактную тему, на первый взгляд далекую от той, которую я предопределил вначале для вашего непосредственного интереса, главным образом потому, что желая сегодня объяснить вам метод выполнения, так сказать, "кардинального" упражнения для сознательной кристаллизации в вас первого из семи психических данных, присущих только человеку, я хочу дать вам информацию об этом аспекте объективной истины, для точного и широкого понимания которого необходимо сделать такое отступление общего характера.

Я считаю важным и для вас очень полезным заметить, что этот аспект объективной истины в процессе человеческой жизни был всегда, с древнейших времен на Земле, одной из основных тайн посвященных всех эпох и рангов, и знание его, как это уже установлено, могло бы само по себе содействовать увеличению силы усвоения результатов, происходящих из этого первого, так же как и других упражнений.

Я хочу разъяснить вам кое-что только о той совокупности космических веществ и свойств, присущих этой совокупности, которая не только в нашей человеческой жизни, но также в других внешних формах жизни, является главным реализующим фактором, и которая, будучи "второй основной пищей", есть ничто иное как "воздух", которым мы дышим.

Воздух, из которого устроены элементы, необходимые для нашей жизни, чтобы быть трансформированными впоследствии в нашем организме в другие космические субстанции для нужд общей вселенской реализации, как каждая определенная космическая концентрация, состоит из двух видов активных элементов со свойствами, совершенно противоположными друг другу в своей совокупности.

Один вид активного элемента имеет субъективный процесс эволюционного стремления, а другой инволюционного.

Воздух, как каждая определенная космическая концентрация, образованная благодаря всем видам обще-космических законов и разнообразных вытекающих из них вторичных законов, зависящих от положения и взаимодействия, в данном случае, нашей планеты с другими крупными космическими концентрациями совокупности веществ, приобретает и имеет множество специфических свойств.

Из всего этого множества свойств нам, в данном случае, нужно знать о том свойстве, которое с давних пор было в процессе человеческой жизни одной из главных тайн посвященных всех рангов всех эпох.

Это свойство то, что..."

ПЯТАЯ БЕСЕДА

в той же группе 19 декабря 1930 года

Я начал следующим образом:

Перед тем как расспросить вас, по установленному мной обычаю, чтобы лучше ориентироваться при давании дальнейших указаний - как теперь, например, расспрашивая вас о том, каким образом в результате ваших размышлений в "свободное время" в течение прошлой недели вы объяснили для себя и поняли мои указания относительно первого упражнения, которое я рекомендовал на третьей встрече с целью приготовления в вашем бытии "плодородной почвы" для возможности намеренного создания данных для импульсов, священных для человека, - я нахожу необходимым указать вам два других самостоятельных упражнения, которые входили в общую программу основанного мной Института, но принадлежали к совершенно другому ряду упражнений, которые были тогда также для определенной категории учеников одними из, так называемых, "вспомогательных средств" для обретения своего собственного реального Я.

Кроме этих упражнений, о которых я сейчас говорю, а также информации о них, в которую я хочу сейчас посвятить вас, они, будучи для вас действительно хорошим средством для этой цели, помогут вам, во-первых, понять многие детали смысла и значения первого из семи, что называется, "кардинальных" упражнений, упомянутых мной, и во-вторых, вы, благодаря этой информации, узнаете, между прочим, о двух определенных понятиях, которые с ранних веков среди всех категорий посвященных людей на Земле считались и в настоящее время считаются "секретами", и знакомство с которыми для среднего человека может, по убеждению этих посвященных, оказаться даже губительным.

Вы должны знать, что на земле, во все почти эпохи, люди, которые заслуживали стать подлинными посвященными, делились на три категории.

Посвященными, принадлежавшими к первой категории, были те, кто благодаря своим намеренным страданиям и сознательным трудам достигли высокой степени того, что называется "Бытие", и за это получили название "Святых". Ко второй категории принадлежали те, кто благодаря тем же факторам приобрели огромный объем всех видов информации, и к их именам добавлялся титул "Ученый"; а к третьей категории те, кто посредством опять же этих самых факторов достигли Бытия, а также просветили себя относительно большого количества объективных истин, и к их именам добавлялось звание "Мудрец".

Первый из вышеупомянутых секретов в том, что в качестве средства само-совершенствования человек может использовать некоторое свойство, которое имеется в его психике и которое даже имеет очень негативный характер. Это свойство может помогать само-совершенствованию и существует в людях вообще, особенно в современных людях и особенно в вас, и есть ничто иное, чем то, что я много раз осуждал и что сами люди считают недостойным проявлением для человека, достигшего ответственного возраста - конечно, никогда не имея в виду самих себя - и называется "са-мо-обман".

Такая, на первый взгляд, алогичность и такое утверждение, никак не соотносимое с человеческим здравым смыслом, а именно, что такое свойство, неподобающее психике взрослого человека, может сознательно быть использовано для такой неизмеримо высокой цели, получаются вследствие того факта, что постижение истин о возможностях само-совершенствования и реальное формирование в самом себе того, что для этого требуется, должно происходить не в обычном сознании человека, которое в данном случае не имеет почти никакого значения, но в том, что называется подсознанием, и поскольку, благодаря всем видам случайностей, проистекающих из различных ненормальностей нашей обычной жизни, стало невозможно для человека, особенно для современного человека, воспринимать вообще что-либо и, так сказать, "переваривать" это непосредственно своим подсознанием, поэтому ему необходимо, как в ходе многих веков было экспериментально доказано людьми Чистого Разума, использовать специальные средства для внедрения в свое подсознание некоторых разумных указаний, случайно воспринятых его обычным сознанием и не противоречащих его инстинкту, и это может быть сделано только посредством этого присущего ему свойства самообманного воображения.

Если вы поняли без всякого сомнения, что вам необходимо делать и как, и твердо надеетесь однажды достичь этого в реальности, вы должны вначале часто воображать, но только воображать, что это уже в вас есть.

Это необходимо главным образом для того, чтобы сознание, формирующееся в человеке в активном состоянии продолжалось бы также и в пассивном состоянии.

Для правильного понимания значения этого первого вспомогательного упражнения прежде всего необходимо знать, что когда нормальный человек, то есть человек, уже имеющий свое реальное Я, свою волю и все другие качества реального человека, произносит вслух или про себя слова "Я есть", то в нем всегда происходит, в его, как его называют, "солнечном сплетении", так сказать, "реверберация", то есть что-то вроде вибрации, чувства, или нечто подобное.

Такая реверберация может происходить также в других частях его тела, но только при условии, что при произнесении этих слов на них намеренно сконцентрировано его внимание.

Если обычный человек, не имеющий еще в себе данных для этой естественной реверберации, но знающий о существовании этого факта, будет с сознательным желанием формирования в себе данных, которые должны иметься в бытии реального человека, правильно и часто произносить эти самые и для него все еще пустые слова и будет воображать, что эта

самая реверберация в нем происходит, то в конце концов за счет частого повторения он постепенно приобретет в самом себе, так сказать, теоретическое "начало" для возможности реального практического формирования в себе этих данных.

Тот, кто упражняется с этим, должен в самом начале, произнося слова "Я есть", воображать, что эта самая реверберация уже происходит в его солнечном сплетении.

Здесь, между прочим, любопытно заметить, что намеренной концентрацией этой реверберации на любой части своего тела человек может остановить любую дисгармонию, возникшую в этой части тела, то есть он может, например, излечить свою головную боль концентрацией реверберации на той части головы, где он ощущает боль.

Вначале необходимо произносить слова "Я есть" очень часто и стараться никогда не забывать о том, чтобы получать эту реверберацию в своем солнечном сплетении.

Без этой хотя бы воображаемой переживаемой реверберации произнесение вслух или про себя слов "Я есть" не будет иметь абсолютно никакого значения.

Результат произнесения их без этой реверберации будет такой же, как тот, что получается от автоматического ассоциативного мышления человека, а именно, увеличение той субстанции в атмосфере нашей планеты, из нашего восприятия которой, и от ее смещения с нашей второй пищей, возникает в нас непреодолимое стремление разрушать различные ритмы нашей обычной жизни, тем или иным образом установленные на протяжении веков.

Это второе упражнение, как я уже сказал, только приготовление; и когда вы приобретете уже, так сказать, умение переживать этот воображаемый процесс в самих себе, только тогда я дам вам дальнейшие конкретные реальные указания для осуществления в вас реальных результатов.

Прежде всего, сконцентрируйте большую часть вашего внимания на самих словах "Я есть", а меньшую часть сконцентрируйте на солнечном сплетении, реверберация же должна постепенно произойти сама по себе.

Вначале необходимо приобрести только, так сказать, "вкус" этих импульсов, которых вы в себе еще не имеете, и которые вы на данном этапе можете обозначить просто словами "Я есть", "Я могу", "Я хочу".

Я есть, Я могу, Я емь могу. Я есть, Я хочу, Я емь хочу.

В завершение моих объяснений этого вспомогательного упражнения я еще раз повторю, но в другой формулировке, то, что я уже сказал.

Если "Я есть", только тогда "Я могу"; если "Я могу", только тогда я заслуживаю и имею объективное право хотеть.

Без способности "мочь" не существует возможности иметь что-либо; а также и права на это.

Сперва мы должны усвоить эти выражения как внешние обозначения этих импульсов, для того чтобы в конце концов приобрести сами эти импульсы.

Если вы несколько раз испытаете хотя бы просто ощущение того, что я только что назвал "вкусом" этих импульсов, священных для человека, вы можете считать, что вам действительно повезло, потому что вы почувствуете тогда реальность возможности приобрести когда-нибудь в своем бытии данные для этих поистине Божественных импульсов, присущих только человеку.

А на этих Божественных импульсах основан для человечества весь смысл всего существующего во Вселенной, начиная с атома и кончая всем существующим в целом - и, среди всего прочего, даже ваших долларов.

Для всестороннего усвоения обоих этих "вспомогательных" или, как их можно иначе назвать, "служебных" упражнений для овладения главным упражнением, я сейчас, в самом начале формирования этой новой группы, составленной из различных людей, преследующих одну и ту же цель, нахожу необходимым предупредить вас о непрременном условии для

успешного достижения этой общей цели, и оно состоит в том, чтобы вы в ваших взаимоотношениях были искренними.

Безусловное требование такой искренности среди других разнообразных условий существовало, как это стало известно мне из различных достоверных источников, у людей всех прошлых времен и всех уровней интеллектуальности, где бы они ни собирались вместе для коллективного достижения некой общей цели.

По моему мнению, только при выполнении этого условия данной предполагаемой коллективной работы возможно добиться реального результата в достижении этой цели, которую сам человек себе поставил и которая уже стала для современных людей почти недостижимой.

Каждый из вас, став равноправным участником этой группы, вновь сформированной для достижения одного и того же, так сказать, "идеала", должен всегда бороться с такими импульсами, неизбежно возникающими в вас и недостойными человека, как "любовь к себе", "гордость", "чванство" и так далее, и не стыдиться быть искренними, отвечая на вопросы о ваших наблюдениях и констатациях в связи с упражнениями, которые я рекомендовал.

Любая информация, исходящая от любого из вас, имеющая отношение к разъяснению различных деталей этого первого упражнения, которое является теперь для вас всех центром тяжести, может иметь, в коллективной работе, великую ценность в деле помощи друг другу.

В данном случае, вы не должны бояться быть искренними друг с другом.

Занимаясь решением вопросов, касающихся этой общей великой цели, каждый из вас должен всегда понимать и инстинктивно чувствовать, что все вы в определенном смысле подобны друг другу, и что успех одного зависит от успеха других.

Никто из вас сам по себе не способен сделать ничего реального; поэтому, даже из одной эгоистической цели, помогайте друг другу в этой вновь сформированной группе, которую можно также назвать братством. Чем искреннее вы друг с другом, тем полезнее будете вы друг другу.

Конечно, быть искренними нужно только здесь, в группе, и в вопросах, относящихся к общей цели.

Искренность вообще со всеми является слабостью, рабством и даже признаком истерии.

Хотя нормальный человек должен уметь быть искренним, однако он должен знать, когда, где и с какой целью необходимо быть искренним.

И в этом данном случае быть искренним очень желательно. Поэтому, без стеснения, говорите обо всех результатах, полученных вами при выполнении этого упражнения.

Я считаю необходимым перед тем, как объяснить некоторые детали, снова сказать немного о специфической совокупности результатов общего функционирования в человеческой психике того, что называется "вниманием".

Хотя в нормальном человеке это внимание в пассивном состоянии есть "нечто", составленное из смешанных в определенной пропорции результатов скоординированных действий всех трех независимых автоматизированных частей его индивидуальности, и всегда является единым целым, однако в активном состоянии такой человек может сознательно сконцентрировать все это свое внимание на чем-либо - или на некой части его существа, или на чем-то внешнем для него - с такой, так сказать, "собранным", что все ассоциации, автоматически происходящие в нем, которые, будучи закономерными результатами общего функционирования его организма, должны всегда, пока он дышит, неизбежно происходить в нем, совершенно перестанут мешать ему.

Здесь можно было бы так же заметить, что, согласно достоверной информации, дошедшей до нас из очень древнего прошлого, учеными людьми тогда было ясно установлено и очень

определенно подтверждено, что эти автоматически текущие ассоциации никогда не прекращаются, пока человек жив, а в некоторых людях по инерции продолжают еще несколько дней после смерти.

Говоря об этих ассоциациях, автоматически протекающих в человеке, я мог бы также, между прочим, так сказать, "просветительно разъяснить" еще один на первый взгляд незначительный аспект феноменальной тупости людей, которые верят и приписывают какое-то значение всем своим глупым "сновидениям".

Когда человек на самом деле нормально спит, его внимание - качеством которого обусловлена эта самая, так сказать, "градация" разницы между бодрствующим состоянием и сном - также спит, то есть его внимание, в соответствии с естественными свойствами его организма, накапливается в некий запас соответствующей концентрации для дальнейших необходимых интенсивных проявлений.

Но когда из-за некой дисгармонии в общем функционировании организма человека -- чаще всего из-за ненормальной траты в его бодрствующем состоянии естественно накопленной энергии -- эта часть общей психики его бодрствующего состояния не способна нормально восполняться во время сна, тогда, из ассоциаций, текущих в нем, констатируемых его вниманием, так сказать, "кусочек здесь, кусочек там", получают эти знаменитые "сновидения", то есть человеческая глупость.

Во-вторых, нормальный человек может намеренно разделять все свое внимание, о котором я уже говорил, на две или даже три отдельные части, и концентрировать каждую из них на различных независимых объектах внутри или вокруг себя.

Будет очень полезно, по моему мнению, для продуктивности дальнейшей работы в этой вновь сформированной нашей группе, если сейчас, как раз перед объяснением вам метода выполнения этого второго вспомогательного упражнения, я скажу вам также, что когда я составил детальный план для моего Института, упоминавшийся здесь уже много раз, я уже тогда был убежден в невозможности точного объяснения и полного формулирования в словах различных тонких нюансов выполнения каких-либо намеренных опытов и упражнений с целью само-совершенствования, и, зная вместе с тем о существовании у наших далеких предков специального метода, который тогда назывался "принципом иллюстративного внушения" с целью лучшего восприятия новой информации, я поэтому ввел также и этот метод в общую программу и часто использовал его в некоторых обстоятельствах; и теперь ввиду того факта, что я намереваюсь, когда начнется работа в этой вновь сформированной группе последователей моих идей, также использовать это метод, я поэтому считаю целесообразным и уместным для объяснения приемов выполнения этого второго вспомогательного упражнения придерживаться отчасти этого, по моему мнению, для таких случаев единственно верного и полезного метода.

И вот, как вы видите, я сейчас сижу с вами, и хотя я смотрю на мистера Л., однако я намеренно направляю все мое внимание, которое вы не способны видеть, на мою ступню, и следовательно любое проявление мистера Л., происходящее в пределах моего поля зрения, я вижу только автоматически - мое внимание, которое в настоящий момент является единым целым, находится в другом месте.

Теперь все это мое внимание я намеренно разделяю на две равные части.

Первую часть я сознательно направляю на непрерывную констатацию ощущения процесса, происходящего во мне, моего дыхания.

Посредством этой части моего внимания я определенно чувствую, что нечто происходит во мне с воздухом, который я вдыхаю.

Я прежде всего ясно чувствую, что, когда я вдыхаю воздух, большая его часть, проходящая через мои легкие, выходит обратно наружу, а меньшая часть остается и как бы оседает там, и

затем я чувствую, что эта осевшая часть постепенно проникает внутрь и как бы распространяется по всему моему организму.

Вследствие того факта, что только часть моего внимания занята наблюдением процесса дыхания, происходящего во мне, все мыслительные, эмоциональные и рефлекторные ассоциации, автоматически протекающие в моем существе, продолжают отслеживаться свободной частью моего внимания, и отвлекать ту первую часть моего внимания, намеренно направленную на определенный объект, но уже в гораздо меньшей степени.

Теперь я направляю вторую часть моего внимания в свой головной мозг с целью наблюдения и возможной констатации какого-либо происходящего в нем процесса.

И я уже начинаю чувствовать в нем, из всей совокупности автоматически текущих ассоциаций, возникновение чего-то очень тонкого, почти незаметного для меня.

Я не знаю точно, что это такое, и не хочу знать, но я определенно констатирую, чувствую и ощущаю, что это есть некое определенное "нечто", возникающее из процесса автоматически происходящих в моем головном мозгу ассоциаций ранее сознательно воспринятых впечатлений.

В то время как эта вторая часть моего внимания занята вышеописанным, первая часть продолжает все время непрерывно наблюдать, так сказать, с "сосредоточенным интересом", результаты происходящего во мне процесса дыхания.

Теперь я сознательно меняю направление этой второй части моего внимания и, непрерывно "помня все целое самого себя", помогаю этому нечто, возникающему в моем головном мозгу, течь прямо в мое солнечное сплетение. Я чувствую теперь, что оно течет. Я больше не замечаю никаких происходящих во мне автоматических ассоциаций.

Окончив этот мой, так сказать, "монолог", я продолжал говорить им, теперь обычным образом, следующее:

Несмотря на тот факт, что я проделал сейчас это упражнение здесь среди вас для иллюстративного объяснения вам его деталей, и, следовательно, проделал его в условиях, не вполне соответствующих возможности накопления в моем существе всех благотворных результатов этого упражнения, тем не менее я уже сейчас в настоящий момент начинаю чувствовать себя несравненно лучше, чем до начала демонстрации.

Благодаря тому, что мое "солнечное сплетение" намеренно и непосредственно вбирает в себя естественные продукты переработки воздуха, которым я дышал, и продукты, возникающие в моем головном мозгу, прежних сознательно воспринятых впечатлений, я чувствую теперь намного более полно, что "Я есть", "Я могу" и "Я могу хотеть".

Но вы, пожалуйста, не впадайте в слишком большой энтузиазм и не слишком воодушевляйтесь в связи с этим моим состоянием, которое вы живо ощущаете и которого вам тоже хотелось бы достичь.

Оно пока еще не может появиться у каждого из вас. Этим моим упражнением, которое мне пришлось проделать здесь среди вас с целью объяснения, в моем существе был произведен результат, реально ощущаемый всеми вами, потому, что я уже имею полностью определенное субъективное Я, и все составляющее его уже более или менее приспособилось к продуктам соответствующих впечатлений и естественного регулирования организма.

И поэтому это мое Я поглощает эту естественную пищу, соответствующую ему, более интенсивно.

Вы же, до поры до времени, не должны ожидать такого явно выраженного результата от ваших намеренных повторений этого упражнения.

Не делайте, до поры до времени, этого упражнения с целью быть сильными; это для вас также лишь подготовка к тому, чтобы когда-нибудь иметь свое собственное Я, и, кроме того, к

констатации, с несомненной уверенностью, тех двух реальных источников, из которых это Я может возникнуть.

Теперь, без философствования и без ваших, для вас, губительных дискуссий, попробуйте прежде всего понять совокупность всего, что я сказал сегодня, а затем делайте это упражнение сами, но без всяких надежд или ожиданий каких-то определенных результатов.

ВНЕШНИЙ И ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

Хотя предмет, который я хочу осветить текстом этой главы последней книги моих писаний, полностью отсутствует в мышлении современных людей, тем не менее из невежества относительно этого предмета происходит величайшая часть, если не все, недоразумений, имеющих место в процессе нашей общей жизни.

Не только все причины почти всех недоразумений нашей общей жизни происходят от недостатка понимания значения данного предмета, но, кроме того, исключительно в нем содержатся все ответы о возможности разрешения главной проблемы нашего существования.

То есть благодаря только распознаванию и всестороннему пониманию смысла и значения этого предмета возможно разрешить проблему продолжения человеческой жизни.

Перед началом дальнейшего развития этого вопроса я хочу привести содержание одной древней рукописи, с которой я познакомился случайно в совершенно исключительных жизненных обстоятельствах.

Эта древняя рукопись, содержание которой я намереваюсь использовать, является одной из реликвий, которая передается из поколения в поколение очень ограниченным числом людей, то есть "Посвященными" -- не такими "посвященными", однако, число которых за последнее время очень умножилось в Европе, а настоящими.

В данном случае, "Посвященными" эзотерической секты, которая до сих пор существует в одном из удаленных уголков Центральной Азии.

Текст этой рукописи изложен, как делалось в древности, "под-оболито", в символической форме, или, как это называется в эзотерической науке, "уподоблением", то есть аллегорически совершенно отлично от формы, теперь установившейся в мышлении современных людей.

Поскольку различие между этими формами мне хорошо известно, я попытаюсь перевести смысл этого текста как можно точнее, но в согласии с формой мышления, установившейся теперь среди современных людей.

В этой древней рукописи говорится следующее:

Общая психика каждого человека по достижении зрелости, которая начинается в среднем у мужского пола в двадцать лет, а у женского пола в начале тринадцатого года, состоит из трех совокупностей функций, которые не имеют друг с другом почти ничего общего.

Действие всех трех из этих независимых совокупностей функций в общем существе человека, достигшего зрелости, происходит одновременно и непрерывно.

Все факторы, составляющие и производящие эти три совокупности функций начинают и прекращают формироваться в человеке в различные периоды его жизни.

Факторы, производящие в человеке первую совокупность функций, если не используются специальные меры, образуются, как было установлено очень давно, только в детстве -- у мальчиков в среднем до возраста одиннадцати лет, а у девочек до возраста семи лет.

Факторы, производящие вторую совокупность функций, начинают возникать у мальчиков с возраста девяти лет, а у девочек даже с возраста четырех лет, продолжая формироваться в различных случаях в течение разных периодов времени, примерно до достижения зрелости.

И факторы, производящие третью совокупность, начинают формироваться со времени достижения зрелости, продолжая действовать у среднего мужчины в нынешнее время только до

возраста шестидесяти лет, а у женщин только до возраста сорока пяти лет.

Но в случае людей, которые сознательно усовершенствовали себя до так называемого "состояния-бодрствования-всех-центров", то есть до состояния способности в своем бодрствующем состоянии думать и чувствовать по своей собственной инициативе, эти факторы продолжают формироваться у мужчины до возраста трехсот лет, у женщины до возраста двухсот.

Формирование всех факторов для функционирования этих трех полностью отдельных совокупностей функций происходит у людей в соответствии также с универсальным законом "трех".

Для образования факторов первой совокупности "анодным началом" служат, с одной стороны, все виды произвольно воспринятых внешних впечатлений и, с другой стороны, впечатления, происходящие от, так называемой, "дремоты всех центров"; а "катодным началом" служат результаты рефлексов организма, главным образом тех органов, свойства которых имеют наследственный характер.

Для образования факторов второй совокупности "анодным началом" служат внешние впечатления, воспринятые под определенным давлением и имеющие поэтому характер намеренно внедренных извне, а "катодным началом" результаты функционирования факторов, образованных из впечатлений подобных тем, что воспринимались прежде.

Факторы третьей совокупности функций образуются из результатов "созерцания", то есть из результатов, полученных от "свободного контакта" друг с другом факторов первых двух совокупностей, для которого, при этом, результаты второй совокупности служат "анодным началом", а результаты первой совокупности служат "катодом".

Одним из свойств действия всех трех отдельных совокупностей функций, составляющих общую психику человека, является то, что при различных вариантах "свободного контакта" между действиями этих трех независимых совокупностей функций в каждой из них производится отпечаток процессов, происходящих в других совокупностях, а также процессов, происходящих во внешнем окружении данного человека, которым случится попасть в сферу субъективного действия его органов восприятия.

Часть этого свойства, наличествующего в общем бытии человека, обычно воспринимаемая людьми, это то, что называется "вниманием".

Уровень чувствительности проявления этого свойства или, как иначе определяется древней наукой, "сила охвата" этого "внимания" зависит полностью от, так называемой, "градации общего состояния" данного человека.

Для определения этого свойства человека, которое называется "вниманием", существует, кстати, в древней науке следующая словесная формулировка:

"УРОВЕНЬ СМЕШЕНИЯ ТОГО, ЧТО ОДНО И ТО ЖЕ В ИМПУЛЬСАХ НАБЛЮДЕНИЯ И КОНСТАТАЦИИ В ПРОЦЕССАХ ОДНОЙ СОВОКУПНОСТИ, С ТЕМ ЖЕ САМЫМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В ДРУГИХ СОВОКУПНОСТЯХ".

Эта вышеупомянутая "градация общего состояния" человека простирается, как формулирует это наука, от сильнейшей субъективной интенсивности "само-ощущения" до величайшей установленной степени "потери себя".

Эта совокупность всегда становится иницирующим фактором для осуществления общего функционирования этих трех отдельных совокупностей, представляющих общую психику человека, в котором в данный момент эта "градация общего состояния" имеет свой центр тяжести.

Я привел эту на-первый-взгляд фантастическую гипотезу наших далеких предков в начале освещения данного вопроса, во-первых, потому что это может быть очень хорошим отправным пунктом для всего последующего, и во-вторых, потому что мои собственные попытки прояснить

для себя истинное значение этой гипотезы привели меня к выводам, которыми я хочу поделиться с моими читателями в настоящей главе.

Из содержания этого древнего "фантастического" научного предположения, тем, что интриговало меня лично в течение многих лет, была, главным образом, упомянутая словесная формулировка: "Уровень смещения того, что одно и то же в импульсах наблюдения и констатации в процессах одной совокупности, с тем же самым, возникающим в других совокупностях".

Признавая огромную значимость всего остального в этой гипотезе, я никак не мог понять смысла этой формулировки.

Особенно меня интриговали слова "то, что одно и то же". Что это за "одно и то же"? Почему "одно и то же"? Для какой цели это особое "тожество"? Даже та идея, абсурдная для всех современных ученых, что в человеке одновременно происходит три ассоциации, имеющие независимую друг от друга природу, не удивила меня, и я принял ее с чувством великого уважения к знанию древних.

А не удивила она меня потому, что раньше, в ходе моих специальных исследований всего, очевидно имеющего отношение к психике человека, проводимых с помощью всех видов экспериментальных средств науки "гипнотизм", я заметил и твердо установил, что в человеке одновременно протекают три вида ассоциаций - мысли, чувства и механического инстинкта.

Важнее всего то, что не только эти три независимых друг от друга вида ассоциаций протекают одновременно, но что в них принимают участие продукты из трех различных источников, имеющих в человеке для трансформации трех разных видов так называемого "космического оживотворения".

Эти источники расположены в человеке следующим образом: первый - в одной из частей головного мозга, второй - в одной из частей позвоночного столба, третий - в одной из частей солнечного сплетения.

Эти три вида ассоциаций в одном человеке объясняют то особое ощущение, замечаемое временами каждым, как будто внутри него живут несколько существ. Тем, кто хочет познакомиться более полно с этими вопросами, я советую изучить, то есть не просто прочесть, но углубиться в нее, главу первой серии моих писаний под названием "Святая планета "Чистилище".

По прочтении только что написанного во мне невольно возникает вопрос: что именно читателю покажется более фантастическим - то, что написал я сам, или приведенная мной гипотеза наших далеких предков.

Мне кажется, что каждый читатель при первом сравнении их найдет, что и то и другое одинаково плохо. Немного позже он обвинит только одного меня, в том, что я, живя в наше цивилизованное время, пишу такую бессмыслицу.

Он, конечно, простит предков, потому что будет способен поставить себя на их место, и с присущим ему здравомыслием рассудит примерно так: "Как их можно винить в том, что в их время нашей цивилизации еще не существовало? И раз уж они стали учеными, должны же были они чем-нибудь заниматься. А в сущности ведь в то время не было ни одной электрической машины, даже самой простейшей".

Не в силах удержаться, и снова обнаружив одну из моих слабостей, состоящую в, как говорится, "отпускании шуток" в самые серьезные моменты моих писаний, я хочу воспользоваться этим случайным отклонением от основной темы, чтобы описать совершенно особое совпадение, которое произошло несколько дней назад, в связи с написанием этой моей последней книги.

В связи с написанием этой книги было, в общей сложности, очень много совпадений, на

первый взгляд очень странных, но которые при более внимательном изучении оказались закономерными.

Конечно, я не буду писать обо всех этих совпадениях, это было бы невозможно - мне бы, наверное, пришлось написать десять других книг.

Тем не менее, для лучшей характеристики этих странных совпадений и последствий, возникших из них, мешающих изложению этой книги, я опишу, помимо только что упомянутого одного, случившегося позавчера, еще одно -самое первое, которое произошло 6 ноября 1934 года, в первый день возобновления моего писания.

Как я уже говорил в прологе, я решил, после годового перерыва в моем писании, снова начать писать 6 ноября, то есть в тот самый день, в который, семь лет назад, я решил раз и навсегда непременно выполнить все задачи, необходимые моему бытию.

В этот день, будучи в то время в Нью-Йорке, я пошел рано утром в кафе Чайльдс, расположенное около Колумбус Серкл, в которое я ходил каждое утро, чтобы там писать.

Мои американские знакомые, кстати, между собой называют это кафе Чайльдс Cafe de la Paix, потому что это кафе здесь в Америке служило мне в течение всего периода моей писательской деятельности тем же, что и парижское Cafe de la Paix.

В то утро я чувствовал себя как "ретивая лошадь", выпущенная на волю после многомесячного заточения в конюшне.

Мысли "толпились" во мне, главным образом мысли, относившиеся к работе.

Работа шла так хорошо, что к девяти часам мне удалось написать около пятнадцати страниц без единого исправления.

Вероятно, мне удалось это потому, что, хотя я поставил себе задачу не допускать в себе какого-либо активного мышления, я должен, тем не менее, признаться, что в течение последнего месяца я не делал больших усилий, и вследствие этого размышлял, невольно и наполовину автоматически, как начать эту книгу, которая будет не только последней, но также "собираательно завершающей" все мои писания.

Около половины одиннадцатого в кафе вошли несколько моих старых знакомых, трое из которых считались там писателями - и сев за мой столик, стали пить свой утренний кофе.

Один из них многие годы работал для меня над переводами моих писаний на английский язык.

Я решил воспользоваться его приходом, чтобы узнать, как будет "звучать" начало этой моей последней книги.

Я дал ему перевести только что написанные страницы и продолжал писать.

Мы оба работали, пока другие пили кофе и разговаривали.

В одиннадцать часов, чтобы немного отдохнуть, я попросил переводчика прочесть вслух то, что он уже перевел.

Когда он дошел в переводе до выражения, употребленного мной, "намеренное страдание", я прервал его чтение, потому что он перевел слово "намеренное" как "добровольное".

Когда я попытался объяснить огромную разницу между добровольным и намеренным страданием человека, возникла, как обычно в таких случаях, общая филологическая дискуссия.

В разгар спора одного из нас позвали к телефону. Он быстро вернулся и взволнованно объявил, что кто-то хочет поговорить со мной лично.

Из телефонного разговора я узнал, что только что пришла телеграмма из Лондона о том, что мистер Оридж умер в это самое утро.

Эта новость была такой неожиданной, что я сначала даже не понял, в чем дело.

Когда же я осознал ее, она сильно меня поразила.

Она особенно поразила меня потому, что в тот самый момент я вспомнил некоторые

события, связанные с этим днем и этим человеком.

Сразу же в моем сознании стали возникать различные выводы, которые я сделал в моей прошлой жизни, но которые не были еще сформированы в убеждение, относительно факта "заметных совпадений", имеющих место в наших жизнях.

В данном случае, странность этого совпадения заметно проявилась в том, что в эту самую ночь, ровно семь лет назад, когда во мне оформилась первая из тех идей, на которых будет основано содержание начатой сегодня книги, я продиктовал письмо именно этому человеку и упомянул в нем многие из этих мыслей.

Я продиктовал ответ на частное письмо этого человека о возможности излечить его хроническую болезнь, от которой, как кажется, он и умер.

Это была полночь 6 ноября 1927 года. Я лежал без сна в водовороте гнетущих мыслей и, стараясь подумать о чем-нибудь, чтобы отвлечь себя немного от моих тягостных мыслей, я вспомнил по ассоциации, среди других вещей, об этом письме, полученном несколько дней назад.

Думая о его письме и считая его отношение доброжелательным, недавно доказанным мне, я, совершенно без жалости, разбудил моего секретаря, который спал в той же квартире, и продиктовал ответ.

В то время мистер Оридж считался, и на самом деле был, наиболее важным лидером в распространении моих идей во всей северной части Северной Америки.

Так как в те дни я был переполнен мыслями о моей собственной болезни и почти совершенно убежден в возможности поправления моего здоровья с помощью намеренного страдания, я, конечно, посоветовал ему делать то же самое -- но в форме, соответствующей его индивидуальности и условиям его обычной жизни.

Я не буду рассказывать здесь о его последующих письмах и наших личных беседах в связи с его болезнью и о моем совете; я только замечу, что сущность причины неудачи моего совета может быть объяснена любому читателю словами, появляющимися в одной из глав этой третьей серии и исходящими из его собственных уст.

Среди многих невыгодных последствий этого события, а именно смерти мистера Ориджа, невыгодных для меня и для моих писаний, было то, что с того дня, 6 ноября, в течение двух месяцев, несмотря на мое постоянное желание и постоянные усилия, я не был способен прибавить ни одного слова к тому, что я написал до половины двенадцатого в то утро.

И я не мог этого сделать вследствие пробуждения одного из тех факторов, который возникает непременно в психике современных людей, особенно американцев, совокупность которого является причиной того, что в них даже зарождение различных импульсов становится механическим.

В противоположность установившемуся обычаю моих прежних визитов в это мое пребывание я избегал всех встреч с моими тамошними знакомыми, кроме нескольких человек, необходимых для выполнения моей цели.

Но теперь, каждый из огромного числа людей, знавших меня там, и кто узнал из газет или из телефонных разговоров - обычная привычка здесь - о смерти моего близкого друга, мистера Ориджа, вследствие упомянутого действия этого автоматически возникающего фактора, считали своим долгом разыскать меня, чтобы выразить свое так называемое "соболезнование".

И приходили, и звонили по телефону не только люди, которые были членами той группы, которую вел мистер Оридж, но также люди, о чьем существовании я не имел ни малейшего представления.

Среди этих последних было много знакомых, кого, как выяснилось, я встречал только однажды и только случайно в свой первый визит сюда, одиннадцать лет назад.

Даже по утрам, когда я приходил в кафе работать, какой-нибудь мистер или миссис или еще кто-нибудь уже сидели там и ждали меня.

И уходили Он или Она не раньше, чем другой или другая подходили к моему столу, и непременно с очевидно фальшивым, печальным лицом.

Каждый из этих визитеров сразу "разражался" своим "How do you do, Mr. Gurdjieff?" и продолжал одной и той же неизбежной стереотипной фразой:

"Ах, я очень сожалею о смерти мистера Ориджа!"

Что я мог ответить на это? Вопрос смерти - это тот вопрос, который отменяет все установленные и субъективные условия нашей жизни.

В данном случае, я не мог использовать свое обычное средство держания на расстоянии этих визитеров, не дававших мне работать.

Это означало бы немедленное и бессмысленное порождение новых и усердных распространителей сплетен, подрывающих доверие ко мне.

Еще перед приездом в Америку у меня было намерение, как только я начну писать эту мою последнюю книгу, вместе с этим совершать поездки, как можно чаще, в те штаты Северной Америки, в которых были организованы группы последователей моих идей.

Так, я рассчитал, что одновременно с выполнением в назначенный срок всех задач, которые я себе поставил, я бы окончил эту последнюю книгу, а также организацию всего необходимого для распространения первой серии моих писаний.

И поэтому, чтобы изменить возникшие обстоятельства, которые мешали моей работе, я как можно быстрее отправился в поездку сначала в Вашингтон, затем в Бостон, а оттуда в Чикаго.

Но ничего не помогало - та же самая вещь повторялась везде!

Вероятно, это в какой-то степени объяснимо, что люди, знавшие меня в этих городах, считали необходимым выразить мне свое соболезнование, так как почти все они лично знали мистера Ориджа и имели отношения со мной.

Но то, что американские знакомые из некоторых далеких южных штатов Северной Америки также начали делать это - было уже настоящей "чушью".

Среди людей в Южных штатах, выразивших мне свое на весь мир знаменитое "соболезнование", были такие, кто не только никогда не видел мистера Ориджа, но никогда даже не слышал о его существовании.

Они просто узнали несколько дней назад о том, что он умер, и что он был одним из моих главных помощников.

И таким образом, среди множества неожиданно возникших обстоятельств, препятствовавших мне в этот период в выполнении "Бытие-задачи", которую я сам себе поставил, вдруг неожиданно возникла и надолго установилась эта порочная слабость, получившая гражданство в общей психике современного человека, - "выражать соболезнование".

Мне только что пришло в голову, что те мысли, которые я высказал на одной встрече с маленькой группой в пригороде в связи со смертью мистера Ориджа, могли бы помочь лучшему объяснению смысла и значения всего содержания этой главы, и я поэтому решил заново припомнить эти мысли и привести их здесь.

На этой встрече, за чашкой кофе, мы говорили о различных привычках, которые овладевают нами еще в детстве и которые поработают нас в зрелом возрасте.

В этот момент пришел один из их товарищей, с веселым, жизнерадостным лицом. Опаздывая он, вероятно, шел быстрее чем обычно, и не ожидал наткнуться здесь на меня. Но как только он меня увидел, выражение его лица изменилось, и подойдя ко мне, он сразу же "разразился" своим великолепным изречением, выученным наизусть из какого-нибудь списка

"соболезнований".

В этот момент я уже не мог больше сдерживать себя и, повернувшись ко всем, сказал:

"Вы слышали эту особую интонацию, совершенно не свойственную ему, с которой ваш товарищ, только что пришедший, произнес свою напыщенную речь?"

Вы слышали?.. Хорошо. В таком случае, теперь попросите его, то есть умолите его, пожалуйста, однажды в своей жизни сделать исключение и сказать честно, имеет ли его "внутреннее", то есть реальное существо, хоть какую то связь со словами, которые он произносит.

Конечно, никакой, и как может быть иначе, если, прежде всего, умерший не был его "братом по крови", и во-вторых, он никак не может ни знать, ни чувствовать отношения к этому событию человека, которому он адресует свою цветистую речь.

Его слова были сказаны совершенно механично, без малейшего участия его сущности, и он сказал их только потому, что в его детстве его няня научила его в таких случаях "поднимать правую ногу, а не левую".

Но почему нужно быть неискренним даже в тех случаях, когда нет абсолютно никакой пользы в этом для вашей сущности, даже для удовлетворения вашего эгоизма?

Разве недостаточно того, что наша ежедневная жизнь и так переполнена неискренностью вследствие установившихся ненормальных привычек наших взаимоотношений?

Непременно выражать соболезнование при смерти любого и каждого - это одна из таких порочных привычек, воспитываемых в детстве, и из-за всей совокупности которых наши наполовину намеренные действия оканчиваются полностью автоматически.

Выражать свое соболезнование кому-нибудь в случае смерти близкого человека считалось в древние времена аморальным, даже преступным действием.

Вероятно, это считалось таковым потому, что легко может оказаться, что в сущности того человека, к которому обращаются таким образом, мучительное чувство потери близкого человека еще не улеглось, и этими пустыми словами соболезнования ему вновь напоминают об этом, и страдание его возобновляется.

От такой привычки, общепринятой в наше время в случае смерти любого человека, никто не получает никакой пользы, а человек, к кому таким образом обращаются, только великий вред.

Такие привычки, установившиеся в современной жизни, особенно оскорбляют меня, вероятно, потому, что я имел возможность познакомиться с обычаями, принятыми в таких случаях в жизни людей, живших много веков до нас.

Много тысяч лет назад, когда человек умирал, в первые три дня никого не должно было быть на месте этого печального события, кроме священников и их помощников.

Только на второй день собирались все родственники и родственники по мужу или жене, а также соседи, знакомые и даже незнакомые, которые хотели прийти.

В присутствии всех собравшихся священники сначала исполняли религиозные церемонии у дверей дома, а затем, вместе со всеми, несли умершего на кладбище, где они снова исполняли особый ритуал, а затем хоронили его.

После этого, если покойный был мужчина, все мужчины возвращались в его дом; если женщина, то все женщины. Все другие отделялись и возвращались домой.

Эти люди, которые возвращались в дом покойного, прежде всего ели и пили, но только ту еду, составляющие части для которой сам умерший заготовил еще при жизни для этой цели.

После этой трапезы они собирались в самой большой комнате дома, садились и начинали так называемый "Пир воспоминаний", вспоминая и рассказывая только плохие и злые дела умершего за всю его жизнь.

И это они делали ежедневно в течение трех дней. После этой своеобразной трехдневной

процедуры, или, как теперь можно было бы это назвать, "не оставив живого волоса на его голове", или, как они сами называли это, "отмыв кости умершего до белизны слоновой кости", все принимавшие в этом участие собирались в доме покойного ежедневно в течение семи дней, но на этот раз по вечерам после завершения своих дневных дел.

В эти семь дней еду уже не подавали, но в той комнате, в которой происходило собрание, постоянно курились многие различные виды благовоний, приобретенных умершим или его наследниками.

Все присутствующие сидели или стояли на коленях и, в хорошо известной атмосфере, создаваемой благовониями, они сначала выбирали своим ведущим самого достойного по возрасту и репутации, а затем отдавались размышлениям о неизбежности своей собственной смерти.

В определенные интервалы ведущий говорил всем присутствующим следующее:

Не забывайте, как он жил, тот, чье дыхание еще не совсем исчезло из этого места, как он вел себя недостойно человека и не принимал в расчет того, что ему, как и другим, придется умирать.

После этих слов ведущего все присутствующие должны были вместе петь следующее: "О вы, святые высшие силы и бессмертные духи наших предков, помогите нам держать смерть всегда перед своими глазами и не поддаваться соблазну".

Я больше ничего не добавлю к рассказанному, но оставлю каждому из вас решать для себя, какая польза была бы в том, если бы такой "дикий" обычай установился в наше время.

Я надеюсь, что вы теперь частично понимаете, почему именно эти ваши "выражения соболезнования" действуют на мое внутреннее существо почти таким же образом, как ваши американские "продукты" питания действуют на английское пищеварение.

Было бы желательно для всех, для Бога, для умершего, для вас, для меня и даже для всего человечества, если бы, при смерти любого человека, вместо процесса произнесения бессмысленных слов в вас происходил процесс реального осознания вашей собственной грядущей смерти.

Только полное осознание человеком неотвратимости своей собственной смерти может разрушить эти, внедренные в нас нашей ненормальной жизнью, факторы выражения различных аспектов нашего эгоизма, этой главной причины всего зла в нашей общей жизни.

Только такое осознание может снова вызвать к жизни в человеке те ранее существовавшие, божественные признаки подлинных импульсов - веру, любовь и надежду".

Когда я говорил все это, мне вспомнились, не знаю почему, слова одной старинной персидской песни и, совершенно произвольно, я сразу же их привел.

И вследствие этого произвольного срыва я был вынужден, чтобы скрыть в тот момент от сознания присутствующих степень моего автоматического мышления, волей-неволей, взять на себя труд объяснения на английском содержания текста этой песни.

Словами этих древних персидских стихов выражена одна научная мудрость, которую можно было бы выразить на вашем обычном языке примерно следующим образом:

Если бы человек имел душу, Давным давно уже бы на Земле
не осталось места Для ядовитых растений или диких зверей,
И даже зло должно было бы перестать существовать.

Душа - для ленивой фантазии,

Роскошь для не отказывающего себе в страдании;

Это показатель личности,

Путь и связующее звено с Создателем и Творцом.

Душа это осадок образования,

Первый источник терпения;

Это также доказательство заслушивания

Сущностью вечного Бытия.

Руководитель воли, Ее присутствие -- это "Я есть". Это часть Всего-Сущего, Это было так и всегда будет.

В общем, несмотря на мое неугасимое желание работать и несмотря на тот факт, что при любой подходящей или неподходящей возможности я писал и писал, чтобы закончить эту книгу и завершить все задачи, поставленные самому себе, я был, тем не менее, не в состоянии этого сделать.

Окончив наконец (9 апреля 1935 года) пролог, я в тот же самый день начал писать эту главу.

И именно в связи с изложением этой второй главы, над которой я сейчас работаю, произошло то совпадение, с которым я решил познакомить читателя, как с полезным для этой главы.

Весь день и ночь 10 апреля, с необычайными усилиями, я делал и переделывал начало этой главы, которое меня не удовлетворяло, и только к вечеру следующего дня мне начало казаться, что что-то начинает получаться, и возникла уверенность, что теперь все пойдет легче.

Но, после нескольких часов сна, когда я стал писать дальше и дошел до того места, где мне нужно было в первый раз употребить выражение "проблема продления человеческой жизни", я снова застрял.

На этот раз я застрял потому, что мне вдруг стало ясно, что для полного объяснения этого вопроса, который, среди всех воп

росов, поднимаемых мной в этой книге, я решил сделать основным вопросом или, как говорится, "ключевым", я должен непременно, прежде всего хотя бы кратко, информировать читателя о том, какое место занимает этот вопрос в современной науке и в мышлении современных людей.

Я начал размышлять о том, как начать, чтобы объяснение этого вопроса было как можно более понятным, в то же время не слишком длинным.

Как я ни "вертел" факты, известные мне об этом, и с какой стороны я ни старался их описывать, все выходило слишком длинно.

Мои мысли об этой вступительной статье настолько захватили меня, что я перестал замечать все остальное.

Кто бы ко мне ни приходил, что бы ни говорил или с какими бы ощущениями ни уходил от меня, я не замечал ничего; я не вспоминал уже даже о кофе и сигаретах.

Временами я чувствовал дурноту, голова моя раскалывалась, но я продолжал писать и писать, как если бы от этого зависело все остальное.

В воскресенье, 14 апреля, как только пробило полночь, я решил лечь в надежде заснуть, но все напрасно.

Все было так же, как и в другие дни. Мышление, продолжая работать, приняло такие пропорции, что совершенно отогнало сон. Мне стало абсолютно ясно, что без такой вступительной статьи все остальное не будет иметь никакой цены.

Было самое раннее утро, когда я, совершенно убежденный, что сна мне в тот день уже даровано не будет, решил встать и прогуляться по улицам.

Так как было воскресенье, и очень раннее утро, на улицах никого не было .

Я шел по первой улице, с которой начал, думая найти ночное кафе, куда я мог бы зайти и выпить чашку кофе.

Пройдя немного, я увидел что-то движущееся вдалеке на углу, и, подойдя поближе, обнаружил, что это был продавец газет, раскладывавший свой утренний "товар".

Я решил купить газету, а затем идти домой и снова лечь в постель; может быть, чтение газеты сможет как-то отвлечь мои мысли, и мне удастся заснуть, хотя бы ненадолго.

Я взял "Нью-Йорк Тайме", огромную, толстую газету, особенно по воскресеньям, но, платя за нее, я понял, что чтение английской газеты будет не совсем тем, что мне нужно, и не даст мне - так как я не владею этим языком автоматически, что приходит только с практикой - желаемого эффекта, на который я рассчитывал, чтобы суметь забыться и заснуть.

Поэтому я спросил газетчика, есть ли у него, или у кого-то другого поблизости, европейские газеты, например греческие, армянские или русские.

Он ответил, что у него нет, но что через три улицы живет много русских евреев, и у всех газетчиков там есть русские газеты.

Я пошел в направлении, которое он показал. Машин на улицах становилось больше.

На первом углу указанной улицы был газетный киоск, к которому я подошел и попросил какую-нибудь русскую газету.

Продавец сразу же спросил меня на русском: "Какую, земляк, "Русское Слово" или "Русский Голос"?"

И таким образом я в первый раз узнал, что в Нью-Йорке выходят две газеты с этими названиями.

Чтобы читатель мог установить необходимую связь с этим вторым совпадением, здесь описанным, я должен сказать заранее, что за последние десять лет, то есть с тех пор как я начал писать, я почти ничего не читал, не только газет и книг, но и ни писем, ни даже телеграмм.

Я взял обе русские газеты, пришел домой и снова лег.

Одна из них была невероятно толстой для русской газеты, и я начал с нее.

Просматривая ее, я скоро понял, что эта газета отмечала свое двадцатипятилетие, чем и объяснялась ее толщина.

Все статьи в ней были такие "слащавые", что я отложил ее и взял вторую.

Как только я открыл ее, первое, что попало мне на глаза, был заголовок - "Проблема старения", то есть как раз тот вопрос, который три дня и три ночи не давал мне покоя.

Прочитав эту статью, я пришел в полный восторг и был изумлен найти в ней все, о чем я думал и что считал необходимым вступлением ко всему последующему.

И в то же время все было выражено очень сжато, хорошо сформулировано и, что самое главное, необычайно объективно.

Невольно я стал соображать, как можно использовать это случайное совпадение и, подумав немного, я решил просто вставить всю статью в эту главу в нужном месте.

И кроме того, так как материал, представленный в этой статье, давался не мной, он должен будет быть воспринят читателями намного более объективно, и поэтому с лучшими результатами для них самих.

А чтобы цитирование этой статьи не посчиталось плагиатом, я вставляю ее полностью, с информацией о том, где она была написана и кто ее написал, и в дополнение к этому я дважды подчеркиваю имя автора.

Эта статья так меня утешила и ободрила, что я решил в тот день уже не работать, а пойти посмотреть знаменитый Кони Айленд, куда мне хотелось сходить в каждый свой приезд в Нью-Йорк, но никак не удавалось.

ПРОБЛЕМА СТАРЕНИЯ

!

П.МАНН

"Русский голос" Воскресенье, 14 апреля, 1935

Когда были опубликованы работы Мечникова, казалось, что проблема продления

человеческой жизни решена. Согласно его взглядам, преждевременное, сопровождающееся болезнями старение и смерть являются результатами хронического отравления тканей ядом разлагающихся бактерий, которое происходит главным образом в толстой кишке.

Для продления жизни он рекомендовал диету из кислого молока (кефир, пахта), потому что бактерии молочной кислоты, при своем вхождении в кишечник, препятствуют разложению, а также развитию факторов гниения.

В доказательство Мечников привел множество примеров долгожительства отдельных людей и целых народов. Сам ученый жил семьдесят один год, возраст, которого не удалось достичь никому из его семьи, и приписывал это тому факту, что в течение нескольких лет он каждый день пил кислое молоко, приготовленное по его особому рецепту.

И тем не менее, Мечников преувеличивал значение кишечных бактерий. Несомненно, яды кишечных бактерий вредны; но существует множество более важных причин преждевременного старения животного организма. Есть некоторые животные, у которых толстая кишка вообще отсутствует. Но они точно так же стареют и умирают.

Причины преждевременного старения не в этом. Когда теория Мечникова была учеными отвергнута, многие из них выдвинули другие теории, по-новому объясняющие причины долгожительства.

Знаменитый французский физиолог Браун-Секар пытался замедлить приближение старости и омолаживать организм путем инъекции секрета половых желез животных.

Широкое применение этого метода не дало результатов, и тогда Стейнах и Воронов, возвращаясь к идее французского физиолога, сделали попытку добиться омоложения путем пере-вязывания яичек и пересадки половых желез животных. Но они сами признали, что получали положительные результаты только в редких случаях.

И теперь еще появляются новые теории относительно причин старения: физико-химические изменения в организме, износ кровеносных сосудов, и многие другие. Каждая из них по-своему объясняет причины преждевременного старения, и предлагает различные методы продления жизни. Но все они согласны в одном общем выводе, а именно что смерть приходит к человеку слишком рано.

Человек может жить значительно дольше, чем семьдесят или семьдесят пять лет, обычный срок человеческой жизни.

Как долго? И за счет чего? Известно, что в исключительных случаях человек может жить до ста, ста двадцати, и даже до ста пятидесяти лет! В Патофизиологической клинике для престарелых Института Союза экспериментальной медицины, руководимой профессором И. Г. Хеллманом, проводится всестороннее изучение человеческого организма и его различных возрастных уровней.

Помимо несовершеннолетних и подростков, здесь собраны десятки престарелых людей, из которых некоторые приближаются к самым крайним пределам человеческого возраста.

В одно время в этой клинике находилось более шестидесяти очень старых людей, мужчин и женщин, возраста до ста двадцати пяти лет. Троем из них было более ста лет. Это были: Мозжухин - который умер несколько месяцев назад в возрасте 123 лет, крестьянин, который еще живо помнил события прошлого века, феодальное поместье, "освобожденных" крестьян, себя самого, получавшего десять копеек в день за работу. Самый старый житель Москвы после смерти Мозжухина -- Цирюльников, 112 лет, а затем Балашева, 105 лет, которая помнит похороны Николая I.

Среди престарелых людей возрастом менее ста лет - старая "партизанка" Аксенова, 75 лет, которая принимала активное участие в партизанском движении в Сибири и не один раз прошла через всю Чехословакию, участвовала в сражениях и часто совершала марши по 60 километров

за 24 часа. Затем, учительница иностранных языков, Пастернацкая, 83 лет, которая даже в прошлом году прекрасно каталась на коньках, соперничая с молодыми.

Что показывают эти наблюдения? Изучение долгожителей приводит нас к заключению, что помимо внешних, социальных причин, которые для долгой жизни имеют большое значение, огромную роль играют также наследственные факторы. Почти все долгожители имели крепкое здоровье в течение всей своей жизни! Многие из них сохранили память и умственные способности. Большинство выглядело намного моложе своих лет. Они никогда серьезно не болели.

Эта особенность привела ученых к крайне важной идее о наличии у всех у них врожденного иммунитета к инфекционным болезням. Это биологическое свойство кажется одним из наследственных факторов, характеризующих те внутренние условия, при наличии которых человек может жить долго.

Есть и другие исключительно важные результаты наблюдений. Например, огромное научное значение имеют наблюдения над различиями между очень старыми и очень молодыми людьми. Нормальная ли кровь у стариков?

Этот вопрос получил окончательный ответ: оказалось, что кровь у старых людей полностью в нормальном состоянии и очень мало отличается от крови молодых людей.

В то же время выяснилось, что долгожители сохраняют свои физические способности, в частности сексуальную функцию, очень долгое время.

При сравнении результатов исследований молодых и старых появилась возможность установить основные закономерности в развитии человека и наблюдать функциональные изменения, которые определяются физическими особенностями человека в различные возрастные периоды.

Открытие этих законов дает новую возможность для разрешения проблемы старения вообще и ее отдельных важных элементов и особенно вопроса, давно интересующего науку, о сохранении до престарелого возраста не только физических, но также умственных способностей.

Со времени работ Браун-Секара и Мечникова эта научная идея намного прогрессировала. Большое развитие получила доктрина желез внутренней секреции. Много нового принесли самые последние открытия в области гормонов. Одна из целей работы клиники профессора Хеллмана состоит в составлении подробного критического обзора различных научных теорий о причинах долгожительства, чтобы на этой основе помочь разрешить проблему естественной и здоровой старости и найти средство продления человеческой жизни.

Эта работа только начата. Впереди много исследований, наблюдений, теорий и практических выводов. Но несомненно то, что единственным способом прийти к решению этой интересной научной проблемы является всестороннее изучение человека от рождения до старости - изучение человеческого организма объединенными усилиями физиологов, биохимиков и врачей, как это делается в Институте Союза экспериментальной медицины.

Этот метод открывает новые и великие возможности для советской русской науки.

Итак, хватит пользоваться выдержками из чужих мозгов; нужно начинать снова "высасывать" из своего собственного.

Таким образом, у каждого человека, если он только обычный человек, то есть такой, который никогда сознательно не "работал над собой", есть два мира; а если он работал над собой и стал, так сказать, "кандидатом для другой жизни", даже три мира.

Несмотря на тот факт, что все без исключения, прочитав это заявление, конечно подумают, что я совершенно сошел с ума, я тем не менее продолжу развивать логические следствия этого крайне сумасбродного представления.

Если вы на самом деле хотите знать истину, я расскажу вам, как обстоят дела и почему я произнес такую нелепость.

Прежде всего необходимо сказать, что в излияниях различных оккультистов и других безвольных паразитов, когда они обсуждают духовные вопросы, не все является абсолютно ложным.

То, что они называют "душой", на самом деле существует, но не обязательно у каждого она есть.

Душа не рождается вместе с человеком и не может ни развиваться и оформиться в нем, пока не будет полностью развито его тело.

Это роскошь, которая может появиться и реализоваться только в "ответственном возрасте", то есть в зрелости.

Душа, как и физическое тело, также материя - только она состоит из "более тонкой" материи.

Материя, из которой образуется душа и которой она впоследствии питает и совершенствует себя, вырабатывается, вообще, в результате процесса, который имеет место между двумя главными силами, на которых основана вся Вселенная.

Материя, в которую облачается душа, может быть произведена исключительно действием этих двух сил, которые древней наукой назывались "добро" и "зло", или "утверждение" и "отрицание", а современная наука называет их "притяжение" и "отталкивание".

В общем существе человека эти две силы имеют свои источники в двух совокупностях общих психических функций, уже упомянутых ранее.

Один из них совпадает с той функцией, факторы которой происходят из результатов впечатлений, полученных извне, а другой являет себя как функция, факторы которой происходят главным образом из результатов функционирования органов, характер которых определен наследственностью.

В общем существе человека, как во всем во Вселенной, то одна, то другая из этих совокупностей функций может служить источником одной из сил, требуемых для процесса, о котором идет речь.

Для того, чтобы протекал этот процесс, совершенно неважно знать, какая из двух сил является утверждающей, а какая отрицающей; имеет значение только то, что когда одна утверждает, другая отрицает.

Полная реализация и точное определение в человеке той совокупности функций, факторы которой формируются из впечатлений, приходящих извне, называется "внешним миром" человека.

А полная реализация другой совокупности, факторы которой возникают из автоматически протекающих "переживаний" и рефлексов организма - особенно тех органов, специфический характер которых передается по наследству называется "внутренним миром" человека.

По отношению к этим двум мирам человек является в реальности просто рабом, потому что его разнообразные восприятия и проявления не могут быть иными, чем подчиняющимися качеству и природе факторов, составляющих эти совокупности.

Он вынужден, по отношению к своему внешнему миру, так же как и внутреннему миру, проявлять себя в соответствии с командами, получаемыми от одного из факторов той или иной совокупности.

У него не может быть своей собственной инициативы; он не свободен желать или не желать, но вынужден пассивно производить тот или иной "результат", происходящий из других внешних или внутренних результатов.

Такой человек, то есть человек, который связан только с двумя мирами, никогда не может

ничего делать; наоборот, все делается посредством него. Во всем он всего лишь слепой инструмент капризов его внешнего и внутреннего миров.

Высшая эзотерическая наука называет такого человека "человеком в кавычках"; другими словами, он лишь носит название человека, но на самом деле человеком не является.

Он не является человеком таким, каким он должен быть, потому что его восприятия и его проявления происходят не по его собственной инициативе, но либо под воздействием случайных причин, либо в соответствии с функциями, подчиняющимися законам этих двух миров.

В случае "человека в кавычках" отсутствует "Я", а то, что "выполняет его роль" - это фактор инициативы, происходящий из одной или двух вышеупомянутых совокупностей, в которых расположен центр тяжести его общего состояния.

"Я" в реальном человеке представляет ту совокупность функций в его общей психике, факторы которой происходят из результатов созерцания или, просто, из контакта между первыми двумя совокупностями, то есть между факторами его внутреннего мира и его внешнего мира.

Совокупность проявлений этой третьей функции общей психики человека сама по себе также представляет собой мир, но это уже третий мир человека.

И таким образом, третий мир человека есть, строго говоря, как понимали древние ученые, истинный "внутренний мир человека", противоположный истинному "внешнему миру".

Я буду называть эту третью определенную совокупность функций в общей психике человека тем самым именем, которое было дано ей в далеком прошлом, то есть: "мир человека".

Согласно этой терминологии, общая психика человека в ее окончательной форме считается результатом подчинения этим трем независимым мирам.

Первый - это внешний мир, другими словами, все существующее вокруг него, как то, что он может видеть и чувствовать, так и то, что для него невидимо и неосвязаемо.

Второй - это внутренний мир, другими словами, все автоматические процессы его природы и механические следствия этих процессов.

Третий мир - это его собственный мир, не зависящий ни от его "внешнего мира", ни от его "внутреннего мира"; это значит, что он не зависит от капризов процессов, протекающих в нем, так же как от несовершенств в тех процессах, которые их вызывают.

Человек, не обладающий своим собственным миром, никогда ничего не может делать по своей собственной инициативе: все его действия "делаются" в нем.

Только тот может иметь свою инициативу в восприятиях и проявлениях, в чьем общем существе была сформирована, независимым и намеренным способом, совокупность факторов, необходимых для функционирования этого третьего мира.

Таким образом, совершенно очевидно, что весь секрет человеческого существования состоит в различии в формировании факторов, необходимых для этих трех относительно независимых функций общей психики человека.

И это различие состоит единственно в том, что факторы первых двух совокупностей формируются сами по себе, в соответствии с законами, как результат случайных причин, не зависящих от них, тогда как факторы третьей совокупности формируются исключительно намеренным смещением функций первых двух.

Именно в этом смысле человек должен понимать изречение, общее для всех религиозных учений, что "человек получает все свои возможности Свыше".

Необходимые факторы для этих трех совокупностей формируются в человеке, как все во всей Вселенной, от соответствующих вибраций, исходят ли они в данный момент из источника своего возникновения или они были кристаллизованы до этого в виду дальнейших возникновений в соответствии со вторым фундаментальным космическим законом, называемым

"Закон Семи".

Чтобы объяснить, что я подразумеваю под вибрациями, о которых я только что говорил, я могу сразу привести, в качестве великолепного примера, причины того факта, что сегодня в больших количествах умножаются мои враги с необычным внутренним отношением ко мне, и я теперь окружен ими со всех сторон.

Среди самых разных характерных особенностей этого необычного внутреннего отношения ко мне со стороны множества моих врагов мы возьмем для нашего объяснения только следующее:

Не существует, так сказать, ни одного из моих заклятых врагов, который, в том или ином из своих обычных состояний, не был бы готов "продать за меня свою душу".

"Какой абсурд!" подумает каждый из моих читателей. "Как может один и тот же человек иметь к другому человеку два таких диаметрально противоположных отношения?"

Да, на поверхностный взгляд, это абсурд - и тем не менее, в реальности, это так.

В самом деле, это неопровержимый факт, факт, который при желании может быть продемонстрирован со всеми деталями, не только на практическом уровне я имею в виду, нормальными средствами, доступными каждому - но также научно, с использованием всех "диагностик" различных отраслей официальной науки наших дней, таких как юриспруденция, химия, физика, медицина, и так далее ...и, кажется, сам психоанализ.

Более того, нет ничего легче, чем это продемонстрировать, во-первых, потому, что подходящие объекты для исследований могут быть найдены совершенно бесплатно тысячами, и более того - и это самое важное - потому что такие исследования имеют своим отправным пунктом принцип, который я уже установил и сформулировал способом, вполне приемлемым для всех категорий ученых существ.

Этот принцип, который стоит выше всех научных споров, я определил следующим образом:

"Острота противоречия, которое проявляется между двумя диаметрально противоположными действиями, прямо пропорциональна длительности их встречи друг с другом".

И, поистине, это так. Чем дольше кто-либо находится со мной в непосредственных отношениях, тем большую силу он показывает позже в диаметрально противоположных действиях, проявляемых по отношению ко мне.

И эта психо-физическая комбинация, возникающая во взаимоотношениях людей - хотя невероятная на первый взгляд - действует вообще очень простым образом, который я хочу сейчас описать.

Прежде всего, вы должны знать, что во всей Вселенной каждая концентрация, к какой бы разновидности она ни принадлежала, имеет свойство испускать излучения.

Допустив, что в человеке формирование этих трех совокупностей функций его общей психики проявляется как возникновение результатов, происходящих из различных источников, каждый из этих источников должен сам по себе также иметь свойство испускать излучения.

Так же как излучение каждой космической концентрации состоит в вибрациях, выпущенных соответствующим источником, так же и вибрации, происходящие из процессов каждой из этих совершенно различных совокупностей функций, которые составляют общую психику человека, имеют свои собственные плотность и частоту. Когда происходит контакт между излучениями различных космических концентраций, смешение вибраций происходит в соответствии с их "сродством"; подобным же образом, когда вибрации, излучаемые двумя людьми, входят в контакт, происходит смешение между теми из их вибраций, которые соответствуют друг другу.

Чтобы объяснить по аналогии некоторые характерные черты излучений человека, я возьму в

качестве примера излучения, испускаемые Землей.

Общие излучения Земли, совокупность которых проявляется как атмосфера, состоит из трех независимых классов вибраций, берущих свое начало в процессах, происходящих в самом сердце Земли между металлами, металлоидами и минералами.

Общее излучение человека также состоит из трех независимых видов вибраций, каждый из которых имеет свою собственную частоту.

И так же как разнородные вибрации, испускаемые Землей, встречаются в ходе своего распространения некоторые вполне определенные границы в соответствии со своей частотой, так же и различные элементы общего излучения человека имеют свои точно определенные границы.

Например, если излучения, происходящие из процесса активного мышления могут, при некоторых известных условиях, приобрести силу распространения, способную покрыть сотни или тысячи километров, вибрации, испускаемые процессами ощущения, какими бы активными они ни были, не могут распространяться более чем на двести метров.

В человеке эти три вида вибраций берут свое начало в следующих трех процессах:

Первый вид вибраций имеет свое происхождение в процессе, называемом "активная мысль", а иногда даже, вследствие некоторых известных комбинаций, в процессе "пассивной мысли".

Второй вид вибраций имеет свое начало в процессе, называемом "чувство".

Третий вид вибраций соответствует совокупности результатов, происходящих из функционирования всех органов физического тела, - их иногда также называют "вибрациями инстинктивных функций".

Вибрации, испускаемые всем существом человека в состоянии полного расслабления, составляют собой атмосферу аналогичную цветовому спектру, имеющему известные границы своего протяжения в пространстве.

И как только человек начинает думать, чувствовать или двигаться, эта спектрообразная атмосфера изменяется, как в своем объеме, так и в качестве своих составляющих.

Чем интенсивнее проявление той или иной отдельной функции общей психики человека, тем больше спектр его атмосферы дифференцирован.

Мы можем очень хорошо представить себе комбинацию разнородных вибраций, возникающую в общем излучении различных людей в ходе их обычного существования, если сравним ее со следующей картиной:

В темную ночь, во время сильного шторма в океане, какие-то люди на берегу наблюдают качания плавающих по воде разноцветных электрических лампочек, соединенных друг с другом, на большом расстоянии друг от друга и на концах, двумя проводами.

Хотя эти цветные лампочки питаются током из одного и того же источника, но поскольку их лучи проходят через различные изменяющиеся условия, некоторые светят на большое расстояние, другие, пересекаясь, изменяют цвет и частоту вибраций друг друга, а третьи совершенно проглатываются либо на полпути или в самом месте возникновения.

Если два человека находятся рядом, то чем ближе они друг к другу, тем более глубоко смешиваются их атмосферы, и поэтому тем лучше контакт, достигающийся между их специфическими вибрациями.

Смещение и сплавление специфических вибраций, испускаемых различными людьми, происходит механически, в зависимости от их ситуативного отношения друг к другу и от условий, в которых они находятся.

И таким образом, у людей, с которыми я вступаю в контакт, формирование психических факторов, необходимых для проявления диаметрально противоположных отношений ко мне,

должно неизбежно происходить следующим образом...